

ВЛАДИМИР ВЛАДЫКИН

РАСПУТИЦА



Владимир Владыкин

Распутица. Роман в пяти частях

«Издательские решения»

Владыкин В.

Распутица. Роман в пяти частях / В. Владыкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745900-0

Роман В. А. Владыкина «Распутица» является продолжением романа «Юлия». События происходят до 1985 года и воссоздают причины, которые предшествовали перестройке. Торжествует асоциальная среда с присущим ей культом денег, коррупцией, наркоманией, порнографией, проституцией. Эти пороки расцвели сегодня: молодёжь увлечена погоней за деньгами, развлечениями. И больше всех страдают бывшие детдомовцы, чтобы выжить, их поглощает преступная среда, и попробуй из неё выбраться, когда кричат: «Назад!».

ISBN 978-5-44-745900-0

© Владыкин В.
© Издательские решения

Содержание

Вступительное слово	6
Часть первая. Мужья и жёны	7
Глава первая	7
Глава вторая	10
Глава третья	15
Глава четвёртая	18
Глава пятая	23
Глава шестая	28
Глава седьмая	34
Глава восьмая	38
Глава девятая	43
Глава десятая	48
Глава одиннадцатая	54
Глава двенадцатая	59
Глава четырнадцатая	62
Глава пятнадцатая	64
Глава шестнадцатая	68
Глава семнадцатая	71
Глава восемнадцатая	74
Глава девятнадцатая	77
Глава двадцатая	82
Глава двадцать первая	86
Глава двадцать вторая	91
Глава двадцать третья	96
Глава двадцать четвёртая	100
Конец ознакомительного фрагмента.	101

Распутица
Роман в пяти частях
Владимир Владыкин

© Владимир Владыкин, 2016

© Марина Эдуардовна Багдасарян, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-5900-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Вступительное слово

О РОМАНЕ В. А. ВЛАДЫКИНА «РАСПУТИЦА»

Когда мне в руки попала первая книга Владимира Владыкина «Юлия», я прочитала её с удовольствием. Этот роман хорошо издан, книга сделана добротно, а сам автор заслуживает внимания как вполне состоявшийся писатель.

История, рассказанная в книге, наверняка заинтересует и взрослых, и подростков. Автор тонко передает атмосферу детского дома, стремится проникнуть в глубины детской психологии. Главная героиня Юлия – персонаж с непростой и драматической судьбой. Как педагог по образованию я могу судить и об удачном образе директора детдома Тамары Пустоваловой – чутком человеке и педагоге, равнодушном к внутреннему миру своих питомцев. Думается, этот роман придётся читателю по душе.

Вслед за первой вышла и вторая книга Владимира Владыкина – «Распутица». Развивая свой писательский талант, автор прибегает к более сложным композиционным решениям. В этом романе продолжается рассказ о дальнейшей судьбе Юлии, которой пришлось перенести немало испытаний. Воспитаннице детского дома нелегко адаптироваться к сложной и противоречивой жизни, найти в ней свою опору. Были и разочарования, и ошибки, последствия которых порой оказывались трагичными...

В новом романе автор исследует кризис современной семьи, которая не скреплена внутренним стержнем взаимопонимания и доверия; кризис современного общества, члены которого подвержены таким порокам, как алчность, жажда лёгкой наживы, беспринципность, равнодушие к окружающим, эгоизм без оглядки. Асоциальная среда, в которую попадает Юлия, пагубно действует на неё саму, на её ровесников, которые не могут найти себя в этой жизни.

Тем не менее самое светлое и тёплое чувство, которое может испытать женщина, – любовь к собственным детям спасает нашу героиню, вселяет в неё силы и мужество, чтобы противостоять суровой реальности.

В этом романе есть множество удачных сюжетных ходов, поучительных жизненных историй. Основная идея его в том, что ни в коем случае, ни в какой самой сложной ситуации нельзя предавать себя и своих близких.

Н. М. ВИНОГРАДОВА

Часть первая. Мужья и жёны

Глава первая

Для Юлии Пересветовой как никогда осень выдалась грустная, а всё потому, что отныне с ней не будет старшего сына Павлика. Неделю назад она приехала от него из Сибири, и теперь по нему очень скучала. Хотя в заботах о своих детях временами ей казалось, будто у него она вовсе не была. Но разве можно забыть то, как на неё глубоко подействовала эта поездка. И с первого дня приезда в сибирский городок Исилькуль она посещала с Павликом могилу любимого мужа, которого похоронила пять лет назад...

И хоть осень сама по себе грустная пора, но нынешняя для Юлии как-то по-особенному наводила тоску и вызывала острое чувство одиночества, что невольно возникало неодолимое желание встретить такого мужчину, который хотя бы отдалённо напоминал покойного мужа. Но она была не уверена, что ей может опять повезти, хотя несколько лет назад у неё ещё сохранялась такая надежда.

А когда во втором неудачном браке родила ещё двоих детей и уехала от мужа, она уже думала, что ей больше никогда не повезёт. В этом она уверилась с того дня, как побывала на родине покойного мужа, где теперь и жил её сын Павлик, которого уступила несколько месяцев назад бывшей свекрови Зое Сергеевне. Ведь она тогда специально приехала уговорить её отдать внука.

И теперь после приезда от сына Юле было так невыносимо грустно, что хотелось уехать туда навсегда, чтобы только быть рядом с Павликом.

За два дня до выхода на работу она рассчиталась из детдомовской столовой. И уже было начала собираться в дорогу, как сестра Валентина решительно отговорила, сказав, что Павлику от этого легче не станет, да и Зоя Сергеевна, потеряв сына, уже никогда не вернёт ей своего внука.

Юля расплакалась. Валентина её успокаивала, что у неё должно всё наладиться. Надо только верить в судьбу и самой строить личную жизнь, а не сидеть дома и бывать на людях. Пришлось смириться с незавидным положением, и после отпуска она уже не вернулась в детдомовскую столовую, а устроилась в кафе «Центральное», которое стояло на проспекте Московском.

Теперь она хотела быть на виду у людей, поскольку в детдоме нелегко было работать оттого, что когда-то здесь она сама росла и для неё тут настолько всё знакомо, что не так-то просто было выдерживать все детские страдания, которые подчас напоминали ей собственные. Хотя временами Юле казалось, будто всё происходило с ней только вчера. Конечно, в детдоме она работала с удовольствием, так как лично накрывала столы для детей-сирот; втянулась в работу. При ней были и её дети Женя и Варя и, пока она работала, они находились с детдомовскими детьми.

А потом поняла: нельзя, чтобы они видели, как живут воспитанники детдома, достаточно и того, что в своё время она тут сама пережила. Это её и подстегнуло перейти на новое место, да и самой хотелось забытья от всего прошлого: ведь когда-то из-за этого она покинула родной город и прожила пять лет в Сибири...

Когда уже работала в кафе, она устроила детей в детсад, причём не без помощи директора детдома, которым являлась всё та же Тамара Игнатьевна Пустовалова. Брат Семёна Николай Михайлович, который когда-то ей помогал, вот уже года два как работал в областном центре. Бывший муж Славик Севухин больше не приезжал после того, как Юлия раз и навсегда дала ему понять, что с ним уже никогда не сойдётся, ведь не для того она разводилась. Правда,

Славик пытался внушить, а то и утратить её, что с двумя детьми никого не покорит даже своей красотой.

– А мне никто теперь не нужен! – ответила она тогда с долей презрения. – Хватит мне того, что с тобой намучилась. Я поняла: дураку своего ума не вставишь...

И больше с ним не спорила. Он было ушёл, но тут же догнал и, вертясь вокруг неё, стал упрашивать, умолять отдать ему дочь Варю. Она удивилась, подумав, что бывший муж просто не знал, как её разжалобить и потому заговорил о разделе детей. Зачем пьянице нужен ребёнок? Славик напомнил: мол, одного отдала родителям первого мужа, а почему ему, живому, нельзя? Как он мог этим упрекать, да ещё и сравнивать себя с тем, кому он не годился и в подмётки, и просила немедленно оставить её в покое. Но Славик не отступал, а потом выпалил – ведь она подаст на алименты, а ему, полуинвалиду, этого не надо. И тогда, полный отчаяния, признался. Оказывается, дочь ему нужна исключительно для того, чтобы можно было не платить алименты, так как дети будут разделены поровну. Но Юлия на это не согласилась, попросила его забыть к ней дорогу навсегда...

Вот уже прошёл месяц, как она работала в кафе, жила на квартире у одинокой старушки Марии Никитичны, которая три года назад потеряла мужа. Старая вдова покупала на рынке семечки, жарила их на сковородке, а потом выносила продавать возле гастронома. Свой приработок она объясняла тем, что получала маленькую пенсию, так как почти всю жизнь проработала уборщицей в заводской конторе.

Юле с детьми скучать было некогда. Раз в месяц она писала своей бывшей свекрови и бывшему свёкру письма о своей жизни, и отдельно Павлику, по которому она скучала особенно сильно первые дни, даже не находила себе места. А потом стала привыкать. Достанет фотоальбом, с детьми посмотрит фотографии и спрячет в чемодан...

Она вспомнила, что когда-то стояла в очереди на жильё и однажды пошла в горжилуправление. Оказалось, что из списка очередников её вычеркнули, поскольку кто-то сообщил, что она вышла замуж и уехала из города. И Юлии во второй раз пришлось собрать документы, чтобы её поставили на общую очередь на получение квартиры. По списку она была опять почти под двухтысячным номером. А это значит, что своя квартира у неё будет очень не скоро. И сестра, и подруги по работе говорили, что на стройке или заводе жильё получают значительно быстрее. Но к освоению другой профессии у неё не лежала душа, да и на переобучение ушло бы немало времени. И добавок не знала, какую выбрать специальность – ведь когда-то мечтала стать медсестрой, а выучилась на повара, вот и всё её образование. Хотя иногда Юлия с сожалением думала: как досадно, что ей не удалось окончить медицинское училище.

Валентина ей снова и снова напоминала поехать на Север: денег заработает, будет жить в общежитии, а потом получит квартиру или вступит в строительный кооператив, а там, гляди, и замуж выйдет.

– Нет, не уговаривай. Кто меня там ждёт с двумя детьми? Сама не поехала с Семёном, а меня выталкиваешь, – с долей обиды отвечала Юлия.

– Я тебя не выталкиваю. Я Светке и Игорю говорю то же самое. Одну комнату получил с горем пополам, а теперь неизвестно, когда у них будет полноценная квартира, – она помолчала, глядя на сестру. – В своё время я из-за тебя не поехала, совесть мучила: только нашла сестру и опять бросить?

– Ой, да неужели она сильно тебя мучила? Я же в детдоме росла, а не у тебя, – проговорила Юлия с тайным укором, и давняя обида зашевелилась в душе. Её взгляд посуровел – она больше не хотела выдавать своих неприятных чувств.

– Ты ведь всего не знаешь, а говоришь. Ну что ты за человек! Была же у тебя возможность отхватить квартиру в два счёта, а ты не воспользовалась... – напомнила Валентина, не желая и сейчас признавать свою давнюю вину перед младшей сестрой.

– Неужели ты завидуешь только потому, что до сих пор тебе никто не предлагал посидеть в загородном ресторане? – уколола, смеясь, Юлия.

– Конечно, я же ещё не старая! – засмеялась как-то озорно Валентина.

С того раза Юлия больше не вспоминала председателя райисполкома, который предлагал ей провести вечер в ресторане. Если бы она хоть чуточку была в него влюблена, тогда бы ни на что не посмотрела, и даже на то, что была не разведена с мужем...

Когда дети играли на улице, она читала книгу или стирала. О Павлике она думала часто, и в такие минуты работа не шла на ум и ей хотелось немедленно сесть в поезд и уехать к нему. Но тут с ней было двое детей, и она не могла этого сделать, даже испытывая острую тоску по старшему сыну. Он пошёл уже в школу. И пытался сам писать ей письма, в одном просил, чтобы она приехала к нему. Конечно, Юлия не могла тотчас же выполнить его просьбу, но вот как подойдёт отпуск, обязательно поедет, а пока надо немного подождать.

Иногда у неё всё валилось из рук; однообразная жизнь подчас невыносимо тяготила; о покойном муже старалась не вспоминать, так как тогда подавно наваливалась грусть и одолевали слёзы. Но отсутствие Павлика не давало ей покоя, душа прямо-таки рвалась к нему, отчего даже дети не отвлекали её. Никогда бы не подумала, что так серо и буднично потекут её дни. А ведь она ещё молодая. В кафе клиенты-мужчины отпускали ей комплименты, некоторые вполне серьёзно приглашали в кино или в ресторан. Но из них ни один не заставлял дрогнуть сердце, почти все были неинтересные, неинтеллигентные. Впрочем, некоторые только немного нравились. Всем она отвечала, что с женатыми не связывается. У неё тоже интересовались, замужем ли она. Юлия обычно уходила от прямого ответа и старалась держаться достаточно ровно, достойно. Правда, перед симпатичными мужчинами её тянуло пустить в ход кокетство – испытанное оружие женщин лёгкого поведения. Но такая репутация претила всей её духовной сущности. А стоило увидеть на руке обручальное колечко, как у неё тотчас пропадало это сиюминутное желание.

Так в её одинокой жизни прошло два нелёгких года, отданных исключительно детям...

Глава вторая

Вот и опять наступил сентябрь. С начала месяца зачастили нудные, продолжительные дожди. На аллее Атаманской росли клёны и каштаны, на которых с каждым днём багровели и желтели листья; кругом становилось всё холодней и скучней. Юлия вела из детсада Женю и несла на руках Варю, которая устала идти своими ножками. Сын вместе с другими детьми бегал по газону и подбирал жёлто-багряные клиновые листья. Женя собрал из самых лучших большой букет, а потом разделил на два: один отдал сестрёнке, а второй с чувством гордости вручил маме. Юлия так была польщена вниманием сына, что не удержалась от похвалы. Мальчик смущённо улыбнулся, посмотрел на детей, которые подбирали каштаны и сказал, что тоже хочет. Юлия позволила, но чтобы недолго. Варя тоже высказала желание побегать по газону среди палой жёлто-багряной листвы, Юлия поставила дочь на мокрый от недавно прошедшего дождя асфальт и Варя не столь уверенно побежала к брату.

По аллее шли прохожие; Юлия, стоя от них в сторонке, любовалась своими детьми и не спешила поторопить сына, хотя очень хотелось, чтобы быстрее идти домой. Но Женя с таким пылким увлечением стал собирать каштаны, что ей ничего не оставалось, как только набраться терпения. Они падали с глухим ударом на газон и с треском на сырой асфальт и мгновенно выскакивали из лопнувшего зелёного панциря и раскатывались тёмно-коричневыми блестящими гольшами, как шары по сукну бильярдного стола. Женя так увлёкся их сбором, что она не решалась прервать его удовольствие.

Обычно дорогой она обдумывала письмо к старшему сыну и потом почти без запинок писала ему о своей с детьми жизни, что иногда им бывает скучно только из-за того, что им очень не хватает его, Павлика. Вот и сейчас Юлия пыталась мысленно сложить ему очередное послание, но на душе было беспокойно оттого, что вот уже уходят тёплые дни, а она опять не смогла съездить к нему, поскольку не собрала денег на дальнюю дорогу...

Однако эти однообразные каждодневные прогулки от детсада и яслей ей порой надоела. Вот если бы был хороший муж, он бы это делал иногда вместо ней. Дома её также ожидал скучный вечер за домашними делами: стирка, ужин, чтение детям книжек, а потом сон. И каждый день одно и то же, даже в кино по выходным не ходила, так как не с кем и не на кого было оставлять детей.

В середине сентября Светка и Игорь пригласили её в ресторан якобы отпраздновать чей-то из них день рождения.

– Хватит тебе, тётка, киснуть, – бедово заговорила племянница, – посидим в ресторане, хорошо отдохнём, а то меня уже однообразный быт заел до невозможности.

– А куда я детей дену? – удивилась Юлия, польщённая этим приглашением, ведь до сих пор, когда Светка куда-либо звала её, ей казалось, что она это делала исключительно из вежливости (чем, правда, племянница не очень блистала). И она, Юлия, не хотела нарушать их семейный суверенитет, да и зачем быть лишней?

– Мать моя посидит или твоя хозяйка, – подсказала та. – Я своего гаврика уже привела к ней.

– Может, она дежурит! Моя бабуля больная лежит, – пояснила Юлия.

– Маманя сегодня дома, ты уже забыла к ней дорожку. Она сама мне предложила тебя развезть, а то нам жалко на тебя смотреть, красота твоя вянет в этой дыре...

– Вот как? Красиво, красиво, ничего не скажешь.

Они вышли вместе, Юлия отвела детей к сестре. Светка поехала домой, так как с Игорем они жили в микрорайоне Черёмушки, где года четыре назад открылся ресторан «Новостроевск». Пока Юлия мыла голову, пока сушила феном волосы, прошло больше часа. Она надела самое лучшее платье из сиреневого трикотина, сделала причёску, уложив на затылке волосы

в локоны, надушила их. Затем надела светло-синий плащ, белые на толстом каблуке туфли, взяла такого же цвета кожаную сумочку на длинном ремешке. И почувствовала себя вполне светской дамой. Юлии ещё не было тридцати лет, но временами ей казалось, что жизненный опыт значительно перевешивал её возраст, а по правде говоря, в жизни она видела мало хорошего, но сейчас этим не хотела огорчаться, так как для неё только всё начиналось...

В такой чудесный вечер, наполненный осенними запахами увядающей природы и городской жизнью, Юлия решила ехать на такси – остановила по счастливой случайности на Атаманской улице, где только что загорались электрические фонари с ртутным наполнением сверкающего света, отчего кругом становилось светло как днём. Чёрный от сырости асфальт поблескивал как-то печально; ярко горели витрины магазинов, хорошо освещая тротуар. Когда Юлия села в салон, таксист с повышенным интересом посмотрел на пассажирку в зеркальце, висевшее под самой крышей машины.

– Мне на улицу Народную, к семейному общежитию, – чётко произнесла молодая женщина.

– Очень хорошо, поехали туда! – непринуждённо ответил водитель, желая завязать разговор с ослепительно красивой пассажиркой. – Вы в гости или там живёте?

– А это моё дело, а ваше – молча вести машину...

– Много езжу, а таких красавиц в нашем городе ещё не видел, – он повернулся к ней, в его серых глазах сосредоточилась единственная мысль: «Ну как, я тебя убедил? Ведь я лучше, чем ты думаешь, со мной тебе будет не скучно...».

– Кто вам поверит? Я советую внимательно смотреть на дорогу, – сказала она, не принимая, однако, его искреннего желания поговорить с молодой женщиной, отчего даже слегка поморщилась, так как понимала то, к чему он склонялся в своих тайных нечистоплотных помыслах

– А что, говорю честно:, если все мои коллеги узреют такую красотку, как вы, так сразу обалдеют! – продолжал таксист приподнято, явно желая понравиться и на что-то дурашливо намекая.

Юлия смотрела в окно, пожалев, что поддержала не в меру разговорчивого таксиста. На его полноватом лице появилось ехидное выражение, нос слегка приподнят кверху и вместе с тем как-то странно чуть-чуть приплюснут. На улице за фонарями чернели дома, деревья и мелькали яркие огни витрин магазинов, машин. Суетливо шли прохожие. Ей стало вдруг жутко оттого, что она оставила детей и вот куда-то ехала в такси. А где-то в Сибири сын Павлик с бабушкой или дедушкой делает уроки, а может, просто играет и сейчас не думает о ней, так как с каждым днём всё больше отвыкает от своей матери, а потом совсем забудет. От одной этой мысли Юлии стало как-то не по себе. И опять с новой силой испытала старую обиду на свекровь за то, что отняла сына и сделала всё, чтобы он как можно скорее выбросил её из головы. Хотя для этого не было никаких оснований, ведь она сильно его любит, больше всех на свете. И оставила у свекрови не ради неё самой, а чтобы сыну было там хорошо, чтобы он не терпел всех тех лишений, которые она испытывала вместе со своими младшими детьми, ютась на квартире, пользуясь чужой мебелью, не имея своего угла. Но, быть может, Павлик страдает там без матери, и эти лишения сильнее тех, которые свалились на неё и его брата и сестру...

Пока она так думала, такси выскочило на широкий проспект Бакланова, где мимо бульвара мчались гуськом автомобили. Там, на западе, ещё догорала полоска заката, навевая какую-то грусть; и в этом ало-багряном отблеске зари Юлии виделась какая-то смутная надежда на то, что её личная жизнь с разводом вовсе не закончилась, что ей наконец должно повезти, она обязательно встретит того, кто будет её любить. Хотя в это не очень-то верилось, ведь как-никак у неё двое детей, да и Павлик живёт на стороне. Но вопреки всему она его уже воспринимала как отрезанный ломоть. Ведь Павлуша с ней не живёт, наверное, судьбе было так угодно распорядиться. «Бога забыли, потому кругом у людей всё плохо ладится», – вспомнились слова

хозяйки Марии Никитичны, когда услышала её печальную исповедь. Но она же не грешила, чтобы Бог её так жестоко наказал, забрав мужа. А ведь он был самый лучший, а вот погиб. За какие же это грехи?

Юлия не могла во всём этом разобраться и считала, что виновата вовсе не она, а бывшая свекровь сама накаркала беду. Если бы любила её, свою невестку, то ничего бы, возможно, и не случилось...

Такси с проспекта свернуло в переулок, который выводил на Народную. Когда машина остановилась, Юлия расплатилась с таксистом и быстро вышла, словно боялась, что он её не выпустит и она очутится в западне. Такси резко сорвалось с места и умчалось в ночную даль улицы, как-то злобно и суетливо шелестя шинами по сырому асфальту. Юлия пошла к подъезду семейного пятиэтажного общежития. Светка жила на третьем этаже; эту квартиру они получили год назад.

Игорь был чуть выше жены, с модной стрижкой, сзади волосы доходили до плеч, тогда как спереди – коротко подстрижены, и от этого светлое лицо казалось слегка вытянутым, не знавшим солнечного загара, – высокий лоб, светло-голубые глаза, прямой нос. Светка перед трельяжем вдевала в уши золотые серёжки; на ней превосходно сидели плотно облегавшие бёдра широкие чёрные брюки-колокола и розовая из атласного шёлка блузка, нежно облегалась её крепкий бюст. Длинные светло-золотистого оттенка волосы, утончённое лицо с большими серо-зелёными глазами, тонкий нос с горбинкой – все эти черты выдавали в ней красавицу, которой не чуждо зазнаваться. Сейчас она сильно напоминала Семёна, только брови у неё не как у отца надвинуты на глаза, а подняты и как-то разлетались к вискам, веки подведены тушью и тенями. От неё пахло редкими дорогими духами.

– Ну вот и всё! А теперь можно и на бал! – воскликнула она. – Потрясающая у меня тётка – как картинка, девочка на выданье, талия осиная. Игорёк, только не тебе на неё паяться... – шутливо отвернула она от неё голову мужа.

– Думаешь, буду у тебя разрешения спрашивать? – засмеялся тот.

– Ещё как будешь! А вот я тебе по шее вмажу!

– Что ты меня смущаешь? – засмеялась Юлия. – Ехала на такси, водитель приставал, будто женщин век не видел, – весело проговорила она.

– Ну погнались, разбазарилась! – серьёзно бросил Игорь. – Стол там давно накрыт и ждёт нас.

– А у кого же день рождения? – спросила Юлия и трогательно, с лёгким, нежным кокетством засмеялась.

– Да у племянницы твоей. Она Весы, а я Скорпион. Разве мы подходим друг другу?

– На что ты намекаешь? Только собрались в ресторан, видишь, как он залопотал? – она погрозила ему кулаком. – Моя тётка, между прочим, Скорпион, правда, Юля?

Игорь достал пачку «Мальборо» и неспешно закурил.

– Совсем неумно, – заметила Юлия. – Я в знаки зодиака не верю.

...От общежития до ресторана всего идти минут десять. Гостиница «Новостроевск» была видна даже из окна комнаты. Почти по всей округности площадь освещалась ртутными фонарями, отчего кругом было светло почти как днём. На автобусной остановке собралась большая толпа. Должно быть, в кинотеатре «Космос» закончился кинофильм, и потому на улице царил оживление. Проехал, мерно позванивая, трамвай; без конца сновали легковые автомобили, редко проскакивали грузовики и пассажирские автобусы.

При входе в вестибюль стоял швейцар; на нём была форменная фуражка с кокардой, по бокам широких тёмно-синих брюк нашиты жёлтые лампасы. У всех входящих он проверял пригласительные билеты. В городе это был единственный ресторан, куда пропускали по заранее выкупленным билетам. Поэтому каждому желающему попасть сюда было не так-то просто.

Игорь достал билеты по знакомству и теперь чувствовал себя перед женой и свояченицей значительной личностью. Он был в короткой кожаной куртке, в уже изрядно потёртых джинсах и вельветовом батнике. В гардеробе ресторана молодой мужчина поухаживал за своими спутницами, и вскоре втроем прошли в зал и тотчас попали под взоры разновозрастной публики. Особенно на них смотрели мужчины, а женщины лишь в тех случаях, когда замечали, что их кавалеры созерцали Юлию с таким интересом, будто перед ними появилась широко известная актриса. Но она лишь про себя улыбалась и старалась держаться, как ей казалось, с достоинством и непринуждённо, будто была здесь уже неоднократно и привыкла к такому повышенному к себе вниманию мужчин, а также их подруг. Хотя на самом деле это ей удавалось с трудом, всё здесь молодой женщине было в новинку и донельзя её беспокоило, что становилась центром притяжения противоположного пола и в такие моменты стыдливо опускала глаза.

А ведь действительно, даже без хорошей причёски, её природной красоте можно было позавидовать, к тому же на ней превосходно сидело платье из сиреневого трикотина с короткими рукавами, которое подчёркивало выпукло-упругие груди и все линии пленительно гибкой фигуры, что на неё нельзя было не заглядеться. Так что молодая женщина, совершенно гармоничного сложения, невольно приковывала к себе внимание искушённой публики; на миг это вызывало у неё гордость за себя. Но от сознания того, что её необычная яркая внешность кого-то из женщин могла раздражать и настраивать их против неё, это Юлию очень огорчало. К тому же иногда она слышала в кафе замечание посторонних мужчин, что она смотрит диковатым взглядом, какой был свойствен, наверное, только первобытным женщинам, у которых мужчина чужого племени вызывал страх или ужас. Однако, чтобы её успокоить, некоторые называли такой взгляд главным её достоинством. Но пока никто не намекал на её восточное происхождение, о чём она, впрочем, редко думала.

Юлия полагала, что Игорь прихвастнул, когда говорил, будто в ресторане к их приходу всё уже подготовлено. Но действительно, к их приходу стол был тщательно сервирован. Столешница была застлана чистой белоснежной скатертью, расставлены рюмки, фужеры, тарелочки, на которых салфетки скручены в изящную фигуру; разложены попарно вилки и ножи. Для начала трапезы поставлены в основном холодные закуски и в графинчиках минеральная вода, водка и бутылка шампанского.

За соседними столиками уже сидели молодые мужчины и женщины или парами девушки и парни, за некоторыми – одни девушки, за другими рассаживались то парами, то одинокие мужчины и женщины. И так по всему залу, и всё нарядные, модные. В центре зала была отведена площадка для танцев, вокруг которой на незначительном возвышении за невысоким ограждением были расставлены под белоснежными скатертями квадратные столики вокруг всей овальной окружности танцевальной площадки, куда со всех сторон с балюстрады сбегали деревянные лесенки в несколько ступенек. Над площадкой возвышалась эстрада, где стояли музыкальные инструменты, но самих музыкантов пока ещё не было. За эстрадой на галерке под балконом под белыми скатертями также стояли столики. При входе из вестибюля в ресторан, с правой стороны, наверх вела широкая лестница в бар; он располагался на просторном балконе, который частично нависал над залом ресторана; его потолки были достаточно высокие, а окна тянулись от пола почти до самого потолка. Следующая стена была совершенно глухая, по ней в романтическом стиле растекалось цветное панно, создававшее располагающее к приятному отдыху настроение. К тому же панно рождало поэтические ассоциации – этакое вечное тяготение к любви и красоте. На живописному пейзаже изображены женщина и мужчина; их беззаботные счастливые взоры обращены друг к другу; а в некотором отдалении от влюбленной парочки, на лужайке, паслись белые в тёмных яблоках кони. Юлия как раз и рассматривала это дивное панно, словно ничего чудесней этого в своей нелёгкой жизни не видела, хотя она была уже знакома с настенной росписью в соборе, куда заходила вскоре после приезда из Сибири, так как ночью в поезде во сне она увидела покойного мужа, который стоял на высоком большом

холме. В руках он держал меч, а на голове был металлический шлем русского витязя. И тут он вдруг исчез, и возник совершенно незнакомый мужчина в фуражке и погонах. Его форму она хорошо не успела разглядеть, но вполне ясно услышала слова: «Вот я тебя и нашёл». Юлия проснулась со странным ощущением холодка. Под боком спал сын Женя, и она ещё тесней легла к нему, трепетно прижала его к себе...

Этот сон почему-то долго не выходил из головы; она пересказала его Валентине, и та посоветовала поставить в соборе свечку за упокой мужа и за здоровье сыновей, дочери и себя.

Глава третья

Зал наполнялся и наполнялся нарядной публикой, и, наконец, почти все столики были заняты; слышались гомонящие голоса, словно потревоженный рой пчёл. Игорь резво расправлялся за столом, открыл шампанское без шумного хлопка, разлил по высоким фужерам искромётное вино и пригласил Юлию выпить за Светку. Между прочим, через полтора месяца у Юлии тоже будет день рождения, но она об этом не хотела заранее напоминать, так как не любила его отмечать. Хотя покойный муж всегда её поздравлял. Но сейчас ей было тяжело вспоминать свое прошлое. Она выпила всё вино, даже не заметила, как это ловко у неё получилось. Юлия боковым зрением увидела, как на неё с соседних столиков то и дело смотрели с любопытством мужчины, а их женщины взирали на неё почему-то свысока, отчего ей становилось неприятно, хотя где-то в глубине души это вызывало тихую радость, которую в себе тут же подавляла. Неужели она ещё может привлекать чьё-то внимание? Юлии казалось, что, родив троих детей, она заметно постарела. Потому в последнее время стала делать омолаживающие маски, протирать лицо лосьонами, всегда пыталась сохранять фигуру, как ей иногда казалось, в своей первозданности. Но этими иллюзиями только себя обманывала – как и всякая женщина, которая любым способом стремится удержать ускользающую молодость. Но что касалось её самой, то роды на её внешности нисколько не отразились, и во многом это благодаря искусственному голоданию: она могла продержаться все выходные, не взяв в рот ни крошки, лишь попивая какой-нибудь фруктовый или овощной сок с гренками. А в будни старалась никогда не переесть, меньше есть мучного и мясных блюд...

Сейчас она исключительно из приличия прикасалась к овощному салату. Может, поэтому после второго фужера вина у неё приятно закружилась голова, ей стало так необычайно весело, что хотелось даже петь и танцевать, позабыв про всё свои печали. Потом, словно специально для неё, заиграл оркестр. Вот из-за соседних и дальних столиков к эстраде потянулись женщины и мужчины, девушки и парни. Это движение создавало несколько приподнятое настроение. Юлии тоже захотелось танцевать и веселиться. А музыканты заставили на миг вспомнить мужа, вокально-инструментальный ансамбль, как она в училище стала его постоянной солисткой... Но когда муж уехал по распределению, она уже не с таким желанием пела, а впоследствии для неё всё так неудачно складывалось, что ей больше не пришлось участвовать в художественной самодеятельности. Значит, не самозабвенно стремилась к пению и не обладала неуёмным честолюбием добиться чего-то серьёзного в вокальном искусстве. Тогда она выбрала любовь, семью, поэтому нельзя было бесплодно мечтать о музыкально-вокальном поприще. И вот сейчас у неё возникло желание спеть с музыкантами. Но как им объяснить, что у неё есть для этого все данные. И Юлия невольно вздохнула, а в этот момент перед ней, как из-под земли, появился молодой мужчина довольно приятной наружности, но на красавца совершенно не тянул и был явно старше её. Он был выше среднего роста, но достаточно плотный, хорошо сложен физически, по-военному подтянут. На нём хорошо сидел чёрно-синий костюм, белая рубашка в тонкую полоску была как-то неряшливо расстёгнута; на груди у него курчавились чёрные волосы. Почему-то ей показалось, будто он нарочно снял галстук, чтобы обнажить свою волосатую грудь, – наверное, ему кто-то подсказал, что именно таким был её первый муж. Но она понимала, что этого, кроме неё, никто не мог знать, значит, это случайное совпадение. И пока она так размышляла, он пригласил её танцевать; румянец и до этого цвёл на щеках, а сейчас лицо покраснело ещё сильнее, и её охватило безудержное волнение оттого, что ей действительно нравились волосатые мужчины. Но тут она испугалась: как бы он не догадался о её страсти. Она робко встретилась с его улыбающимися серыми глазами и дико смутилась, поскольку ей казалось, что он видит всё её переживания, которые ей всегда было трудно скрывать, и оттого сейчас стыдливо опустила глаза. Юлия боялась, что и Светка и Игорь тоже улав-

ливают то, о чём про себя она думала. К тому же к зятю она всегда относилась ровно, даже с намеренно отстранённым равнодушием, так как он иногда пытался обратить на себя внимание, что ей было совершенно не нужно. Хотя она хорошо понимала, что он всего лишь муж племянницы, и этого было вполне достаточно даже в том случае, если бы он сильно ей нравился. Сейчас она постаралась обо всём на свете забыть и быстро встала с сознанием, что впервые за два года будет танцевать с чужим мужчиной, что, однако, заставило её тотчас невольно усомниться, не совершает ли она ошибки. В этот момент молодая женщина услышала, как племянница бросила: «Пойдём танцевать!» Будто это относилось к ней, хотя на самом деле Светка приглашала мужа, видя, что тётку, как она и хотела, уводит вполне приличный на вид мужчина.

Юлия не без отчаяния старалась отвлекать себя от преходящих мыслей, которые сковывали её движения, и слегка опустила голову. И тут же как-то покорно пошла чуть впереди мужчины между столиками, чтобы пройти к выходу на танцплощадку. Из-за того что он шёл где-то позади, она боялась споткнуться о ножку стола или задеть стул, что опять-таки сковывало движение и делало её неуклюжей. Но вот она почувствовала лёгкое, тёплое касание его пальцев. От мужчины пахло чудесным одеколоном, аромат которого неодолимо влёл к нему. В этот миг ей снова показалось, что она поступает противоестественно, так как ещё несколько минут назад думала с тоской о покойном муже. Но почему именно в этот вечер? Ведь в будни к ней приходят совсем другие мысли, а чаще всего просто не было никаких. Правда, какая-нибудь хорошая книга уводила её в свой светлый или грустный мир, и ей тоже хотелось быть вновь замужней. Но за эти два года Юлия даже стала верить, что ей больше не испытать женского счастья... А может, это он, покойный муж, её удерживает от возможно опрометчивого шага?

– Как вас зовут, красавица? – услышала она, когда с ним танцевала. Он положил ей одну руку на плечо, а вторую на талию и старался приблизить к себе. Но Юлия инстинктивно напрягалась, ощущая, как у неё раскалённым огнём пылает лицо. К тому же вокруг все прыгали, и только он водил её в медленном ритме, тогда как звучала очень быстрая музыка – оглушительная, темпераментная.

– Зачем вы у меня это спрашиваете? – спросила Юлия, отлично, однако, понимая, чего от неё он добивался.

– Потому что не могу этого не спросить. Вы очень красивая! Меня зовут Николай Боблаков, служу в армии в звании старшего прапорщика. Был женат всего однажды, у жены двое детей, от меня дочь... Если захотите скрашивать мои одинокие вечера, тогда расскажу о себе подробно, а пока воздержусь.

– Очень приятно слышать, что вы такой искренний. А у меня трое детей, правда, сейчас со мной двое. Старший... живёт у родителей первого мужа. Я работаю в кафе поваром, зовут меня Юля.

– Какое имя красивое! С трудом верю, что вы такая юная и уже были дважды замужем! – искренне удивился он, хотя в серых глазах таилось недоверие к тому, что услышал.

– Почему вас это так смущает? – пожалала она плечами.

– Потому что молодая очень... поэтому я подумал, что... – он оборвал фразу и тут же предложил: – Давай перейдём на «ты»? Между нами уж не такая большая разница в возрасте. Мне стукнуло сегодня тридцать два года. Вот и решил отметить первый раз в жизни в ресторане. С другом пришёл. Он там сидит курит, – указал он взглядом в сторону галереи.

– Что же ты подумал обо мне, Коля?

– Как это приятно слышать! – нарочито бодро воскликнул Николай, улыбаясь.

– Разве жена тебя так не называла? – спросила она в его тоне.

– Да, иногда называла. Ну что об этом вспоминать в такой для меня день? Лучше сядем за наш столик. А то без красивой женщины в мужском братстве одна серая скука.

– Спасибо за приглашение, а твой друг тоже развёлся с женой? Но я лучше останусь со своими компаньонами, уж извини, Коля, только мы не тот танец с тобой танцуем... не та музыка...

– А зачем торопить время, они же прыгают и торопят его. Между прочим, это даже учёные признают, что скорость опережает время. Я уже немолодой! – снисходительно засмеялся он, шепча что-то ей на ухо. Но Юлия не расслышала, хотя поняла, что он готов весь вечер провести с ней. Она старалась держать его на расстоянии и не позволять скатываться к фривольным отношениям, так как в её понимании это отдавало пошлостью и неуважением к женщине, будто она пришла сюда специально кого-то встретить. Хотя, чего скрывать, втайне она давно мечтала о новой любви, только не решалась увлечься хотя бы мало-мальски приглянувшимся человеком. По её представлениям, заветная встреча с мужчиной должна была произойти в более приличной обстановке, но только не в ресторане, – она уже знала из книг, что злачные места настраивают на откровенное сближение с мужчиной. К этому располагает вся обстановка ресторана, даже на панно видно, что иных отношений здесь быть просто не должно. Наверное, замужние женщины, пришедшие сюда по оказии без своих мужей, тоже готовы расслабиться с посторонними мужчинами, и якобы за это их никто не должен осуждать.

Юлия не знала, что сейчас ответить Николаю, ведь она ясно видела, как у него возбуждённо сияли глаза. От него кроме одеколона пахло водкой и сигаретами, – видно, любит хорошо поддавать. И эта догадка неприятно кольнула в сердце и заставила вспомнить второго мужа-пьяницу. Но чтобы скрыть читавшуюся в глазах мысль, Юлия из вежливости сдержанно улыбнулась, а получилось, что двусмысленно, так как в следующую секунду ей показалось, что своей улыбкой она сделала ему какой-то тайный намёк о своём сокровенном желании, которое бы никогда не выразила словами. И постаралась об этом забыть, только бы не мучили угрызения совести. Правда, она уже стала тяготиться тем, что они танцевали не так, как все. Впрочем, это обстоятельство нисколько не смущало молодую женщину, просто она ощущала физическую силу мужчины, и это сейчас чрезвычайно беспокоило её, давно не испытывавшую этого желания. За более чем два года как она развелась с мужем, у неё не возникало никакого искушения. Юлия была рада, что могла спокойно жить без мужчины. Правда, иногда ей снился кто-то. Но чаще всего это происходило после какого-нибудь просмотренного фильма, когда понравившийся актёр ей снился настолько явственно, будто она спала с ним. После таких эротических сновидений она больше обычного смотрела на работе на приходивших в кафе обедать мужчин, не отдавая себе в этом ясного отчёта...

Со временем, конечно, Юлия приходила к мысли, что одной жить плохо. На работе в такие дни у неё всё валялось из рук. И тогда непроизвольно подступали слёзы, хотелось плакать и плакать: почему она такая красивая и должна ни за что пропадать, губить своё здоровье в страданиях, и только потому, что у неё трое детей? Когда Николай сказал, что у него двое детей, Юлия в душе этому даже обрадовалась, но тут же пришла отрезвляющая сознание мысль (как, бывало, приходила и раньше), что мужчинам многодетные женщины если и нужны, то исключительно для развлечений. Ни один не осмелится принять её с детьми и стать им отцом. Эта мысль глубоко засела в подкорке и то и дело напоминала о себе, как она ни старалась её заглушить...

Глава четвёртая

Николай Боблаков был женат десять лет. Его жена Антонина работала парикмахером. У супругов первенцем родилась дочь, а через пять лет сын. В своё время Николай в звании старшего сержанта остался в армии после срочной службы в танковых войсках, затем окончил курсы прапорщиков в Ташкенте и через восемь месяцев был произведён в прапорщики. Вернулся в свою воинскую часть и был начальником продовольственного склада, потом возглавил материально-технический отдел...

Антонину он встретил на свадьбе своего близкого друга, который позже перевёлся в другую часть. Тогда она была статной, красивой, как ему казалось (впрочем, он не ошибался). Антонина с большими карими глазами, прямым тонким носом, пухлыми губами – очень чувствительными – смотрела на Николая так пристально, точно больше никто её тогда не мог заинтересовать. Он был в гражданском костюме. Она узнала от подруги, что Николай повышен в звании. Антонина дала себе слово, что он будет её мужем. Между ними была небольшая разница в возрасте. Правда, Антонина уже побывала замужем. Её мужем был курсант военного училища, но когда его исключили с последнего курса за неуспеваемость, Антонина отказалась быть женой человека, у которого не будет карьерного роста, а муж гражданской профессии её почему-то не устраивал. И подала на развод, детей у них, слава Богу, не было. Антонина стала свободной птицей, поняв к тому же, что мужа она, оказывается, никогда не любила, но рассчитывала, что в будущем он с её помощью мог бы дослужиться до высокого воинского чина. Её в нём прельщало одно: он мог стать офицером и дослужиться до генерала. Когда она мысленно уносила в будущее, представляя себя там женой генерала, ей виделась большая квартира, прислуга, поездки по знаменитым курортам. От предвкушения этого мига у неё сладко замирало сердце.

Однако не прошло и полгода, как она познакомилась с Николаем. Он оценил её взгляд, полный невысказанного обожания и любви, и это польстило ему. Николай танцевал только с ней. А скоро понял, что Антонина полностью отвечает его требованиям того, какой должна быть жена. Правда, в то время он не знал о многих её качествах. Но зато ему казалось, что этого и не нужно. Ведь такая женщина должна уметь всё. Ну если и не всё, то хотя бы то, без чего невозможно обходиться в быту любой семье. Практичный взгляд Антонины её больших серых глаз об этом как бы и говорил. «Да, хоть и молодая, однако девка смекалистая», – думал Николай. Она ему, точно обладая телепатическими способностями, внушала: «Я буду замечательной женой, в этом ты не разочаруешься». И пленительная улыбка освещала её лицо.

Когда он узнал, что Антонина работала парикмахером, это его нисколько не смутило. Хотя не преминул подумать, а не плохо было бы, если бы была медсестрой. И всё равно она представлялась ему почти идеальной женщиной. В воинской части ей можно работать и парикмахером. Только бы на посторонних мужчин не заглядывалась. Он похлопочет перед командиром полковником Журыкиным. И когда на его вопрос о мужчинах она ответила, что, кроме него, Николая, её больше никто не интересуется, вскоре он сделал ей предложение.



– А ты, Николаша, веришь, что будешь генералом? – спросила она вполне серьёзно.

– Какой же солдат не мечтает стать генералом? – подхватил он, совершенно не подозревая, что Антонина прощупывала почву: устойчива ли? Она всерьёз заглядывала вперёд, а он и не собирался ей объяснять, что поступать учиться на младшего офицера пока не собирался.

– Ну, тогда я согласна! – ответила она, состроив глазки, в которых явно читалось: «Вот только посмей меня обмануть!»

Николай не считал себя безоглядно влюбчивым; Антонина покорила его своей броской внешностью, вполне самостоятельными суждениями. Как ни странно, она приковывала к себе этим своим расчётливым взглядом, каким до неё ни одна девушка не смотрела на него. Но все его прежние увлечения почти не оставляли в душе яркого следа, даже когда спал с ними. Впрочем, ему всегда казалось, что для этого они и существовали, этим и довольствовался, поскольку в его представлении ни одна не соответствовала тем особым качествам, какими должна обладать жена, то есть домовитостью, умением строить семейное гнёздышко, тогда как для этих, кроме развлечений, будто ничего не существовало. А вот Антонина оказалась весьма прицельной, дальновидной. Вот и на его предложение уединиться в комнате она ответила решительным отказом; в её прозорливых и лукавых глазах читалось осуждение и тайное любопытство, которое тушевала показной рассудительностью.

– Значит, ты не любишь меня? – спросил он.

– Какой же ты быстрый! – качнула она головой с пышными светло-русыми волосами. – Спать будем только после отметки в паспорте. Мне ты ради одной постели, запомни, не нужен.

Николай оценил её слова по достоинству, но остался неудовлетворён категоричным отказом. Ведь он привык, когда на его предложение девушки отвечали согласием...

И через месяц они поженились, Антонина жила в его холостяцкой комнате. Николаю через полтора года дали однокомнатную квартиру, а через пять лет, когда родился второй ребёнок, он получил двухкомнатную. За эти годы на погонах Николая прибавилась ещё одна звёздочка – он стал старшим прапорщиком, что служило для жены поводом над ним подтрунивать, дескать, не имеет профессионального самолюбия. На его месте она бы давно стала капитаном. Антонина уже доподлинно знала, что муж учиться не собирался, а значит, её мечта стать гене-

ральшей рассыпалась как карточный домик. И тогда она положила глаз на командира части Журыкина, которому было сорок пять лет, вот-вот станет генералом. К тому же прошел слух, будто за связь с посторонней женщиной жена Алевтина Георгиевна развелась с ним. Оказывается, он был неисправимым женолюбом. Антонина попала в поле его зрения давно, работая в части парикмахером по его же протекции. Но тогда все её надежды были связаны исключительно с Николаем, и она шуточно отклоняла ухаживания полковника, а порой и откровенное домогательство, хотя прямо-таки горела желанием пофлиртовать. Но рассудок всё-таки в ней побеждал чувства...

Николай узнал об измене жены от одного офицера, которого Журыкин не повысил в звании из-за того, что тот приударял за его дочь. А когда их гвардейская танковая часть отправилась на тактические учения на Северный Кавказ, полковник нарочно задержался. Это было ещё до рождения второго ребёнка; тогда Николай дежурил на КПП, в то время как Антонина забавлялась с командиром, который почему-то не отбыл на учения. Ему позвонил офицер, дежуривший в штабе, что его жена с Журыкиным сейчас уехала куда-то на машине. Между прочим, Николай с какого-то времени стал подозревать жену в охлаждении к нему, но о том, что за этим стояло, он тогда не догадывался, а потом на свет явилось и доказательство измены жены – не запланированная ими беременность, которую она объясняла тем, что будто бы врачи ей запретили делать аборт...

Второго ребёнка Николай не признавал. Хотя так мечтал о сыне. Он ходил в суд на развод, где Антонина решительно отрицала измену, но Николай твёрдо стоял на своём, так как уже не верил в её порядочность. Видя, что муж не желает примириться, Антонина подала на раздел квартиры и вскоре этого добилась. Дети, естественно, остались с ней, а полковник Журыкин, знавший о семейной драме старшего прапорщика Боблакова, не спешил жениться на его бывшей жене. Служивцы, конечно, втайне думали, что скоро он это сделает, даже поговаривали, будто Антонина обещала ему помочь стать генералом, для чего якобы ездила в Северо-Кавказский военный округ... Но что она там добилась, для всех осталось тайной...

В тот вечер ресторанного знакомства Юлия и Николай Боблаков понимали, что с этого мгновения начнётся отчёт их отношений. Николаю сначала не понравилось, что Юлия отказалась перейти за его столик, так как считал, будто она манерничает – так же как в своё время его бывшая жена. Ему всерьёз казалось, что Юлия такая же изощрённо-расчётливая, как и Антонина, всегда набивавшая себе цену дешёвыми рассуждениями. И потому в этот вечер он был настроен только на то, чтобы переспать с понравившейся женщиной. Конечно, его смутило её признание о том, что была замужем. Впрочем, он подумал, будто она пошутила, решила узнать его реакцию. Но разве он мог знать, что Юлия такими вещами вообще не способна была шутить. Николай в очередной с ней танец снова позвал её за свой столик.

– Почему же ты развёлся с женой? – поинтересовалась Юлия, желая доподлинно знать о нём хоть что-нибудь.

– Если посидим за моим столиком, тогда я расскажу всё, что тебя интересует. И буду слушать тебя хоть весь вечер. И продолжим в моей холостяцкой квартире.

Юлия сдержанно засмеялась. Конечно, она совершенно не знала, хорошо ли поступит, если примет его условия. Но и отказаться боялась, так как он может развернуться и уйти. Ведь в ресторане достаточно свободных женщин, которые, наверное, отчасти и приходят сюда с одной целью – с кем бы провести ночь. Николай, должно быть, легко найдёт стоворчивую. Разумеется, он далеко не красавец, но и недурён собой. Она внимательно посмотрела на него: даже очень приятное лицо, может быть, нос чуточку большой. Но в нём усматривается что-то благородное, а в серых глазах таятся какой-то азартный блеск. Но особенно её волновала его покрытая растительностью грудь, при взгляде на курчавившиеся чёрные волосы она как-то млела и нервный холодок пробегал по спине. Он казался ей физически сильным, мужественным и достаточно умелым мужчиной...

– Хорошо, я посижу с тобой, но я должна предупредить своих.

– Кем же тебе доводится молодая парочка? – весело спросил он. – Ох как они завелись, словно парализованные!

– Это моя племянница и её муж, – и она тут же, словно обидевшись на него, перестала вести этот странный, бесконечный танец и быстро пошла к своим. На её лице сияла улыбка, густой румянец разливался на эластичных щеках. Николай стал её поджидать. Такой восхитительно красивой её увидели Светка и Игорь, когда она со счастливой возбуждённой улыбкой подошла к ним; они азартно дёргались в тесной толпе танцующей публики, и сказала, что её пригласил мужчина за свой столик. Племянница тоже была разгорячена хмельным бурным вечером, быстро кивнула, послав тётке воздушный дружеский поцелуй...

В зале было уже изрядно накурено, к высокому потолку поднимался сигаретный дым и там, среди громадных люстр, плоско покачиваясь, плавал и сворачивался в жгуты. Стояла духота, пахло закусками, спиртным, неумолчно гремела музыка. Юлия села за столик, поздоровалась с мужчиной в сером строгом костюме, в синей рубашке с галстуком в яркую полоску. Он держал в руке бокал с красным вином, а в другой зажал между пальцами дымящуюся сигарету.

– Это мой лучший товарищ Миша, – представил того Николай. – А это Юля, лучшая из лучших девушек! – прибавил он весело.

– Верно, очень красивая барышня! – воскликнул Михаил, у которого глаза были навывкате и широкий нос.

– Вы тоже прапорщик? – спросила Юлия, еле сдерживая смех.

– Нет, Миша на фуре мотается по городам и весям. Всё у него схвачено... – непринуждённо пояснил Николай.

– Мой бывший свёкор тоже был дальнбойщик, – сказала она, уважительно глядя на Михаила.

– Да чего там, лучше давайте выпьем за знакомство, – предложил Михаил, глядя на Юлию.

Николай предложил ей водку и вино на выбор. Юлия попросила вина, так как водка вызывала у неё почему-то панический страх. Но и вино она пила довольно редко. А если приходилось когда-либо, то оно приводило её в весёлое настроение, и жизнь виделась столь заманчивой, что хотелось плыть по её зыбким волнам к острову любви, где ожидал принц, как в детской сказке. Но она не стремилась бездумно предаваться пустым мечтаниям, поскольку уже немного знала мужчин. Правда, ей казалось, что нельзя по одному негодяю судить обо всех. Они тоже разные, у каждого за плечами годы жизни с жёнами, любовницами, которые не устраивают их своим непостоянством. Николай, однако, не производил впечатления бесшабашного бабника, и он развёлся с женой вовсе не из-за того, что много гулял. Просто это только её наивное представление. Хотя и не надо его идеализировать, но и заведомо делать из него монстра тоже не нужно.

Когда Николай и Михаил выпили по стопке водки, Юлия медлила, потому как боялась, что именно с этого фужера для неё может начаться другая жизнь. Но разве не об этом она порой думала бессонными ночами, разве не одиночество приводило её в отчаяние, а жизнь казалась однообразной и скучной.

– Что же ты отстаёшь от компании? – спросил Николай. – Смотри, как вокруг посветлело при твоём появлении.

– Не может быть! – воскликнула весело она. – Просто я давно не пила вина и боюсь, что окосею.

– А что в этом плохого? Сразу жизнь преобразится! – приподнято сказал Михаил, нажимая на закуску.

– Одной пить девушке скучно. Давай, приятель, поддержим красавицу.

– Вы всё шутите! А мне страшно. Я в ресторане первый раз в этом городе...

– Откуда же тебя занесло к нам? – спросил Николай, наливая себе и другу водки.

Юлия держала фужер не столь умело, и это её несколько смущало. Она очень пожалела, что выставяла себя в злачном месте слишком наивной и неопытной. Но такая шумная жизнь ей стала даже нравиться – до этого она слишком долго пребывала с детьми в одиночестве и от монотонности будней и работы немного подустала. И вот попала в компанию настоящих мужчин, с которыми она чувствовала себя от счастья на седьмом небе. На этот раз, когда они пили, Юлия сделала всего несколько глотков; вино ей показалось очень ароматным и терпким, так что ей хотелось выпить весь фужер, но, боясь прослыть в их глазах выпивохой, она, не допив вино, поставила фужер на столик. Николай в свободную чистую тарелочку положил для неё салат оливье и шашлык. Юлия признательно поблагодарила, ощущая, как вино стало приятно припекать в желудке. И вскоре хмель ударил весело в голову, её круглые милые щёчки покраснелись, как два пурпурных яблока. «Ах, что я делаю!» – мелькнуло в сознании, и чтобы скрыть свой страх, она невольно улыбнулась, пытаясь этой улыбкой забыть то, что говорил ей внутренний голос.

Мужчины ещё раз выпили, и она тоже вслед за ними допила остаток вина, а потом принялась снимать с палочки кусочки жареного мяса и аккуратно есть. Николай тут же попытался наполнить из графинчика её фужер, но Юлия резко закрыла его ладошкой, мило улыбнулась, дав понять, что она уже пить не желает.

– Пока достаточно, а то я уже пьяная, – засмеялась молодая женщина, её иссиня-голубые глаза блестели лучисто и вместе с тем зазывно, хотя она производила впечатление милого невинного существа. Николай смотрел на неё, не веря, что она – такая красивая, с чудесной фигурой – сидела за их столиком и уже запала в его сердце, кажется, навсегда. И все его прежние увлечения после развода с женой ничего уже для него не значили; в его сознании мгновенно померкли все женщины, которые у него были до неё, и те, которые сидят в ресторане, как бы тоже перестали существовать. Она всех затмила! От Юлии на него пахло сердечным теплом, душевной мягкостью, утончённой женственностью, которая кружила голову и сводила с ума. И всё это делала с ним её обольстительная красота, так что бывшая жена Антонина теперь казалась ничтожным существом со всеми своими амбициями; думалось, что он в своё время с ней встретился совершенно случайно, по ошибке приняв её за самую лучшую из женщин. И как ловко она тогда сумела ввести его в заблуждение своими фальшивыми чувствами, пронизанными меркантильностью.

Николай пригласил Юлию танцевать, так как Михаил буквально поедал её глазами, и друг, с которым ещё недавно они обсуждали разные проблемы, превращался чуть ли не во врага. И чтобы не испытывать этого гадкого чувства он и повёл молодую женщину танцевать, для приличия на ходу бросив другу что-то весёлое и подмигнув: дескать, я первый увёл её из той компании, так что извини.

И только сейчас, купаясь в лучах его внимания, она вспомнила о Светке и Игоре. Они смотрели на неё, и она помахала им ручкой и пошла за Николаем. И пока подходили к танцевальной площадке, подумала, что готова идти за ним всегда. Вот только бы и на этот раз не обмануться в своих ожиданиях того, кто бы смог заменить ей покойного мужа...

Глава пятая

Юлия проснулась с ощущением тупой головной боли и сначала не понимала, где же она находится? Она лежала в чистой постели под ватным одеялом в белом пододеяльнике, и обнаружила себя совершенно нагой, и это открытие её сильно удивило и отчасти даже напугало, так как до этого случая ещё ни разу не оказывалась в подобной ситуации. На разложенном диван-кровати лежала чья-то вторая подушка, значит, спала с тем, кто её сюда привёл. Чья же это квартира? Наконец она вспомнила, что вчера была в ресторане с Игорем и Светкой. Но далее, Юлия с трудом припоминала, как она прощалась с ними. А рядом, кажется, был плотный выше среднего роста, мужчина, который и посадил её с собой в такси. Его приятель Михаил сидел с какой-то молодой симпатичной упитанной женщиной, у которой были чересчур пухлые губы, толстые щёки и сама она была несколько полноватой.

Затем Михаил с ней вышел из машины, тогда как они проехали ещё квартала два по Черёмушкам почти в конец микрорайона. Здесь пахло железисто-серным газом, видимо, от какого-то предприятия. Когда поднимались на пятый этаж в однокомнатную квартиру, её поддерживал Николай и что-то безмолжно шептал на ухо. А что же было в ресторане? Она помнила, как мужчина обжёт её признанием в любви, что показалось тогда Юлии несерьёзным. Неужели он рассчитывал, что от его слов она сейчас же растает и кинется ему на шею... Но зачем она так напилась, ведь раньше пила совсем мало, и всегда это считала ниже своего достоинства?..

– Не нужно так бездумно разбрасываться словами, – ответила она ему, – ведь у меня трое детей, а у тебя двое, и ты, может статься, вернёшься к жене ради них...

– Да уж нет, отрубил раз и навсегда! Конечно, детей жалко, но так жить, как мы жили, – не хочу. Да к тому же, когда нет абсолютной уверенности, что сын – твой, тогда лучше разрубить узел, к чёртовой матери! – нервно проговорил он.

– Что, она от тебя действительно гуляла?

– Неприятно в этом признаваться, но факт есть факт. Я видел её с ним... Она думала, что я стану генералом, но такой чин не всё служивым по плечу. В этом вся её мерзкая внутренняя сущность. Я всего лишь старший прапорщик. Она постоянно меня пилила: почему, дескать, тебе не сделать генеральскую карьеру, ей это вынь да положи! Но я не карьерист, а честный прапор...

– А вот мой первый муж захотел и стал капитаном речного флота: был стармехом, старпомом...

– Значит, ты гордилась им? Ты хотела, чтобы он стал обязательно капитаном, он был военный моряк?

– Я никуда его не толкала, он служил в морском флоте. Если бы он остался штурманом, я бы никогда его не пилила. Он сам решил и стал капитаном речного флота, – с чувством достоинства проговорила она, при этом в её голосе слышались нотки недовольства, так как он заставил её вспомнить покойного мужа. И понимая, что этот человек, наверное, думает о ней так же дурно, как о своей бывшей жене, ей хотелось одернуть его. Ведь наверняка он уже мысленно сравнивал её со своей Тонькой, к которой испытывала сейчас скрытую неприязнь и удивлялась, что из-за своих глупых амбиций та потеряла славного мужа, которого уже вряд ли кто достойно заменит, а у детей не будет отца. К тому же его дочери уже десять лет, и Юлии было донельзя обидно, что он столько времени терпел безумные капризы жены.

– Очень хорошо, что ты так рассуждаешь! Наверное, в тебе я не ошибся, мне как раз нужна верная подруга...

– Как ты быстро сделал свой выбор! – поразила искренне Юлия.

– Да ничего не быстро, просто мне достаточно того, что я услышал от тебя, мне довольно твоего честного отношения к моей службе, и ты совершенно не похожа на бывшую супругу. И давай больше не будем к этому возвращаться никогда.

Николай вспомнил, как делал Антонине предложение с какой-то безоглядностью, вскруженный её неотразимой внешней красотой, совершенно не задумавшись над тем, почему в нём появилось ощущение, что Антонина чем-то неуловимым отталкивала его. Но этому тогда он почему-то не придавал большого значения, полагая, что просто сильно придирается к себе, нечего мелочно смотреть на девушку. Ведь в целом она очень нравилась ему... Правда, погнавшись за призрачными, несбыточными надеждами, своими неразумными амбициями год от года разрушала их отношения, превратив их в тягостное исполнение супружеского долга.

Юлия с интересом всматривалась в выразительное лицо Николая и видела, как он недовольно хмурил брови.

– Твоя жена нашла генерала?

– Какого генерала? Не видать ей генерала как собственных ушей. Полковник и тот усёк, что она помешалась на своей идее фикс. Лучше пойдём выпьем за нас с тобой, – вполне серьёзно предложил он.

– Ты так говоришь, будто с этого вечера мы будем жить вместе. Так несерьёзно, Коля! – возбуждённо произнесла она, чувствуя, что в этот вечер в её жизни произойдёт чрезвычайно важное событие. Но она не хотела с головой уходить в это увлечение, потому что Николай поступал сейчас слишком поспешно. Ему надо переспать с первой попавшейся женщиной, которой в данный момент оказалась она. К тому же Юлия не была уверена в своих к нему чувствах, ведь недостаточно того, чтобы человек только нравился, она должна полюбить его всей душой. Но как раз этого она не испытывала, поскольку для неё всё ещё оставался образцовым семьянином покойный муж, обладавший к тому же романтической внешностью. Николай на него не похож ни внешне, ни внутренне. С виду он грубоватый, нетерпеливый, что-то было в нём дерзкое, или он просто такой уродился нервный. Когда она просила его рассказать о жене, желваки на скулах почему-то почти постоянно беспокойно вспухали. Николай повёл её к столику, придерживая одной рукой за талию. В этот момент Михаил привёл полную женщину, с энергичным деловым лицом, довольно симпатичную, в дорогом ярком костюме женщину. В её карих глазах сверкала искра легкомыслия и хитрости. Наверняка хваткая бабёнка, впрочем, Михаил как-то гармонировал с ней; кажется, он называл её Ларой или Лерой. Но Юлия осталась безучастной к ней, так как при этой женщине, вовсе не страдавшей никакой стеснительностью, громко хохотавшей от каждого солоноватого слова Михаила, она, Юлия, воспринимала себя почему-то женщиной лёгкого поведения. Когда они сидели втроём, ей нравилось ощущать себя обласканной вниманием мужчин. Михаил даже тщился безоглядно понравиться ей, долго смотрел на неё, желая встретиться с её взглядом. Но Юлия как-то смущённо переводила глаза на Николая, чтобы не вызывать у того ревность некорректным поведением друга. Правда, он сделал вид, будто не обратил внимания на поползновения своего приятеля, даже когда Михаил пригласил её на танец.

Юлия помнила вечера у Ефима: как тогда его дружки с его разрешения приглашали её танцевать, и она охотно откликнулась, а потом, оставаясь с Ефимом, выслушивала его ревнивые упреки, что, мол, она вешалась чуть ли не на каждого, хотя это была неправда. И сейчас Юлия, наученная горьким опытом, вежливо отказала Михаилу, прибавив, что она не из тех женщин, которые любят ходить по рукам. Эта её фраза взбодрила Николая, и он предложил выпить за женскую верность, в которую, правда, не верил, в чём, однако, не хотел себе признаваться. Собственно, как и каждый мужчина, Николай достаточно умело скрывал свои недостатки, которые видны в каждом человеке. Он считал, что женщины это умеют делать значительно искусней, чем мужчины. Однако сейчас он был готов поклясться, что Юлия весьма

непосредственная девушка, которая ведёт себя вполне искренне, презирает надутую манерность, фальшивое изящество...

После каждого нового глотка вина Юлия замечала, как неудержимо пьянела, чего с ней, пожалуй, ещё никогда не бывало. Она всегда на какие-либо праздники или дни рождения строго придерживалась рамок приличия и выдерживала их до конца застолья. Кажется, только недавно она сказала себе, что ни ему, ни себе не позволит скатываться до пошлости и фривольности. И вот какая-то неведомая сила увлекала её от себя прежней и вводила в образ распущенной женщины. Удивительно, что она отдавала отчёт в том, что сейчас с ней происходило, но никак не могла обуздать вкравшегося в душу беса, толкавшего её к необдуманным поступкам. Причём чужой голос нашептывал ей: «Ничего страшного не произошло, ты отдыхаешь после долгих дней одиночества, тебе всё прощительно, он увлечён тобой как лучшей женщиной, будь с ним смелей». И Юлия ему непроизвольно улыбнулась (показалось, что опять двусмысленно), чувствуя, как в груди что-то дрожало, словно томительная сила вырывалась из неё, и вот уже будто никакие условности её не сковывали, она была готова на всё...

Они выходили танцевать и потом снова усаживались, чтобы выпить и закусить под весёлые пустые разговоры. Иногда она пила вино и к закускам даже не прикасалась, поскольку думала, будто хмель больше её не разбирает. Потом вели беседы на разные темы, в чём задавала тон – после уточнения имени – всё-таки не Лара, а Лера, которая Юлии стала чем-то даже нравиться. Она приглашала её в туалет, где курила и расспрашивала о жизни, предлагала той закурить. И та, сроду не бравшая в рот сигареты, вдруг закурила. Но от одного ароматизированного дыма табака закашлялась и отчаянно бросила сигарету в урну. В туалете стояло густое облако дыма и возбуждённо звенели женские голоса. Похоже, кто-то чересчур громко выяснял отношения из-за одного и того же мужчины, обзывая друг друга шлюхами. Юлии было унижительно всё это выслушивать, словно оскорбляли её саму, и она торопила Леру скорее уйти отсюда. Её товарка поражалась, что Юлька вела себя как ребёнок, сбежавший в ресторан от суровой опеки родителей, где никак не ожидала столкнуться с мерзкими выходками женщин лёгкого поведения (что они ни больше ни меньше такие, уже не вызывало никаких сомнений). Разве можно ссориться из-за мужчины? Так поступают только молодые парни, когда увлечены одной и той же хорошенькой девушкой, что в своё время она сполна испытала в речном училище. Но об этом периоде своей жизни она очень редко вспоминала – только при случае, вот как сейчас.

Юлии было несказанно весело, что она уже перестала упрекать себя в нарушении условностей, рамок которых она должна неуклонно придерживаться. А вечер между тем вступал в фазу своего наивысшего накала. Николай приглашал и приглашал танцевать, и они движениями своих тел старались попадать в так музыки. На них даже засматривались мужчины и женщины – пожалуй, больше на неё, чем на него, что Юлию очень радовало, потому что она понимала, как это здорово – предаваться тщеславию. Причём она уже давненько этого чувства не испытывала. Кажется, Николай был ослеплён ею полностью, осыпал её признаниями в любви, отчего она испытывала счастье, чего иначе и быть не могло. И Юлия, в упоении от этого чудесного вечера, часто смеялась своим мелодичным приятным голосом. Она даже пыталась пропеть куплет из «Сильвы». А Николай, восхищённый её красотой и околдованный её голосом и таким чудесным пением, просил продолжать. Но Юлия, увы, больше слов не знала...

Она помнила, как Николай заказывал для неё вина, чему нисколько не противилась и с удовольствием пила наравне с мужчинами, чего опять-таки с ней ещё не случалось. Но в своих действиях она не отдавала себе отчёта, уж очень необычайно весело для неё проходил этот вечер. А потом как бы исподволь наступило сумеречное сознание: она уже почти не видела окружающих, а когда они последний раз танцевали, Юлия себя уже не помнила. И очнулась в чужой квартире, причём она смутно помнила, как Николай раздевал, отчего её

охватывал безудержный смех. Потом непроизвольно, как бы сами по себе, лились по щекам слёзы. Юлия плакала от жалости к себе, которая переполняла всю её душу оттого, что оказалась в беспомощном состоянии, а мужчина так легко этим воспользовался. Он, похоже, обладал ею столько, сколько хватало у него на это сил, – с первобытной ненасытностью; она чувствовала себя во власти сильного мужчины. Его волосатое мускулистое тело щекотало грудь, соски, так повторялось, кажется, раза два. Юлии показалось, что этот любовный дурман она видела во сне, точно со стороны. И вот она наконец пробудилась, испытала стыд от сознания того, что Николай воспользовался её беспомощностью. Конечно, она не знала, как бы отдавалась ему, если бы была во вменяемом состоянии... Но всё уже осталось позади, о чём ни капли не жалела...

Когда он утром при всём своём параде военного вошёл к ней, Юлия увидела его, точно впервые и удивилась про себя тому, что вчера этот мужчина так легко напоил её и теперь, наверное, думает, что она всегда это делала и с другими...

– Ты уже уходишь? – спросила она.

– Да, труба зовёт, а ты оставайся до вечера, когда я приду со службы. Ты говорила, что у тебя выходной?

– Нет, не могу. Я детей оставила сестре. А ей тоже на работу...

– Хорошо, иди хоть позавтракай, я кофе приготовил.

– Не хочу пока, голова лопается. Зачем ты напоил меня, ведь я столько никогда не пила? – упрекнула она мягко, даже ласково.

– Так я же тебе, дорогуша, насильно не заливал, – усмехнулся ехидно он.

– Ты думаешь, я нарочно напилась? Я даже не знаю, как это произошло, будто в помойную яму провалилась. Что же ты со мной сделал? – вздохнула она, покачав головой, не глядя на него.

– Это ты со мной, а не я! Подъём, подъём, моя хорошая!

– Ты меня прогоняешь? – удивилась с обидой в голосе она.

– Нет, конечно, оставайся хоть навсегда. Видишь, – он обвёл комнату рукой, – живу в этом логове один, как бирюк. Жена отхватила полквартиры. И оставила тумбочку, диван-кровать, стол да пару стульев, остальное пришлось покупать...

– Имела полное право. У неё же твои дети.

– Одна дочь, а сын – полковника Журыкина, вот и обеспечил бы её жильём...

– Ты правда хочешь, чтобы я жила у тебя?

– Сколько можно твердить одно и то же, моя хорошая? – он деланно вздохнул, затем решительно, как она ни противилась, стянул с неё одеяло.

– Ой, Коля, какой бесстыдник! Ты такой грубый? – она закрывала руками интимные места.

– Грех скрывать потрясающую тело! Ты настоящая Афродита или Венера. Но очень жаль, что мне пора на службу. Вот тебе ключ, – он положил на тумбочку для постельного белья. А потом наклонился, поцеловал, встал и пошёл от неё задом, чуть не наткнувшись на стул. Ей не было смешно, ей было просто грустно, что вчерашний вечер и затем ночь пока не прояснили то, что ожидало её в ближайшем будущем.

Юлия молча провожала его, быстро сграбастав всё одеяло на себя. Николай ушёл – будто навсегда. Она слышала, как защёлкнулся дверной замок, и комната погрузилась в мрачную тишину. Молодая женщина вновь ощутила одиночество и страх перед неизведанной новой жизнью.

Юлия встала, пошла в ванную, наполнила её водой. Как хорошо, что шла горячая, какой комфорт! Она нашла на полочке шампунь, вымыла волосы, посмотрела на себя в зеркало и увидела чуть ниже шеи тёмно-лиловый синяк. «Зачем он это сделал, – грустно подумала не без досады она, – за кого он меня принял? Я же не шлюха!» Юлия достала из своей сумочки кос-

метичку и припудрила след ночной любви. Правда, она не считала, что Николай это сделал от больших чувств; ей всегда казалось, что это всего-навсего проявление неуважения к женщине, как бы напоминание того, кем она является, и сознание этого сильно оскорбляло её самолюбие и гордость.

Она съела яичницу с колбасой, выпила горячего кофе. Затем расчесала высохшие длинные чёрные волосы. Она редко их распускала по плечам – укладывала в какую-нибудь причёску. Такой была вчера: вся нарядная, сияющая молодой красотой, а сегодня как будто привяла, распустила волосы, думая, что так будет лучше скрыть ночной грех от посторонних людских глаз...

Будильник показывал девять часов утра, когда Юлия вышла из квартиры, закрыла замок на два оборота и пошла по бетонным ступенькам вниз.

Глава шестая

От дочери Валентина знала, что из ресторана на такси Юлия уехала в компании мужчин и женщины. И о том, что сестра не пришла домой, она почти не волновалась. Правда, её беспокоило одно то, что Юлия была сильно пьяна, чего она себе никогда не позволяла. И это обстоятельство несколько удивило Валентину.

– Мне же на работу, кто же завтра будет с детьми сидеть?

– Отведёшь в детсад, вот проблеме нашла! – возмутилась Светка.

– Мужчина-то хоть порядочный?

– Нормальный. Кажется, военный. Повезло моей тётке!

– Военный? Разве он не женат?

– А кто ходит в ресторан без жён?

– Ты по себе не суди. Да мужчины и ходят. Прохвостов хватает, – заметила мать.

– Она почти с ходу, как начался вечер, пересела к мужчинам. Юлька с женатыми мужиками никогда не связывалась, а то ты этого не знаешь. С принципами тётка!

Вскоре Светка забрала сына, Игорь на кухне сидел с тестем Семёном Ивановичем. Она позвала мужа, чтобы идти домой. Семён вот уже в который раз настойчиво убеждал зятя уехать на Север. Для него это была любимая тема. Но Игорь пока не спешил, всё ещё надеясь получить квартиру, а затем сдать её внаём, а уж потом спокойно отчалить.

Когда молодые ушли, Валентина уложила племянников спать. Варя согласилась без слов, но Женя вдруг заскучал по матери. Валентине пришлось объяснить мальчику, что маму попросили выйти на работу в ночную смену, а утром она обязательно приедет. Однако когда Женя проснулся, он первым делом спросил, дома ли мать. Ему было уже почти шесть лет, а Варя – три с половиной годика.

– Она скоро приедет, а я вас в садик отвезу, – ласково сказала Валентина.

Юлия приехала к сестре, когда та уже вернулась домой. Они закрылись в комнате, и Валентина у неё узнала всё, что её интересовало относительно того таинственного мужчины, которого немногословно обрисовала ей дочь...

– Вот и живи с ним, чтобы ты больше не жила на квартире.

– Конечно, я думаю, он хороший человек, но не такой добрый и предупредительный, как Женя.

– А разве люди могут быть похожи, как близнецы-братья? – удивлённо протянула Валентина. – Главное, чтобы был человек, детей любил, тебя не обижал...

– Но у меня же дети. Он ещё их не видел, а как только увидит, так тотчас и любовь пройдёт.

– Ничего, привыкнет. Родишь ему, и тогда он не отвяжется от тебя.

– Ой, разве мужчину дитём удержишь? Я его не люблю, вот моя беда... не такого бы я хотела...

– Ничего, стерпится-слюбится. Главное, чтобы он любил...

– Да, один уже такой был, хватит с меня...

После обеда Юлия пошла на работу не в свою смену, поменялась с напарницей. Ей не хотелось сидеть дома без дела; она пока не стала собирать в чемодан вещи и готовиться к переезду к Николаю. Просто не торопилась ломать свой устоявшийся порядок жизни. Юлия не очень верила в его вчерашнее искреннее заверение сойтись с ней и жить в гражданском союзе до тех пор, пока не надоедят друг другу. Хотя он, вопреки её воле – дать ему своё немедленное согласие, настаивал на этом утром, тогда как в тот момент ей было не до чего, поскольку раскалывалась голова, она думала, что вряд ли нужно придавать столь серьёзный смысл его словам, высказанным под действием спиртного. Просто ей казалось, что он, очарованный ею,

вёл себя вежливо, и не более того. Ещё и сейчас, стоя на раздаче блюд посетителям кафе, Юлия чувствовала себя не в своей тарелке оттого, что её часто кидало в жар и она была вся мокрая от пота. «А может, я уже залетела? – промелькнула догадка. – Ведь он обладал мною почти против моей воли». Но скажи так любой женщине – ни одна ни за что не поверит. Кто не захочет переспать – тот не будет пить! Неужели она перебрала только ради того, чтобы потом ей не было стыдно? Выходит, что так...

Однако, несмотря ни на что, отчего-то на душе было как никогда радостно, и она понимала, что в этом есть своя положительная сторона. С этого дня она может считать себя не одинокой. Если Николай пожелал серьёзно жить с ней, значит, ему было ночью хорошо, она доставила ему удовольствие, тогда как она осталась как бы в проигрыше...

Юлия почти машинально, как автомат, отпускала клиентов, а в сознании прокручивались воспоминания о вечере, проведённом в ресторане и после него, но как ни пыталась восстановить в памяти то, что происходило в квартире Николая, никак не могла ничего припомнить. Затем к ней приходили жгучие сомнения: нужно ли ей опять начинать близкие отношения с мужчиной? Казалось, чего тут сомневаться: у него есть квартира, он порядочный человек, а то, что она не любит его, так это не страшно. Может, позже его полюбит. А вдруг ей повезёт встретить подходящего человека после того, как сойдётся с Николаем, что тогда делать? Эта мысль посеяла жуткие сомнения, и она пока передумала переезжать к нему. Юлия поражалась тому, что была готова отказаться, быть может, от единственного шанса устроить свою жизнь, но ничего не могла поделать со своей нерешительностью – верно ли она поступит, если откажет Николаю, и она окончательно запуталась в себе.

В перерыве она поделилась своими мыслями с напарницей Евгенией, муж которой был боцманом на рыболовецком океанском траулере, из-за чего она испытывала к ней какие-то родственные чувства. Когда Юлия в первый раз узнала, что у напарницы муж моряк, она с радостью обняла её, точно родную сестру, отчего у неё даже повлажнели от счастья глаза. Юлия рассказала, как с покойным мужем тоже ходили на речных судах и мечтали перейти в морской гражданский флот.

Евгения была чувственная молодая особа невысокого роста, очень гибкая, с высокой грудью и с зелёными глазами, правда, лицо несколько флегматичное, скуластое, а подбородок несколько островатый. У неё была поразительно узкая талия, точёные короткие полноватые ноги с широкими бёдрами и выступающий полный зад. У Евгении была трёхлетняя дочка.

– Что ты думаешь? Военные хорошо получают и деньгами, и пайками! – как-то удивлённо произнесла Евгения.

– Разве только в этом счастье?

– Конечно, это не последнее! И тебе нечего теряться. Такой шанс упускать я не советую. По крайней мере, уйти всегда не поздно. Живи с ним, а сама присматривай другого. Думаешь, я верна своему боцману? Мужчины своего, поверь, никогда не упустят, а я буду за это ему верна?

– Ну, это я уже слыхала. Твой Кузьма в плавании по несколько месяцев, а ты должна знать, что там ему не с кем забавляться, учти это...

– Я ему работу не выбирала. У нас есть мужчины-станочники – по пять сотен отхватывают. А он, бывает, столько за два месяца привозит. Я не верю, что отдаёт всё деньги, значит, кого-то прикармливает.

Юлия как-то грустно засмеялась, вспомнила, что у неё, в сущности, лежит ключ от квартиры Николая.

– Хочешь, поедем к нему после смены, и ты, со своим практическим умом, согласишься и подскажешь мне, стоит ли сходить с тем человеком?

– А что? И поедем! – весело подхватила подруга.

Молодые женщины освободились в восемь часов вечера, когда ещё не совсем стемнело; в буфете кафе взяли бутылку крепленого вина, закуски и пошли на остановку, сели в своевременно подошедший автобус. И через двадцать минут вышли на остановке возле кинотеатра «Космос» и пошли пешком на улицу Народную. Юлия вдруг рассмеялась, так как вспомнила, что не туда идут, хотя утром хорошо помнила дорогу к тому дому, в котором жил Николай.

– У меня в голове кавардак! Я забыла уже, где стоит его дом! Вчера в ресторан шли от племянницы, которая живёт здесь рядом, а вот к нему совсем дорогу забыла. Меня посадили тёпленькую в такси...

– Ну, подруга, ты даёшь! Девичья память, да ещё пропитая, – засмеялась Евгения. – Ты же всегда отказывалась от вина и вдруг съехала в кювет?

– Да вот же сама не знаю, как получилось. Тут дома все одинаковые, – озираясь по сторонам, продолжала весело Юлия. – Но в том местечке стоял какой-то удушливый запах серы и газа. Наверное, то был завод...

– А здесь, по-моему, всего один завод. Поехали – я, кажется, знаю, где это место! – воскликнула Евгения.

И молодые женщины опять сели в автобус. Проехали три остановки и вышли. Им пришлось пошататься среди близняшек-пятиэтажек, пока не нашли нужный дом. Юлия была поражена, что совершенно не помнила номер дома. Возле одного подъезда на лавочке сидели пожилые женщины. Они и подсказали, в каком именно подъезде живёт Николай Боблаков.

Юлия удивилась, что его ещё не было со службы, так как на звонок им никто не открыл. Они вошли в квартиру, включили электрический свет, пошли на кухню. Евгения поставила свою сумку и пошла смотреть квартиру одинокого военного. Ничего примечательного не нашла: обыкновенное гнездо холостяка, правда, своим острым нюхом уловила смешанные запахи женских духов, улыбнулась про себя, качнула головой и вернулась на кухню...

Пока они готовили ужин и обсуждали мужчин, прошло полчаса. Хозяина всё ещё не было, и Евгения потеряла надежду, что вообще увидит сегодня бравого прапорщика. Они сами трапезничали и пили вино.

– Хорошо, что твоя мать позаботится о твоей дочери, – сказала в досаде Юлия. – А моих деток сестра может и не взять, и они в садике кукуют, бедняжки, одни.

– Нечего завидовать, не беда, тебе простительно, жизнь свою устраиваешь, а когда наладишь, они всегда будут с вами, – успокоила Евгения, уплетая сочную котлету.

– Легко сказать! Я ему, быть может, и нужна, а вот дети вряд ли...

В этот момент в дверях послышалось шуршание ключа, женщины, как воровки, встрепенулись, напряглись в ожидании. У Евгении покраснели щёки, впрочем, у Юлии тоже зарделись, но сейчас они почему-то приобрели матовый оттенок. Она быстро встала и пошла в переднюю. На ней была джинсовая ниже колен расклешённая юбка и облегающая талию рубашка-батник, купленная в кафе у заезжего спекулянта. Николай вошёл чинной походкой военного, на нём был военный плащ, фуражка.

– О, привет, моя кошечка! Давно ждёшь? – спросил он приподнято, сияя глазами и осматривая стол. – А я учуял запах котлет ещё на первом этаже, с размахом кто-то пирует; думаю, вот так бы меня жена встречала...

– Давай я помогу снять плащ, – польщённая его замечанием, сказала она.

– Ничего, обойдусь и без няньки, – он смотрел на неё во все глаза и не замечал гости.

– Я пришла с подругой, но мне уже надо скоро уходить за детьми.

– Это сейчас мы решим!

Оставшись в мундире, Николай решительно пошагал на кухню, а Юлия в прихожей задержалась с его плащом.

– Отлично, отлично! Стол готов: дамы пируют, здравие желаю! – он картинно поклонился сидевшей женщине, перекинувшей ногу за ногу.

– Это Женя, а это Коля, – засмеявшись, сказала Юлия, придя на кухню.

– Отлично, отлично! Ну, я сейчас руки ополосну...

Николай пошёл в ванную, он слышал резвый смех женщин. «Почему она привела подругу? – подумал рассеянно он, став мыть руки. – Но она тоже ничего, может, решила, буду ли я западать на неё?» Николай помыл руки, ополоснул лицо, вытерся махровым полотенцем, причёсался перед зеркалом, спрятал в карман расчёску и вышел из ванной посвежевшим.

– Винцо, значит, потягиваете, а там, в холодильнике, есть покрепче! – воскликнул хозяин, присаживаясь сбоку стола, оказавшись как бы между женщинами.

– Нам и вина хватит! – сказала весело Юлия.

Евгения внимательно рассматривала мужчину, а Юлия тотчас почувствовала ревность, ведь она знала способности подруги относительно сильного пола.

– Хорошо бы Мишку позвать! – обронил Николай, приняв вызов Евгении.

– Женя замужем, а муж в командировке. А твой Миша вчера снял женщину. По-моему, ты говорил, что он даже и женат...

Николай промолчал, глядя на Евгению, которая кольнула взглядом Юлию. Но в следующую секунду она подобострастно улыбнулась, и её подведённые тушью ресницы невинно заморгали, карие глаза блестели тепло, зазывно...

– Да я хотел как лучше, – разочарованно протянул хозяин, принимаясь за трапезу. Юлия подала ему картошку с душистой свиной котлетой, принесла из холодильника бутылку посольской водки с чёрной этикеткой, рюмку. Но наливал он сам. Отвинтил пробку. От холодной водки бока рюмки запотели. Он вежливо предложил женщинам, но они снова отказались, и тогда он с лихой быстротой опрокинул в рот водку.

– Какой ужин, какой ужин! Из кафе принесли? Молодцы, угодили старому холостяку! – бодрился он, аппетитно уплетая котлету.

Он ещё налил себе водки, а дамам – вина и пригласил их с ним выпить за дружбу и любовь. Тост приняли весело.

– А ваш друг тоже холостой и тоже в погонах? – спросила фривольно Евгения, когда вино приятно прошло по её горлышку, весьма возбуждая аппетит. Она уже была немного хмельна и плотоядно улыбалась сочно блестящими губами.

– Вчера был, это точно! Я вот в разводе уже год или два, а Мишка со мной за компанию в ресторан ходит. И ничего, живёт, как может... Погоны, правда, он не носит. Катается по городам на большой фуре. Давайте в воскресенье, если я не буду дежурить в части, все вместе посидим в ресторане.

– Это хорошее предложение, но мне уже пора уходить, – встала вальяжно Евгения, беря свою сумку. – Проводи меня, Юля, до двери...

– Вот так быстро? – удивился Николай. – Да я же ничего не сказал ещё.

– Спасибо! Всё ей скажешь, – и улыбнулась вежливо.

Юлия встала и пошла за подругой следом, Евгения надела пальто и быстро шепнула:

– Классный мужик, не теряйся и брось эту дерьмовую рефлекссию, ты с ней пропадёшь! Бери быка за рога, не то он тебя забодает, – она хохотнула с каким-то не показным озорством. И резво пошла. Юлия с грустью смотрела на Евгению, будто та бросала её на произвол судьбы.

Какое-то время между Николаем и Юлией после того, как они остались вдвоём, тянулось молчание. Сейчас она подумала, что навязывается ему сама, несмотря на то что он оставил ей ключ от квартиры.

– Тебе вернуть ключ? – спросила Юлия.

– Зачем, давай жить вместе? – как-то лениво предложил он.

– Ты предлагаешь серьёзно или шутишь?

– Вполне!

– Мне неловко за вчерашний вечер. Я боюсь, что у тебя родились мысли на этот счёт не лучшего свойства. Разве нет? Как всё это некрасиво, некрасиво, – она страдальчески улыбнулась, почти через силу, словно не верила, что он позволяет жить с ним – будто делает одолжение, что было крайне неприятно сознавать.

– Представь себе, я весь день о тебе только и думал и очень боялся, что ты не возьмёшь мой ключ. Я не буду тебя обижать, как некоторые. Давай переезжай ко мне с вещичками. Я помогу тебе переехать. Машина на ходу... но я пьян, возьмём такси...

– А ты хоть помнишь, что у меня есть дети, которых, кстати, я не видела со вчерашнего дня? Какая из меня мать, если я ради мужчины забываю о них, – она качнула в досаде головой, потупила взор, пребывая в мучительных борениях.

– Я всё помню. Мои дети с женой, и ты знаешь, что я тебе говорил о своём сыне – якобы своём, но он точно не мой. Бери детей, вместе проживём. Хотя места у меня совсем немного.

– Вот и я об этом думала. И не знаю, что мне делать, я на распутье. А вдруг они надоедят тебе, я этого больше всего боюсь.

– Ничего, в тесноте да не в обиде! Родим ребёнка, я выхлопочу побольше квартиру...

– Даже так? Ты хочешь ребёнка, не узнав меня хорошо? А ведь я росла без родителей. Может, вчера рассказывала, но что-то не помню...

– Мне без разницы, как и где ты росла, какие у тебя были или есть родители, мне нужна ты! Значит, и детей твоих приму, как тебя. И будет у нас дружная большая семья...

– Ты шутишь, честное слово, не спешишь ли ты опять?

– Давай лучше привезём твои вещи, возьмём детей, чтобы ты чувствовала себя уверенно, а потом подадим заявление в загс. Тебе же генерал не нужен, хотя, кажется, ты говорила, что какой-то твой муж был капитаном...

– Да, верно! А второй – комбайнёр. Как видишь, о генерале, как твоя жена, я не мечтала. Мне главное, чтобы моих детей не обижал.

– Это, поверь, я точно обещаю, честь офицера!..

Николай и Юлия сели в такси и поехали к ней на квартиру. Она собрала в два чемодана вещи – свои и детей, потом сходила за ними к Валентине.

– Мои родные, вы извините меня, что давно вас не видела, как по вам я соскучилась! С этого дня будем жить в хорошей квартире, – радостно объявила Юлия сыну и дочери, которые молча в изумлении взирали на неё, не понимая, отчего она такая счастливая, тогда как им пришлось тосковать по ней.

– Вот и хорошо! А ко мне будете в гости приезжать? – воскликнула Валентина. – Юлия, ты не познакомишь меня с новым зятем? – засмеялась сестра.

– Пойдём познакомлю, Коля с хозяйкой разговаривает. Она ему наказ даёт, чтобы меня не обижал, – бросила Юлия, смеясь озорно.

– Ну и замечательно, Никитична ему ничего плохого не посоветует.

Женя и Варя жались к матери и хотели скорее увидеть «хорошую квартиру», какую она им посулила. На их вопрос, где мама, тётя Валя уже говорила, что она работает и хочет улучшить свою жизнь. И вот это сбылось, как в сказке!

Валентина и Мария Никитична провожали Юлию с детьми в новую жизнь. Николай стоял возле машины и курил. Он был в гражданской куртке и казался представительным мужчиной. Но при свете уличных ртутных фонарей всё равно хорошо не разглядишь человека.

В такси Юлия с детьми расположилась на заднем сиденье, Николай – рядом с водителем. Женя что-то шептал матери, она расслышала: «А дядя Коля, как папа, не дерётся?» Юлия испугалась, что Николай мог услышать, и осторожно дала понять сыну, что пока надо помолчать. Лучше поговорят они об этом в другой раз. Но она понимала, что вопрос сына продиктован внутренним опасением, так как в детской памяти ещё были живы страшные воспоминания о том, что вытворял с ними отец. Варя, конечно, ничего не помнила, тогда она была совсем

крошка. Но в то время и Славик уже вёл тише, хотя всё равно иногда поднимал скандалы... Сейчас Юлия успокоила Женю, погладила его по головке, поцеловала в щёчку, и сын понял, что того страшного кошмара, какой устраивал отец, больше никогда не повторится. Не все же мужчины на одно лицо, не все же ярые дебоширы...

Глава седьмая

Теперь Юлии было не очень сподручно отвозить детей в детсад и ясли, а затем только ехать на работу в кафе. Но Николаю она ничего этого не сказала. И когда он разрешил ей распорядиться в квартире так, как она считает нужным, Юлия подумала, что он вполне разумный мужчина. В первый же вечер разложила вещи по полочкам, отвела детям угол для игрушек; она видела, что он присматривался к ней, занятой бытовыми делами. Его лицо было ничуть не омрачено, не выдавало того, что было бы в её действиях не так, и в глазах читалось одобрение всему тому, что она делала. Вот только детям негде было спать, поскольку в комнате стоял лишь один диван-кровать. А для второго места было бы совсем мало. Зато в кладовке нашлась раскладушка, и Юлия уложила детей на неё. Николай обещал купить кресло-кровать.

Словом, в последующие дни эти неудобства кое-как были разрешены. Покормив детей, Юлия уложила их спать. Николай смотрел телевизор, убавив звук почти наполовину. На столе лежали газеты, какие-то книги. Он следил за новостями, читал обычно вечером и смотрел программу «Время». Юлия присматривалась к его привычкам и старалась, чтобы они – с появлением её с детьми – неукоснительно соблюдались, и от них ради неё он бы ни в коем случае не отказывался. Но Николай и не думал этого делать, по складу характера он был вовсе не альтруист, а, скорее, гурман и селадон и поэтому отказываться от удовольствий не собирался.

Иногда среди ночи ему звонили из воинской части, и он срочно одевался и уходил до утра. Раз в месяц он заступал на сутки на дежурство. В обычные дни он также приходил домой не раньше десяти часов вечера, причем уходил к шести. Юлия заступала на смену с восьми утра, когда открывалось кафе, но шла на работу значительно раньше. Поэтому ей приходилось просыпаться в пять часов, чтобы проводить Николая на службу, а после спала ещё полтора часа и только потом поднимала детей и с ними уходила из дому до вечера... Так и текла размеренно их жизнь...

Через два месяца Юлия почувствовала беременность. Николай пока не заикался о подаче заявления в загс; по выходным дням он часто уходил в часть. И редко когда его вообще не трогали в субботу или воскресенье, и лишь в этом случае он проводил время дома, в основном перед телевизором, пропускал одну-две рюмки водки и читал газеты. Между прочим, Юлия тоже не сидела ни одного дня без дела: то кухня, то уборка квартиры, то присматривала за детьми, то стирка и хождение по магазинам. Так что телевизор она смотрела урывками, в кино не ходили, о чём она изредка тужила, поскольку однообразная домашняя работа её душевно изматывала, хотелось какого-то разнообразия. Но так как другого выбора не было, она поневоле жертвовала всем тем, без чего невозможно существовать нормально. Правда, иногда Юлия вспоминала, что когда жила одна, то у неё на отдых было даже больше времени, чем сейчас. Но зато с Николаем она напрочь забыла, что такое одиночество и ночные томления молодой женщины. Детям он приносил игрушки: Жене купил плюшевого мишку, а Варе говорящую куклу, потом сыну танк...

Вечером за ужином Николай выпивал стопку водки, как он говорил, для снятия напряжения. Их танковый корпус куда-то отправили выполнять интернациональный долг, что это конкретно означало, он не объяснял. А она не просила разъяснений. Юлия была глубоко апатична, её совершенно не интересовало то, что происходило в стране или мире. Однако отсутствие в магазинах хороших, добротных товаров, постоянные дефициты, очереди в конце дня за колбасой и мясом – всё это вызывало у неё досаду. Но продукты Юлия брала в кафе, как готовые, так и сырые, поэтому острую нехватку продуктов она особенно не ощущала. А вот покупка обуви или вещей постоянно была сопряжена с великими трудностями, так как в магазинах почти не было выбора. Народ гонялся за импортными шмотками, которые доставали на рынке у спекулянтов или по великому благу, и кто имел такие связи, этим открыто гордился.

На октябрьские праздники воинская часть Николая проходила парадом в областном центре и потом в своём городе. Юлия слышала, что в школе милиции обучаются афганцы, в стране которых четыре года назад весной произошёл правительственный переворот. К власти пришли народные повстанцы, главу свергли, а порядка нет, наша армия изгоняет контрреволюционеров. Эти афганцы были небольшого роста, очень смуглые, глаза чёрные как угли, в шапках-ушанках, завязанных под подбородком шнурками; почему-то стояли рядом с трибуной для партийных руководителей города.

– У них своих школ нету? – спросила Юлия у Николая вечером, придя с детьми с демонстрации.

– Там война идёт, народное хозяйство полностью разлажено, самый ходовой товар – наркотики, которые распространяют по всему миру. В аулах крестьяне что-то выращивают, но прокормиться не могут. Вот мы и выполняем интернациональный долг – изгоняем душманов, которых поддерживают американцы. Словом, или мы, или они. Так лучше мы, чем они, эти заокеанские вояки.

– Слушай, Коля, а тебя тоже могут послать туда? – спросила Юлия в страхе, она только сейчас это поняла.

– Пока там наших хватит и без меня, а там посмотрим! Если, конечно, будут нажимать, может, и пошлют, куда деваться, – лениво развёл он руками.

– А ты знаешь, что я уже беременна.

– Да это же замечательно, значит, всё идёт по плану. А что же ты молчала, тогда после праздника подаём заявление, – несколько возбуждённо произнёс он, но почему-то потупил взор или просто несколько странно так задумался, что вот сейчас переменит решение, для чего найдёт убедительный довод.

– Мне кажется, ты не очень рад...

– Устал, устал, моя радость, – он притянул её к себе, обхватил обеими руками лицо и поцеловал в губы. – Я очень рад! Только боюсь, что с квартирой у нас заминка выйдет на неопределённое время. Но весной, может, получу, если в Афган не зашлют.

– А что я буду делать одна с ребёнком? Ты так хотел его. Или я не правильно тебя поняла?

– Да ты только не паникуй! Всё идёт путём, всё верно...

– А ты не пугай меня своим Афганом...

– Вот что, радость моя: я человек военный, надо быть готовым ко всему. Поэтому говорить, что меня куда-то откомандируют, я просто не имею права.

Они сидели на диване. Дети играли на полу, Николай включил телевизор, а Юлия пошла готовить ужин, вернее сказать, у неё стряпня была готова, но надо было только разогреть, накрыть стол.

Николай вчера принёс хорошее вино, бутылку водки, но ей уже нельзя было принимать ни капли алкоголя. Она позвала его через двадцать минут, а потом после него покормит детей. Но Николай переиначил, позвал Женю и Варю, а сам отправился курить в ванную. Беременность Юлии его немного взволновала, хотя от себя он это почему-то скрывал и хотел думать, что она и впрямь этим сообщением его обрадовала. Оказывается, не так-то легко услышать такое признание от женщины, с которой не состоишь в браке. И он считал, что теперь должен это сделать, но вместе с тем от такого шага его что-то неодолимо удерживало, а что именно, он пока не отдавал себе ясного отчёта и полагал про себя, что всё равно должен узаконить с ней сосуществование под одной крышей. А ведь он помнил, как говорил ей, что очень хочет, чтобы она родила ему хорошего мальчугана. Он не знал, в какую именно ночь она зачала: если после ресторана, тогда этот плод будет не совсем полноценным, нездоровым, ведь оба были нетрезвыми. Но от кого-то он слышал или где-то читал, что алкоголь на плод не столь пагубно влияет, как об этом пишут некоторые светила медицины. Но в любом случае теперь отмахиваться поздно. А Юлия хороша в постели, очень даже женственна, как откликается, как заво-

дится на ласки каждую ночь! С Антониной у него такого не было, та почему-то строго регламентировала постельные отношения, думал он про себя, со всеми ли Юлия так вела или только с ним одним? Но об этом он стеснялся у неё расспрашивать, разве что когда-нибудь. Николай думал пригласить Михаила с женой отпраздновать вместе заключение их брака, но сознание, что Юля привлекает всех мужчин, заставляло пока отказаться от этого. Хотя всё равно придётся, ведь никуда не денешься, кто-то должен быть. И он мысленно представлял, как в кафе она находится под пристальным вниманием мужиков, но вряд ли это ясно сознавала. Одно то, что ею любят другие, вызывало в нём неодолимую ревность, и она переходила в скрытое неудовольствие. Но он не расспрашивал у неё, что говорят и предлагают ей посетители. Впрочем, Николай старался об этом не думать, а то от ревности так можно довести себя до сумасшествия. Она сама говорила, что теперь, когда живёт с ним, ей никто не нужен, как-никак два года прожила одна и притерпелась к такому положению, не пускалась ни в какие любовные авантюры. К одиночеству женщина привыкает довольно быстро, но с детьми она была вовсе не одинока...

Когда Николай просил Юлю рассказать о муже-капитане, она говорила, что о нём ей тяжело вспоминать. Хватит, прошло время, когда она жила только прошлым; к тому же Юлия по опыту знала, что в совместной жизни с другим мужчиной это не приводит к хорошему. Сам же Николай охотно рассказывал о бывшей жене Антонине. Но она не вызывала у неё дикой ревности; наверное, потому, что Николай говорил о ней неуважительно; его тон был нарочито ироничный. И с кем теперь она жила, ему было всё равно.

Юлия позвала Николая к столу. За всё это время она называла его только по имени, а назвать супругом, мужем у неё просто язык не поворачивался. И она чувствовала себя в роли сожительницы, любовницы, которой позволено жить, так как у неё не имелось собственной квартиры, что её ставило в безнадёжное положение бездомной. Но она уже смирилась с этим и старалась пока ни о чём плохом не думать.

Николай налил себе стопку водки, а Юлии лимонад.

– Давай за нас сегодняшних и будущих! – приподнято сказал он.

– Как хочется в это верить! – сердечно улыбнулась она.

– Вот и отлично, сомневаться вредно. Я пыль в глаза не пускаю! – отрезал он, дунул в сторону и залпом выпил, после чего принялся есть свой любимый салат оливье, который она готовила почти каждый вечер.

– Посмотрим, посмотрим! – попивая задумчиво прохладный лимонад небольшими глотками, произнесла Юлия, слегка улыбаясь, словно всё ещё не веря ему.

– Кстати, твоя подруга Евгения, кажется, она работает с тобой?

– Ну да, а что она тебя так интересуется? – Юлия насмешливо прищурила глаза, не скрывая своей ревности.

– Да так... – он махнул рукой, – бедовая баба!

– Чего ты её вспомнил, неужели понравилась? – изумилась неподдельно она. – Вот какие мужчины, одной им всегда мало...

– После тебя разве какая-нибудь может понравиться? Нет, после тебя это однозначно исключено...

– Но ты бы зря не вспомнил о ней?

– Вот теперь ни о ком не вспоминать, так, что ли?

– Если хочешь знать, она изменяет мужу налево и направо! Тебе такие нравятся?

– А он знает?

– Не интересовалась. Ты, я помню, её в ресторан приглашал...

– Я? Когда? – удивился Николай.

– Когда она была здесь...

– Ох, вспомнила, о чём я давно и забыл думать. Я просто так, к слову, хотел сплотить в одну компанию...

– А ты жене изменял?

– Когда служат, тогда становится не до того, – уклончиво изрёк он, наливая себе ещё водки, этот разговор как-то заводил его, он хотел больше знать о ней, а выходило, что она тоже не совсем верит ему.

– Мне надо к Павлику съездить, – вздохнула Юлия, переведя на нужный ей разговор о старшем сыне, о котором в эти дни, пока жила с Николаем, изболелась душа, она даже не написала ему.

– К какому Павлику? – рассеянно спросил он, припоминая, что она уже когда-то упоминала это имя.

– К сыну, старшему. В Исилькуле с бабой и дедом живёт. Ведь я тебе уже рассказывала, красиво, красиво, ничего не скажешь, а своих детей ты не забыл?

– Забыл, всех напрочь забыл! Разве есть мне когда думать, – вспыхнул Николай, покраснел; он быстро выпил водку и сидел в оцепенении.

– Что ты, Коля, всегда так повышаешь тон до крика? Закусывай лучше...

– Ничего! У меня такая привычка общаться. Тут надо выкроить день, подать заявление в загс, а потом о твоём Павлике думать.

– Ты же сказал – после праздника? Объясни командиру части, так, мол, и так...

– А что, так и сделаю! Пусть все знают, что Боблаков женится на первой в городе красавице. А если серьёзно, то я бы к Журькину и на пядь не подошёл, сволочной мужик, пакостник, таких метлой из армии гнать надо! Но с ним я связываться не буду, не такой... Кстати, хочешь носить мою фамилию? В который раз менять будешь? Девичья?

– Была Зауркалова, Пересветова, сейчас Севухина. Твоя мне нравится, звучная...

– А теперь будешь Боблакова! Красота! Вот за это и выпью...

– Не много ли?

Они засиделись на кухне, увлечённые обсуждением предстоящего бракосочетания до такой степени, что дети, наигравшись в комнате, не дождалась матери и заснули – Женя на диване, а Варя свернулась калачиком в недавно купленном кресле. Юлия, увидев эту трогательную картину, всплеснула руками, проникнувшись к ним неистребимой жалостью. Перенесла Варю пока на диван и занялась приготовлением для детей постелей. Потом положила на раскладушку Женю, а Варю на кресло-кровать...

Глава восьмая

Николай сдержал данное ей слово – вскоре после праздника они поехали в загс и подали заявление. Через месяц должно было состояться бракосочетание. Он купил золотые обручальные кольца, в ателье на его деньги для свадебного торжества Юля заказала платье. Подневестницей позвала Евгению, хотя в этом качестве так хотелось быть Светке, и та с искренним сожалением недоумевала:

– Ну, чем я тебе не подхожу?

– Ты очень красивая, там будут одни офицеры, не хочу, чтобы твой Игорь страдал...

– А твой не будет, ведь я действительно красивая, – манерно продолжала племянница, – хотя тебе, ты знаешь, уступаю по многим статьям...

– Не будет, я знаю, как надо держать себя в рамках приличия...

– Ох, ох, смотри какая, а я совсем развязная? – обиделась та. Но Юлия промолчала и лишь примирительно улыбнулась, так как сейчас ей не хотелось заострять внимание на том, кто из них красивее. Светка и впрямь настоящая красавица, которая заморозит любого мужчину.

Боблаков в шаферы пригласил Михаила. И всё у них как будто уже было готово к бракосочетанию. Месяц в хлопотах пролетел незаметно. Трижды прямо из садика с детьми Юлия ездила в ателье на примерки. И она чувствовала в себе уже четвёртого. Иногда Юля думала, не поспешно ли она решилась на создание новой семьи, как-то удачно всё для неё складывается, к добру ли это? Может, не надо было торопиться? Хотя эти сомнения вскоре развеялись, к тому же Николай ей всё больше нравился. И в постели у них, кажется, всё неплохо получалось. Она сумела к нему приладиться, правда, хотелось, чтобы он несколько умирлял свой темперамент: ведь она была в положении. Но об этом ему остерегалась напоминать, чего доброго, ещё подумает, будто она сексуально озабоченная. Между тем с каждым разом у неё возрастало желание, в чём, конечно, она ни за что ему не признается...

Бракосочетание прошло на обычной торжественно-формальной ноте: поклялись взаимно любить и во всех житейских передрягах оставаться друг другу верными и делить поровну все трудности и лишения, под вальс Мендельсона обменялись кольцами, затем расписались, выпили со свидетелями шампанского. Это событие по ещё заранее обусловленной договорённости решили отметить в ресторане «Южный», стоявшем на проспекте Московском. Евгения была без мужа, который всё ещё не вернулся из плавания в заграничку; она смотрела на Юлию счастливыми, немного завистливыми глазами, будто сама никогда не выходила замуж. Михаил тоже был без жены, он смотрел на Евгению как-то подобострастно. Её зеленоватые глаза и большие сочные губы запали ему в душу, она была, без преувеличения, соблазнительная бабёнка. Евгения украдкой оценила его взгляд, полный необычного к ней внимания, хотя он так смотрел на неё не только в этот день, но и в момент знакомства, когда за неделю до бракосочетания Николай пригласил Михаила, а Юлия – свою подругу. И в тот вечер они хорошо посидели на кухне. Но хозяйка её затмевала и красивым лицом, и статной фигурой, причём обе это знали, и свои недостатки, которые находятся даже у самой совершенной красавицы, никогда не обсуждали. Хотя подруге так хотелось перед ней всегда выглядеть ничуть не хуже. Сейчас Евгения была в зелёном платье, подчеркивавшем всё изгибы ладной фигуры; густые светлорусые с пепельным отливом волосы на затылке как-то причудливо вздымались и, казалось, кокетливо приглашали обратить на неё внимание; губы полные, чувственные. Когда она ими улыбалась, рот озорно вытягивался и при этом как-то смешно приподнимался несколько островатый носик. И вид её приятного лица всегда портился, если были жирно накрашены яркой помадой губы, что придавало ей некоторый оттенок вульгарности.

Для этого торжественного дня Юлия сшила платье из розового шифона с длинными рукавами. С причёской ей пришлось повозиться в парикмахерской достаточно долго, даже немного подрезала волосы, хотя они и без того спускались в распущенном виде ниже пояса. Спина у неё была ровная, плавно прогибалась в талии; слегка округлые бёдра; пунцовые под цвет платья щёки. А выразительные иссиня-голубые глаза излучали то состояние души, когда должно произойти важное событие, которое способно сделать её счастливой, на что она так надеялась. На этот раз беременность её нисколько не тревожила.

В ресторан были приглашены самые близкие родственники и друзья: от Юлии пришли Светка с Игорем, сестра Валентина с мужем Семёном. А вот детей пришлось оставить у добрейшей Марии Никитичны. Юлия про себя подумала: лучше бы Семён остался дома, сидел бы со своим внуком Владиком, что так и хотелось высказать сестре; Валентина тоже была нарядная – в платье из жёлтого трикотина. В её жизни одним из занятий было одно – сильно не полнеть, но ей удавалось иногда и похудеть. Но когда у неё вдруг разгорался аппетит, она опять полнела до своего естественной нормы...

Из кафе пришло несколько поваров, а вот заведующая, Нина Степановна, симпатичная деловая дама, не соизволила. Но Юлия на неё нисколько не обижалась, так как та постоянно была в разъездах по продовольственным базам. И со своим мужем, говорили, не очень ладила, поскольку своей деловитостью затмевала его...

В традиционном понимании это была не свадьба, а обычная вечеринка близких друзей; молодым вручали конверты ещё до начала застолья, по мере того, как приходили гости: поздравляли, желали счастья, любви, целовали невесту и пожимали руку жениху.

Со стороны Николая были два военных в гражданских костюмах с жёнами, а вот его родители почему-то не приехали. Веселье началось с тостов за здоровье и счастье новобрачных, гости кричали «Горько!», в чём усердствовали в основном женщины. И к ним охотно, с восторгом в серых глазах, присоединялась и Светка, которая немного завидовала их шикарным нарядам, хотя сама была не менее нарядна и красива, с распущенными по плечам пышными белокурыми волосами. Молодые, не вставая, шутиливо целовались. За столом пили, ели и снова провозглашали тосты во славу молодых, а когда заиграл вокально-инструментальный ансамбль, выходили танцевать...

Словом, вечер проходил, как и все такие вечера, Юлия чувствовала себя окружённой вниманием и женщин, и мужчин. Когда Николай уходил с товарищами курить, Евгения подсказывалась к ней и говорила, что Михаил, товарищ её мужа, пригласил прокатиться по зимнему ночному городу. И она это выражала таким довольным тоном, будто для неё ничего не было приятнее.

– Наверно, он в этом приличный мужчина, – прибавляла, смеясь, она. – Не знаю почему, у меня появилось к нему этакое, знаешь, женское любопытство...

– Ну, у тебя одно на уме! – усмехнулась Юля. – Смотри, Женька, дойдут до мужа твои похождения, наплачешься тогда...

– Да я ни о чём не думаю! Разве я виновата, что он пригласил прокатиться?

– Меньше глазками стреляй. Ты так увлекаешься кокетством, что даже не отдаёшь себе отчёта в том, какими глазами смотришь на них...

– Что ты преувеличиваешь! Ну, если он понравился, я должна скрывать это? Неужели ты с твоей внешностью заклинишься на Николае?

– Ты удивляешь меня, Женька! Рассуждаешь, как настоящая шлюха. Я думала, ты очень серьёзная женщина...

– Да я шучу, мне просто доставляет удовольствие, как мужчины клюют на мою наживку. Никто мне не нужен, они все одинаковые, поверь...

– Ты меня не уговаривай! – шепнула она. – Тише, идут Коля и Миша, – предупредила быстро Юля, глядя на хмельную подругу, которая под мухой тотчас преобразилась из легкомысленной в серьёзную.

– Ну, о чём беседа? – спросил басовитым тоном Михаил, поглядывая на Юлию и Евгению. Но первая не приняла его взгляда и посмотрела с улыбкой на мужа. Николай подсел к ней и поцеловал в шею.

– Давайте выпьем! – пригласил Николай.

– Я уже пьяная. А твоя жена – нет! – бросила Евгения, целясь взглядом на Михаила. Он наклонился к ней и шепнул:

– Тебе здесь не душно? Пора проветриться на часок...

Евгения рассмеялась, ей хотелось, чтобы Николай посмотрел на неё и оценил как женщину, без этого она не могла общаться с мужчинами...

– Моё, да и твоё исчезновение у публики вызовет дурные толки, тебе не кажется? – сказала она на ухо Михаилу. – Может, лучше подождём ещё, скажем, когда все будут пьяные.

– Ладно, уговорила, давай глотнём водки чуть-чуть! Ну а вы, молодёжь, чего ждёте?

Юлия смотрела на племянницу, которую за руку тянул Игорь танцевать, но она и не двигалась, так как её внимание привлекал один военный, хотя он был сейчас вовсе не в форме, а всего лишь в сером костюме. Многие в ресторане танцевали. За весь вечер Юлия выпила только один бокал шампанского, а к еде почему-то не прикасалась, на удивление, есть не хотелось. А вот Николай пил водку и закусывал, правда, иногда просто забывал о жене, чем невольно вызывал у той обиду. Третье замужество, как в своё время и второе, её отнюдь не радовало в том смысле, что когда любишь мужчину так сильно, то не представляешь без него своей жизни. Таким человеком для неё был первый муж, но и любовь к нему была ею буквально выстрадана в борьбе с его спесивой матерью. Но что теперь ворошить прошлое, от которого всё равно легче не становилось. Юлия хорошо понимала, что как бы ни пробуждалась любовь к Николаю и что бы он ни делал ради её счастья, такой любви, как с первым мужем, она больше не испытает. Хотя за совместную жизнь с Николаем много минут было ею прожито поистине счастливо. Правда, бывали моменты, когда она ловила себя на мысли, что ему она уделяла больше внимания, чем своим детям. Когда, бывало, она сидела на диване с Николаем, сын Женя в это время с какой-то боязливостью и смущением смотрел на неё, и в его глазах читалась обида оттого, что за весь вечер даже ни разу не подошла к нему. А Варя вдруг бросала игру, подходила к ней и тыкалась лицом в её колени, а то и просто тянула за руку от чужого дядьки, которого Юлия в последнее время называла их отцом и говорила им, что он хороший. Она не могла приказать Николаю, чтобы детям уделял больше внимания, и тогда Женя не будет на неё смотреть колючим, полным обиды, отчуждённым взглядом. Однако Николай редко приходил со службы вовремя, как правило, он постоянно задерживался. И часто к его приходу дети уже спали. Поэтому он видел их довольно редко, а Юлии иной раз казалось, что он нарочно избегал общения с её детьми. Но такая мысль надолго не западала в её сознание.

Правда, она боялась единственно одного: чтобы Николай не втягивался в частые выпивки. Он был старше её почти на семь лет, но этой разницы в возрасте Юлия не ощущала. Вот и сейчас он без конца пил с Михаилом водку, но почему-то почти не пьянел и казался трезвым.

...Всё-таки Евгению Михаил уговорил, так как в зале их не было, и Юлия пришла к выводу, что они уехали. А потом, наверное, через час, между Игорем и одним военным произошла драка. Валентина с удивлением на лице успокаивала зятя, у которого рубашка была в пятнах крови, нос распух. Она увидела, как Семён ринулся в сторону военного и что-то издали сказал тому грубо. Но дочь кинулась наперерез к отцу и остановила его...

Вскоре Светка с Игорем ушли, а Семён сказал, что пойдёт за внуком Владом, чтобы он не видел отца в неприглядном виде. Юлии тоже хотелось уйти, так как вечер для неё прошёл насмарку. Хотя гости ещё продолжали веселиться.

– Вот дурак твой зять! – начала Юлия, обращаясь к сестре. – Ему, наверное, передался дух тестя. Светка же, я видела, с ним только танцевала.

– Она же ему улыбалась просто так, а Игорь это воспринял как согласие на интрижку, – пояснила Валентина, желая оправдать поступок дочери.

– Я думала, что Семён будет драться с военным: как он пошёл на него яростно, глаза пылали огнём, как петух раскрылся...

– Да ну! Из него уже песок сыплется, – засмеялась сестра. – Я заметила: когда он что-то мог в постели, то был как чёрт ревнивый, а сейчас невозмутимо спокойный, как евнух. Вот удивительное свойство мужчин! – Валентина снова засмеялась.

– Ты думаешь, такие все? – удивилась сестра и продолжала: – А ты знаешь, Светка хорошо смотрелась с офицером, я не хочу сказать, что Игорь ей не пара...

– Но его же жена не ревновала? А ты мне смотри не говори ей, что она с офицером красиво выглядела, не говори ни при зяте, ни наедине.

В это время Николай разговаривал со своим товарищем, который стал в глазах толпы героем этого вечера.

– Если послушать Колю, то с его слов выходит, будто жёны офицеров им изменяют, – сказала Юлия с некоторой важностью в голосе.

– Думаешь, они не ревнуют? – удивлённо спросила Валентина.

– Я не знаю, почему они не ревнуют, я думаю, это неверное представление. Нет таких людей, чтобы совсем не ревновали...

Николай подошёл к жене и свахе, его лицо раскраснелось, он весь сиял благодушием и довольством, что стал вторично женатым человеком.

– Ну что, Коля, разобрались? – спросила Валентина.

– Всё нормально! Твой зять не может веселиться. Мой сослуживец Василий хороший семьянин. Просто ему нравится танцевать с женщинами, и за себя, как офицер, может постоять...

– Ну, мог бы твой друг без рук, а то нос Игорю расквасил, как хулиган, а мой зять не драчливый, – серьёзно проговорила Валентина.

– Значит, Светлана что-то сказала Игорю, а он разошёлся, ведь повода для ревности Василий не давал.

– Чего вы заладили одно и то же? Уже всё давно забыли инцидент. А не пора ли нам домой, Коля? – сказала Юлия. – Дети там, наверное, голодные, одни, ведь Никитична могла их оставить и уйти продавать семечки к магазину.

– А что они, каши просят? – неподдельно удивилась Валентина. – Ну я сейчас пойду заберу их, а вы веселитесь. Это ваш вечер. Вы хорошая, подходящая пара, тут все так говорят.

Николай обнял Юлию, но ей это не понравилось, при сестре мог бы воздержаться от переполнявших всё его существо чувств, к тому же много было в нём фривольного, с оттенком развязного поведения, что совершенно расходилось с её представлениями о настоящей любви. Ведь так неуважительно не ведут по отношению к той, которую любят. Но ей не хотелось развивать эту мысль дальше, поскольку она могла прийти к неутешительному выводу, так как была полностью не уверена в своих чувствах к Николаю, и потому лучше не копать в себе и в нём. Впрочем, жизнь покажет.

– Ты опять чем-то недовольна? Смотри, народ веселится, танцует, а ты как на похоронах. Я пока ещё живой, думаю, всё будет нормально, – говорил Николай.

– Что же, я в положении и должна уподобляться всей этой публике? Красиво, красиво, ничего не скажешь. Я от тебя такого отношения ко мне не ожидала...

– Юля, брось капризничать, Коля просто шутит, – уговаривала сестра, улыбаясь. – Что же, по-твоему, он каждую минуту должен думать о твоей беременности?

– Правильно, моя голова не дом советов, – подхватил он. – Скоро пойдём, но такого вечера больше не будет.

– Коля, прости её, беременные женщины все такие капризные...

– Да что там, выпьем и снова нальём, сваха, давай причастимся, – продолжал зять, наливая ей и себе по полстопки водки.

– Ой, да мне бы уже и не надо. Хорошо, за компанию, – и она выпила с ним.

Валентина и правда через четверть часа стала собираться домой, посматривая на Семёна, который о чём-то бойко разговаривал с одной женщиной, на которую она глядела с ироничным удивлением. И как это она могла с таким интересом беседовать с её мужем, который всегда высказывался о жизни по принципу: «У нас всё плохо, а там всё хорошо...». И весь вечер муж проводил в разговорах то с офицерами, то с женщинами из кафе, и у неё ни разу не дрогнуло сердце ревностью к тому, как он вёл себя свободно, будто её тут вовсе не было, и за это на него не обижалась. Всё равно ни одной из этих женщин, которые намного моложе Семёна, он не нужен, рассуждала Валентина, а с ней ему не интересно разговаривать, поскольку он знает, как она не очень одобрительно относится к его образу мыслей и ей известны все рассуждения мужа...

На улице уже было темно, там, в уличном свете фонарей, порхали снежинки, плавно опускаясь на сухой асфальт. В ресторане сияли хрустальные люстры, заливая зал сияющим ярким светом. Стоял шум и гвалт от несмолкавшего оркестра и голосов публики.

– А вы приходите к нам в гости, – на прощание пригласила Валентина Николая и Юлю.

– Ты лучше сама приходи к нам, – сказала Юлия и пошла проводить сестру. А Николай тут же присоединился к танцующей публике...

Глава девятая

Гости постепенно стали расходиться, Юлия уже не чаяла увидеть своих детей. Когда они последними вышли из ресторана, снег лежал на асфальте белым чистым покрывалом без единой складочки и серебристо переливался под светом ртутных фонарей. Николай, выйдя на край проезжей части, остановил такси. Юлия велела сначала заехать за детьми. Но Николай не хотел, чтобы в такой важный для них вечер кто бы то ни было мешал им, чем немало поразил жену. Ведь она и не думала, что дети могли помешать ему. Разумеется, ей это не понравилось, она наклонила голову и тотчас погрузилась. Николай, кажется, не желал понимать её душевное состояние и своими жестокими словами причинял жене страдания, которых у неё и без того хватало. Впрочем, ему казалось, что Юлия слишком часто думает о своих детях. В этом ему виделся нехороший признак: значит, она не сильно его любит, хотя он и не требовал от неё полной жертвенности во имя их отношений, которые его вполне удовлетворяли. Если она его не любила, то всё равно их постельные отношения не вызывали никаких сомнений в том, что ей с ним хорошо. Юлия часто смотрела на него с каким-то таинственно-признательным блеском в глазах. Конечно, она не знала, что, кроме её детей, в его воображении мелькали мужчины, которых сейчас люто ненавидел, тогда как Юлию любил всё сильнее.

Сейчас, в такси, когда они смотрели в окно на свежесвыпавший снег, им почти в равной мере казалось, что новый снежный ковёр стелется специально для них – с этого вечера начались новые, уже законные супружеские отношения. Как сделать так, чтобы этот чудесный, сверкающий звёздочками ковёр не запятнали они оба? Юлия смотрела, как вспыхивали и гасли снежинки, и счастливо, правда, с оттенком грусти, думала, что это её чувства вот так же сияют, переливаются в душе. Но с этого дня им вряд ли суждено устояться только потому, что Николай всецело не любит её детей. Ах, как жаль, если эти прекрасные звёздочки со временем превратятся в капли слёз и этот бело-пушистый ковёр побьётся, как молью, их ссорами.

– Ну, чего ты, радость моя, загрустила? – дыша запахом сигарет и водки, спросил Николай, сильно привлекая её к себе.

Юлия действительно была печальна; и она взглянула коротко на него, не веря, что этот человек её муж и так похоже сказал эти слова, как когда-то ей говорил покойный муж, поэтому на время Юлии показалось, будто она видит Женю, отчего больно и тревожно защемило сердце...

– Ничего, милый, это я так... – нежно ответила она, напрочь забыв, что перед ней сидит другой мужчина, которого никогда так не называла. А когда опомнилась, что находится в другой реальности, она улыбнулась одними уголками губ как-то виновато.

Николай был чрезвычайно польщён, когда она так назвала его, ведь ни одна женщина его подобным образом не называла. Хотя ему казалось, что «милыми» женщины называли мужчин в старые времена. А сейчас нет ни «милых», ни «любимых». Он и сам подбирал нейтральные слова, и сейчас Николай почему-то не верил в искренность её чувств, что-то искусственное, натянутое находил в интонации её мелодичного голоса. И всё равно он был весьма рад, что она так сказала. Да и долго он не привык копаться в себе, а тем более заглядывать в женскую душу, потому что знал артистические возможности женщины. А ещё ему казалось, что Юлия пыталась обратить его внимание на её детей, что нельзя их забывать даже в такой день. Ведь дети всегда остаются детьми: они хотят ласки, требуют заботы в любое время суток, и когда чувствуют себя оставленными и забытыми, то неотвратимо замыкаются в себе и могут запросто ожесточиться. На всё это она насмотрелась в своё время в детдоме.

Николай понимал: то, что она ждала от него, ему было трудно исполнить, словно кто-то нарочно мешал ему быть идеальным мужчиной. На пути к этому он ощущал в себе какое-то внутреннее сопротивление, которое никак не мог преодолеть, чтобы стать всемерно заботли-

вым. Он молча прижал Юлию к себе ещё тесней, чмокнул в щёчку; от неё пахло теми духами, которые по его просьбе достал Михаил. Ведь он уже не один год занимался доставкой импортных вещей из-за границы. Он и в партию вступил ради зарубежных поездок, хотя от коммунистических взглядов был так же далёк, как и его друг – от стремления стать генералом. Впрочем, Николай тоже состоял в партии, но ему казалось, что его партийный билет не был липовой визиткой, а вполне соответствовал его убеждениям. Но с Михаилом они почти никогда не вели идеологических споров. Просто надо было как-то жить в соответствии с желаниями и добиваться хоть каких-то реальных благ.

Собственно, и Николай не считал себя убеждённым сторонником партии. Мир делился на Запад и Восток, и везде люди жили со своими насущными запросами. Только у нас они удовлетворялись в погоне за дефицитом с использованием связей. Но почему-то западным людям это удавалось без труда, так как, по словам Михаила, у них магазины ломились от всех жизненно необходимых товаров, тогда как у нас рисовалась противоположная картина. И материальные преимущества были на стороне западных людей. Почему так происходило, Николай точно не знал; впрочем, у нас стремились всех уравнивать в правах, но этих прав на всех не хватало. Людям приходилось их искать обходными путями, в основном через знакомых, что удавалось немногим. И одним из пробивных был Михаил...

– Твоя подруга и «до свидания» не сказала, – обронил Николай.

– Тебе это хотелось от неё услышать лично? – спросила Юля отчуждённо, почувствовав затаённую ревность. – Я же тебе не напоминаю о твоём друге. Они друг друга стоят, – прибавила она убеждённо.

– А мы разве не такие? – дурашливо усмехнулся он.

– Что ты имеешь в виду?

– Теперь мы супруги, не просто так.

– А тебе нравится, что твой друг изменяет жене?

– Надо же, а что делает подруга твоя? Скажи мне, кто твой друг, и я отвечу, кто ты, – бросил яростно Николай, грубо отталкивая Юлю от себя, как отбрасывают не нужную тряпку.

– Что ты себе позволяешь, Коля? Я не отвечаю за её поступки, я совсем другая... и не кидай меня как тряпку.

– Всё, всё, извини, успокойся! Я погорячился! – он опять сжал её в объятиях.

Юлия заплакала, но не из-за того, что он оскорбил её, просто сейчас они проехали улицу, на которой жила сестра. У Валентины должны быть её дети, которые с нетерпением ждут мать, тогда как она предпочла им мужчину, а он так равнодушно относится к ним. Разве это нормально, неужели она теперь должна жертвовать детьми ради Николая? Если бы она знала, что так произойдёт, то никогда бы не вышла замуж. Но другое глубокое чувство возникло наперекор этой мысли; отныне она была не в силах посвятить себя только воспитанию детей. Николай на этот счёт однажды заметил, что они вырастут и даже не выразят ей благодарности; они не оценят всей её любви, которую будут потреблять как должное, поэтому нечего зря казнить. Юлия тогда подумала, будто Николай это уже сам пережил, но услышала в ответ совсем другое: что в жизни таких случаев сколько угодно. Не он ли сам наплевал на своих родителей, о которых она почти ничего не знала. Вот и на свадьбе их не было, хотя жили в какой-то станице. Правда, он обещал свозить её к ним на Новый год. Она также узнала, что Николай собирал деньги на новую машину, поэтому лишней копеечкой не разбрасывался, подарками её несильно баловал и потому казался ей скуповатым. Но от этого особенно не переживала, хотя не преминула подумать, что Николай не сильно её любит, а ведь не раз говорил, будто ради её счастья готов на всё!

– Ну что ты? – буркнул он, беря её руку, она попыталась выдернуть, но муж сжал сильно её пальцы, стараясь поймать её ускользающий взгляд, которым выдавала свое душевное смятение.

Наконец такси подъехало к дому, в котором они жили. Здесь снег сверкал в свете фонарей тусклее, чем на проспекте Московском. Юле показалось, что и счастье её померкло, а может, оно лишь мелькнуло чистым сиянием, как призрак, что оно длится всего миг, а на самом деле в жизни замерцает серыми, однообразными буднями. Снег здесь действительно казался мрачным, утратившим так быстро свою первозданную белизну. И Юле подумалось, что это судьба подавала сигнал: мол, больше не жди ничего хорошего. Неужели она должна всё время подчиняться воле рока? Впрочем, не всё так мрачно, как ей кажется, просто в душе за долгое время одиночества накопились отрицательные эмоции, которые теперь выплескиваются при каждом внутреннем переживании. А она больше не хотела им поддаваться. Может, стоит выпить, чтобы разогнать дурное настроение?

Николай вдруг взял её на руки. Не успело такси тронуться с места, как он быстро побежал с ней к подъезду. У неё опять показались слёзы, и лучик от фонаря блеснул в них, как алмаз. К Юлии неожиданно вернулось хорошее настроение, она непроизвольно томно вздохнула, уткнувшись лицом в его грудь. От болоньевой японской куртки веяло хорошим одеколоном, сигаретами и холодом. Но сейчас ей было так чудесно, что она забыла обо всех своих переживаниях.

– Отпусти меня, – попросила она перед самым входом в подъезд. – Не хочу, чтобы увидели бабули, которые, кажется, всегда ждут меня возле двери!

– Нужна ты им! – он поставил её на снег. – Сейчас тут ни души, побежали наверх, – весело прибавил он.

– Я уже не могу...

Из-за двери слышалась музыка, Юлию это удивило, но тут же догадалась, кто мог бы без них тут хозяйничать, и от этого ей стало как-то не по себе. Николай вставил в замочную скважину ключ, но замок не открылся. Тогда он нажал кнопку звонка.

– Вот паразиты! – выругался он. – Я думал, что они давно ушли, а они всё ещё кувыркаются...

– Значит, ты дал Мише ключ?

На её вопрос он промолчал, дверь распахнулась.

– Ха-ха! Молодожёны? Заходите! – Михаил сверкал глазами, ноздри хищно раздувались.

– Ну, ты прямо орёл! – крикнул возмущённо Николай, отталкивая того с дороги. Михаил был как никогда пьян и головой ударился о дверной косяк. Он пропустил Юлию, почувствовав себя перед ней как кот, который нашкодил. Но это чувство тут же прошло, и он пошёл на кухню.

Евгения сидела за столом на кухне и лениво курила, глядя на тех, кто вошёл, сонными глазами. Она сощурилась, точно от яркого света, отчего подведённые чёрной тушью ресницы казались нагло изогнувшимися, взирала без стыда и совести.

– Ну привет, подруга! – бросила та без тени смущения, когда Юлия вошла и стала открывать форточку на кухне: тут вился серо-голубыми лентами сигаретный дым, который стремительными извивами понёсся к окну.

Николай и Михаил выясняли отношения в комнате, где постель была разобрана.

– А я думала, ты повезла его к себе, – разочарованно сказала Юля.

– Да, я хотела..., но он привёз меня сюда.

– Зачем тебе он нужен, ведь он женат?

Евгения на это только рассмеялась, а потом сказала:

– А что я должна киснуть без мужа, пусть ему там икается. У нас зима, а он у берегов солнечной Зеландии бананы ест и ананасами закусывает. А может, туземку или аборигенку обнимает...

– Ты судишь так по себе?

Евгения встала, махнула рукой. А потом вдруг резко рассмеялась:

– Знаешь, Мишка хорош в постели, а твой Николай такой же? – дразня, прибавила она, подмигивая подруге.

– Я подробности не обсуждаю! – отрезала недовольно Юлия, нервно блеснув глазами.

– Мы сейчас отчаливаем, извини, что измяли твою постель, я тебя очень люблю, постель не убрали... Но ничего, вам пригодится как раз...

Юле стало омерзительно не оттого, что подруга цинично выражалась, ей уже было противно смотреть на Евгению, хотя её стройная фигура была весьма привлекательна и неодолимо влекла к себе мужчин. Она встала, потушила в пепельнице окурки, пошла в прихожую, позвала Михаила. Но он не очень торопился. Николай показался в проёме дверей совершенно трезвым на фоне покачивавшегося друга...

Вскоре они ушли, в квартире установилась тишина. Юлия перестелила постель: сняла простыню, наволочки, пододеяльник и надела всё чистое, выглаженное сразу после того, как постельное бельё высохло.

Ни Николай, ни Юлия не обсуждали поведение своих друзей. Он приготовил кофе и по рюмке армянского коньяка. Но Юле есть не хотелось, Евгения внесла в душу смятение и оторопь: как она легко поступала! Раньше об этом только слышала от неё и полагала, что та гуляет от мужа только на словах, желая быть современной, но вот теперь воочию увидела, на что она способна. Если бы её боцман узнал, что бы тогда было? Но она вскоре забыла об этом, Николай позвал за стол, и она нехотя села.

– Что с тобой, моя радость? Михаил плохо действует на психику?

– Не говори так, я не хочу думать о них, а тебя прямо кто-то подбивает сказать какую-нибудь гадость. Красиво, красиво, – она покачала головой. – Тебе больше не о чем говорить? – упрекнула жена.

Николай молча встал, поплёлся в комнату, она слышала, как он открыл секретер и вернулся со свечами, вставил их в подсвечник, зажёл от спички и выключил электрический свет. Юлия встала, закрыла форточку, потому как на кухне было уже прохладно и пахло уличным холодом.

– Ну, давай по граммулке за нас с тобой, – бодро предложил Николай. И Юля подняла рюмочку, ей сейчас хотелось расслабиться, забыться от всего, что доставляло неприятности. В свете свечей лицо мужа казалось чужим, хотя за два с лишним месяца сожителства он стал ей родным, но вместо него она хотела бы видеть того, кого уже въяве никогда не будет. И потому, вопреки жестокой реальности, иногда пыталась наивно представлять его в своей жизни. Какую-то злую шутку играет с ней жизнь, или она сама нет-нет да начнёт истязать себя совершенно несбыточными надеждами, с которыми пора бы покончить и принять раз и навсегда того, кто сейчас сидит напротив. Он же, наверное, как и все самонадеянные мужчины, тоже считает себя самым лучшим из мужчин или мечтает быть таким. Собственно, Николай хороший, но такой, какой есть, и с этим надо считаться. Юлия улыбнулась уголками губ. Сейчас она подумала, будто Николай, как и она о покойном муже, думает тоже о своей бывшей жене. Пусть та некрасиво поступает, подло, но сердцем он принимает её прежнюю и смотрит на неё, Юлю, наверное, через сущность Антонины...

Звон хрустальных рюмок, слегка коснувшихся другу друга, прозвучал почти неслышно. Но зато они на короткое время как-то остро вспыхнули в свете горящих свечей и отделились в сердцах новобрачных чистым мелодичным звучанием, и потому казалось, их отношения должны складываться так же. В них, однако, с первых дней совместной жизни закрался заметный диссонанс, непрошено нарушавший их гармонию, к которой тем не менее стремились, но пока её достичь не могли, что смутно ощущали, так как у них ни в чём не было полного согласия. «Дети, дети, где вы, милые, сейчас? Конечно, они уже спят и видят сны. К сожалению, мои дети исподволь становятся между нами яблоком раздора», – подумала грустно она. Но вскоре предалась другим мыслям. Николай опять налил ей коньяку. Первая рюмка ударила

в голову и заглушила все её недавние переживания. Николай говорил, что она сводит его с ума, когда кто-то из мужчин бывает с ними рядом. Его это всегда донельзя раздражает, и он готов даже всех поубивать. Он так невероятно её любит, что всё женщины перед ней меркнут и почти ничего не стоят. Он боится разочароваться в ней, и чтобы она как можно меньше общалась с Евгенией, этой бесовкой, которая дурно, должно быть, влияет на неё, Юлю. Если она терпит все её побочные связи, то это набрасывает нехорошую тень и на неё.

Они выпили ещё по рюмке, затем ещё по одной, так что от бутылки коньяка осталось только на доньшке, но она уже больше не хотела пить. К тому же под ложечкой порядком припекало и в гортани отчего-то стояла горечь. Она стала бессмысленно смеяться, как дурочка, откидывая при этом голову назад. Николай задул свечи и понёс жену в комнату, куда от остывавших свечей распространялся запах воска, и ей почему-то казалось, будто она в церкви вдыхает ладан (куда надо бы пойти снова и поставить свечки).

В комнате она лежала в постели, Николай включил бра, но Юля не хотела света и шёпотом попросила выключить. С улицы даже на пятый этаж в окно сквозь сиреневые шторы проникал свет фонарей. С лестничной площадки доносились мужские и женские голоса.

Николай встал, закрыл дверь в прихожую. Юлия поднялась и сняла с себя платье, оставшись в комбинации, потом и её сняла, надела подаренный мужем пеньюар. Николай с каким-то нетерпением потянул жену за руку, она засмеялась и подчинилась его порыву. Юлия провалилась в какой-то любовный бессознательный дурман, и он сладчайшей волной подхватил, поднял кверху, точно пушинку. Ей казалось, она парила далеко отсюда и даже не слышала, как из неё вырывались приглушённые стоны. Какая-то волшебная сила овладела ею, и тепло облекло всё тело приятной истомой, и она не чувствовала себя. Николай своими горячими горьковато-сладкими губами накрыл её губы, и ей казалось, будто её губы раздавил, как тугие ягоды, и теперь слизывал с них сок. Она была во власти каждого его движения. Перед её лицом блестели глаза – словно вспарывали темень. Он овладел ею с такой силой, что у неё от наслаждения помутилось сознание, точно окутывалось тёплым ласковым облаком. И инстинктивно помогала ему вопреки тому, чего бы постеснялась делать, если бы была она трезвой. Но любовь под влиянием хмеля толкает совершать естественные для двоих движения, в которых строгая пуританская мораль почему-то отказывает женщине, называя их непристойными. Уж что природой предусмотрено, того нельзя осуждать, а ведь совсем недавно она от этого нового понимания была далека. Эта тема для неё всегда казалась неподлежащей обсуждению. А вот Евгения позволяла себе рассуждать на эту тему не без пошлых замечаний. Она давно пребывала в мире алькова с посторонними мужчинами, как дышала воздухом, и всё потому, что у Евгении большой опыт порочных отношений с мужчинами. И для неё это вполне естественное состояние, какого никогда не достигнут другие женщины, и она их искренне жалела, о чём не стеснялась говорить и Юле. Но та только слушала подругу и посмеивалась, полагая, что Евгения просто её разыгрывала. Хотя она почти всерьёз говорила, что нет такой женщины, которая во время любви не была бы в том же состоянии, что и продажная женщина, поэтому они переживают одни и те же ощущения.

И Юлия сейчас была близка к тому, чтобы признать и больше никогда не отрицать этой истины. Удивительно, что есть такие женщины, для которых нет разницы, любят они или нет, но им в равной мере приятно вступать в близость с одним и тем же лишь только нравящимся им мужчиной. Но для неё это было вовсе не всё равно, так как с тем, который ей ни капли не нравился, она никогда не станет спать...

С того дня Юлия определила свои отношения с Николаем, который их способен варьировать и тем самым доставлять ей и себе истинное удовольствие, которое с другим ей, наверное, никогда не достигнуть... Она уяснила для себя ту истину, что, как бы ни было дорого ей прошлое, надо дорожить и настоящим...

Глава десятая

Наутро Юлия осуждала себя за вольные ночные мысли, полные непристойных соблазнов, вдруг проснувшихся после близости с мужем. Теперь для неё главное заключалось в том, что Николай не сожитель – она ждёт от него ребёнка. Юлия встала раньше мужа и быстро приготовила завтрак. Было воскресенье, сестра вчера обещала приехать. Но Юле почему-то этого не хотелось. Уж лучше она с Николаем поедет к Валентине сама. Вчера он дал согласие, что будет заботиться о ней, своей жене, как следует, а Юлия почти серьёзно добавила, чтобы непременно и о детях тоже.

Валентина с детьми приехала к двенадцати часам дня. Женя подошёл к матери и уткнулся лицом в её подол. Светло-русовая его головка показалась головкой птенчика, она с нежной трепетностью погладила сына и потом присела к нему, всматриваясь в его лицо. Женя хмурил брови и угловато косился на Николая, с которым весело разговаривала Валентина. Её серые глаза блестели возбуждённо, а Варя сидела на диване, засунув пальчик в рот, и беспечно смотрела на взрослых.

– Варюша, вынь палец, ты уже большая, – попросила Юля и вместе с сыном подошла к дочери. Сгрестила их в кучу, прижала к себе, а потом стала что-то путано объяснять, чего сама хорошо не понимала, так как сейчас душа всё ещё была наполнена чувствами, оставшимися после брачной ночи...

– Зачем ты женилась? – спросил Женя.

– Я вышла замуж, чтобы у тебя был ещё один братик или сестричка. Скоро мы с дядей Колей поедem к Павлику.

– Зачем? Я сам хочу с Варей.

– Конечно, мы все вместе поедem! – а потом она обратилась к Валентине.

– Почему не пришла Светка с Игорем? Как они там, не передрались из-за вчерашнего? – засмеялась Юлия.

– Я их сама не видела! Игорь вёл себя, как мальчишка! – ответила сестра.

– Ничего, думать лучше будет, – вставил Николай. – Пойдём, сваха, за стол, Юля нам готовила всё утро.

– А вы будете есть, мои родные? – мягко спросила Юлия у детей, слегка заискивая перед ними, она всё-таки всё ещё чувствовала по отношению к детям и свою вину.

– Мы у тёти Вали ели, дядя Семён рыбу поймал, щуку вот такую! – радостно сообщил Женя, разведя руки в разные стороны.

– Уже скоро обедать пора, так что идите вымойте руки и живо за стол! – весело и счастливо говорила мать. – Как я соскучилась без вас. Хотела сама ехать, а вы тут как тут, как я рада!

На кухне пахло яствами. Когда все уселись за накрытый стол, Юлия с грустью заметила, что Николай так и не удостоил детей хоть каким-нибудь вниманием. Причём они платили ему тем же безразличием, что и он им. И это обстоятельство его, кажется, нисколько не волновало. Сейчас он налил в рюмки водки, но Юлия решительно отказалась, она вчера и так много себе позволила. Валентина произнесла тост за Юлю и Николая, хозяин поддержал. Детям налили в бокалы лимонад, они ели с большим аппетитом, Юля подумала, что их не очень-то там кормили, хотя Никитичне она оставляла кусок говядины, макароны, молоко, кондитерские изделия...

После третьей рюмки Валентина больше не пила, Юлия подала ей кофе с пирожным, а потом сестра пригласила их в гости и вскоре ушла, так как вечером предстояло заступать на смену.

Покормив детей, Юля стала мыть посуду. Николай ушёл курить на балкон. Юлия огорчилась, что он ничего не сказал и не поцеловал её. Дети в комнате рисовали в альбомах цветными карандашами, которые им подарила Светка.

Пошелестев лёжа на диване газетами, перечитав все статьи, которые его интересовали, Николай неожиданно стал куда-то собираться.

– Я пойду к Мишке на часок, ты извини, надоело валяться на диване – бока мять, пройду, я думаю, скучно тебе не будет.

– Значит, тебе со мной скучно?

– Нет, ну что ты, хозяйничай сама, может, я тебе уже надоел, стесняю?..

– А что тебя к нему так тянет или вчера не все подробности выяснил?

– Не понимаю, ты о чём? Какие подробности? – пожал муж плечами.

– О Евгении... .

– Что же ты себя ниже её ставишь? – усмехнулся он. – Может, я хочу выпить ещё, а один не могу. Кстати, он там что-то из вещей привёз, посмотрю что-нибудь для тебя, я просил его... .

– А мне нельзя ли ему заказ сделать?

– Конечно, можно, почему нельзя, если моему вкусу не доверяешь. Ты что хочешь: джинсы, батник, духи?

– Я джинсы никогда не носила, ещё бы какое-нибудь сафари.

– Хорошо, я постараюсь Мише передать твой наказ, он, думаю, разбирается; кстати, понемногу фарцует. Тебя-то он, думаю, запросто уважит... .

– А у вас в части ничего хорошего не продают?

– Почему, в военоторговский магазин бывает неплохой завоз. Тоньке там всегда брал, она в парикмахерской работала.

Николай пошёл на кухню, обнял Юлию, поцеловал. Он ушёл. За ним звонко щёлкнул английский замок.

Она жила в квартире Николая почти три месяца и всё ещё не познакомилась с соседями не только по подъезду, но и по своей площадке. В одной квартире жила семья: мужчина выпивал, ездил на рыбалку, жена работала на заводе постоянных магнитов, а их двое сыновей пришли из армии, носили длинные, подчас долго не мытые волосы, ходили в потертых джинсах, и было непонятно, чем они занимались. Другая семья была молодая с маленьким ребёнком. С кем они жили – неизвестно. У них часто играла музыка. К ним, видно, приходили гости, потому что слышалось громкое веселье. Третья семья вообще была непонятная, так как Юлия даже не знала, кто там жил. С Николаем она никогда не затевала разговора о соседях. И на других четырех площадках их подъезда люди жили почему-то замкнуто, что, впрочем, свойственно сейчас многим. Никто с ней не здоровался, и она ни с кем тоже, отчего создавалось впечатление, будто этот весь народ не хотел друг друга знать, почему-то сторонились сознательно, не желая никому навязываться. Причем, наверное, жили в доме уже давненько, но вот друг от друга обособились, замкнулись в своём квартирном мире.

После уборки Юлия занялась стиркой. Из комнаты в ванную иногда слышался шум детей. Потом пришёл Женя и попросился гулять на улицу. Юлия одела дочурку, Женя уже сам справлялся с одеждой, чем очень гордился. У него были светлые волосы. У Вари же они чуть темней, но и сын и дочь очень похожи на мать. И Юлия думала, что когда-нибудь они вырастут довольно симпатичными.

– Женюша, далеко не отходите от подъезда. И смотрите недолго гуляйте. Варюшу не оставляй одну, а то заиграешься и не увидишь, как она куда-нибудь убежит.

– А ты сама говоришь, что она за мной – как нитка за иголкой, – весело сказал Женя.

– Вот и хорошо, мои родные, – она поцеловала детей, вышла с ними на площадку и смотрела, как они пошли вниз по ступенькам, взявшись дружно за руки.

Из соседней квартиры вышел навеселе хорошо одетый высокий парень. При виде молодой женщины он озадаченно присвистнул:

– Откуда ты нарисовалась такая?

– Какая? – с вызовом спросила она, видя, что парень ведёт себя цинично.

– Цивильная! Как тебя зовут?

– Иди себе, молодой человек, я вовсе не для таких, как ты, – недовольно отрезала она.

– А для каких? Мы сейчас выясним это, – и он быстро подошёл к Юле и быстро обхватил рукой её за талию, резко прижав к себе. Её лицо сердито нахмурилось, прямо перед его лицом. Она пыталась оттолкнуть ухватистого парня, но тот второй рукой обхватил её за шею, дыша в лицо перегаром и сигаретами, и жадно впился липкими губами в её губы. Юлия ударила парня по лицу и вырвалась. Дверь квартиры была приоткрыта, и она заскочила, хлопнув дверью. Ей показалось, что дети оказались в опасности, она тяжело дышала, её душу переполняло возмущение, но она чувствовала себя бессильной, чтобы дать должный отпор дерзкому, развязному парню. Она посмотрела в дверной глазок: на площадке его не было, тогда Юля быстро пошла на балкон, и холодный воздух мгновенно хлынул в комнату. Но Юлия на это никакого внимания не обратила. Она должна была убедиться, что детям сейчас ничто не угрожает, что с ними ничего не случилось. Хулигана там не было. Во дворе кроме Вари и Жени бегали ещё дети, но постарше. На губах ещё остался перегарный запах того парня, она вспомнила, как у неё заколотилось от страха сердце и закружилась голова. С ней никто так грубо не обращался. Неужели она производит такое впечатление, что можно поступать с ней, как со шлюхой, что же она такого ему сказала, что он так накинулся на неё? Юля припомнила начало разговора. Да, он спросил: откуда она такая взялась, а ей не нужно было вообще что-либо отвечать, тогда как она ввязалась в пошлый разговор. Ей донельзя стало обидно, что парень смотрел, как на дикарку. «Я не для таких, как ты!» – собственно, именно этими словами она подтолкнула, спровоцировала его на дерзкий поступок. Ведь Юля действительно так считала: он был в куртке и вылинявших джинсах, без шапки, длинные волосы волной спускались к шее и широко, как воротник пальто, облегали плечи. У него холодно блестели глаза, кажется серые, прямой длинный нос был заострён. Он выглядел даже романтично...

Сейчас Юлия смотрела на детей и почти их не видела из-за своих мыслей о парне. Она стала замерзать и пошла в комнату, закрыла балконную дверь. В комнате было тихо, она включила телевизор.

Ей хотелось скорее забыть недавний случай на площадке, но он не выходил из головы: как бы муж не узнал, ведь могли в глазок подсмотреть соседи и передать ему, хотя она совершенно не виновата, её честь не запятнана перед ним. У Николая была небольшая библиотека и занимала целую полку в серванте. Но интересных книг в её вкусе там не было, и она часто свободное время проводила перед телевизором, смотря почти все передачи...

Однако у Юли возникло желание вымыться, так как ощущала телесную нечистоту после прикосновения того парня. Она выключила телевизор, взяла чистое бельё и пошла в ванную. Горячая вода шла бесперебойно...

Когда вымылась, ей показалось, что уже прошло много времени. Где дети, почему они не идут домой? И только так она подумала, как зазвенел дверной звонок, Юля заглянула в глазок: по ту сторону двери стоял муж и слышались голоса детей. Она быстро открыла замок. И дети внесли морозный холод улицы, от Николая пахло одеколоном, спиртным, сигаретами – набором мужских запахов, и они весело ударили в голову. Как хорошо, что он пришёл, как она счастлива, что привёл детей!

– О, ваша мамка в баньке побывала! – воскликнул муж. Он держал целлофановый пакет.

– Да! – в тон ему подтвердила она, пьянея от счастья, что он отсутствовал не так уж долго.

Дети раздевались, Женя помогал Варе скинуть пальто. При отчине они предпочитали помалкивать, так как всё ещё стеснялись его.

– Я думала, ты придёшь позже, и ужин ещё не приготовила, стирала полдня.

– Отдыхай! Я пока сыт, а потом что-нибудь перекушу. На-ка лучше пакет, может, найдёшь для себя что-нибудь.

Юлия взяла раздутый вещами целлофановый пакет, отнесла в комнату, вернулась прибрать за детьми одежду, потереть полы. Ей так хотелось расспросить у Николая, как провёл время у Михаила, была ли при этом Алла, о которой она ровным счётом ничего не знала, о чём разговаривали, что делали и чем его там угощали?



– Коля, а как жену Мишину зовут, где она работает? – всё же не выдержала и спросила она.

– Хочешь ей настучать?

– Разве я похожа на стукачку? – она вспомнила, как сосед оскорбил её, и она бы могла рассказать мужу, но этого не сделает не потому, что он мог бы всё истолковать превратно, будто сама того подтолкнула на это, а просто не любила жаловаться.

– Ладно скажу, она в школе учительница начальных классов, такая из себя аристократичная, что не подступиться, – подумав, сказал он как можно бесстрастнее, но в его тоне всё равно улавливалось, что Николай не очень уважал жену Михаила.

Юлия вспомнила, как бывшая жена Ефима назвала её, Юлю, учительницей и как-то ещё. Значит, она действительно чем-то похожа на педагога, у неё интеллигентная внешность? И ей очень захотелось посмотреть на жену Михаила.

– Скажи, Коля, как ты определяешь мою внешность? Я тебе нравлюсь?

– О да, как богиня! – воскликнул он, но ей послышалась в его голосе насмешка.

– А если честно? Ведь ты же шутишь?

– Нисколько! Любовь моя, я в отчаянии только оттого, что в тебя втрескаться ничего не стоит любому, – проговорил уже тише Николай, цокнув как-то сокрушённо языком.

– Тебе это не нравится? – Юле было приятно узнавать тайные мысли мужа, которые он невольно проговаривал вопреки своему желанию.

– Знаешь, моя радость, довольно, а то ты сейчас меня наголо разденешь.

– А можно познакомиться с женой Миши, как её зовут?

– Да как же я могу позволить, она же не моя сестра; он даже мне не разрешает с ней общаться лишней минуты, то есть не то чтобы совсем. И она это знает и поддерживает его. Между прочим, наверное, каждый муж не доверяет жене даже другу. Хотя напрасно! Тогда зачем дружить? Лично мне можно, а вот с ним, несмотря на то что он друг, оставлять тебя вдвоём весьма вредно для нас. Ведь платонические отношения или всего лишь дружеские могут плавно перейти в физические.

– Неужели ты думаешь, что я хочу через его жену сблизиться с Мишей? – удивилась неподдельно она, осуждающе покачав головой.

– Не знаю, я сам себе не доверяю, когда вижу хорошую женщину. Миша привёз кучу женских шмоток! Будет ими спекулировать, видным в городе барахольщиком заделался. И с моего позволения хотел тебя подключить к продаже. Но я ему пальчиком погрозил и кукиш свернул под нос. Шельмец! Вас, баб, можно легко вскружить шмотками. Что, скажешь, не так? Про бабские интересы, учти, я всё знаю! – самоуверенно заключил он.

– Ох, ты такой тонкий знаток женщин? А почему он имел в виду меня, что, сам так и говорил, что хочет? – засмеялась жена.

– Да, ему нужно штат спекулянтов расширять. Что, голова пошла кругом? Я человек военный, его мешчанские замашки не в моём вкусе, впрочем, не до такой степени. Он коробейник, пусть его жена в школу носит импортное тряпье или выносит на барахолку!

Юлия готовила ужин, дети играли; Николай с угрюмым видом смотрел телевизор и обдумывал разговор с женой. Почему она захотела познакомиться с женой Михаила? Причём она так обрадовалась, когда узнала, что Алла работает учительницей. Он задумчиво смотрел на детей жены, они, конечно, довольно славные, но было бы замечательно, если бы это были их общие. Но всё равно он должен относиться к ним хорошо, как к своим. Однако свою дочь он видел, наверное, полгода назад. Кате шёл уже тринадцатый год, с ней у него доверительных отцовских отношений не сложилось; всё время был на службе, её учёбой в школе почти не интересовался. Антонина после года отдала её в ясли, а сама пошла работать. До школы Катя ходила в детсад, часто виделись только перед сном, когда он приходил с дежурства. Выходные тоже довольно редко проводили вместе, даже в кино не ходили. Катя весьма рано стала привыкать к самостоятельной жизни. Её мать родила второго ребёнка, когда их отношения стали катастрофически портиться. Он с ходу почувствовал, что сын к нему никакого отношения не имеет.

Антонина тоже как-то заметно отдалилась от Николая. У неё появились какие-то свои интересы вне дома. А сначала, когда бывали в гостях у его родителей в станице Багаевской, она норовила вполне серьёзно вставлять, что Николай будет генералом. Отец Архип Николаевич тракторист, держал две теплицы, выращивал с матерью Луизой Макеевной капусту, огурцы, помидоры, редиску, лук и всякую другую раннюю огородную зелень. Кроме Николая у них была дочь Ася, которая работала в совхозе агрономом и жила с мужем отдельно, выстроив большой кирпичный дом прямо над широким Доном.

Николай приезжал к родителям в отпуск недели на две и почти все дни с друзьями детства пропадал на рыбалке. Хотя его помощь была позарез нужна родителям, так как отец и мать отдавали земле всё свободные часы и отдыхали совсем мало. Но к земле Николай не испытывал никакого интереса, эта работа его тяготила, ещё когда от школы практиковались на совхозных угодьях. Правда, чтобы совсем не брался полоть капусту или картошку, такого не было,

но больше часа тяпку в руках не держал. Его неодолимо притягивала к себе река, любил прокатиться на моторке, ловить чебаков, чехонь, щуку, окуней.

Потому с отцом и матерью у него сложились отстранённо-отчуждённые отношения. И они между собой, а иной раз и в глаза называли его непутёвым, несмотря на то что служил в армии и гордо называл себя защитником, а сыну большего было и не нужно. Конечно, насильно они не принуждали сына к сельскому труду: не хочет, и не надо, пусть себе рыбалит. Луиза Макеевна по-своему оправдывала Николая: служба, мол, нелёгкое дело, хочется на речной воле побыть без отбоев и подъёмов личного состава и за проступки солдат не держать без конца ответ перед начальством.

Антонина, бывало, при таких нравоучительных разговорах вворачивала своё словцо:

– Вот, чтобы на тебя никто не наседал, надо самому быть высоким чином, а ты, Николаша, под моим руководством вполне это сможешь осилить.

– А над генералами, по-твоему, больше нет чинов? – вопрошал отец.

– Ну, чего там, служба есть служба, мы вот сами на земле хозяева и с себя не спрашиваем, всё ладненько делаем, – вставила Луиза Макеевна.

– А моя танковая рота всегда на высоком счету! – подхватил Николай.

– Рота? И ты доволен своей ротой? – повышала тон Антонина. – Нет, Николай, тебе нужна армия вся. Вот такой размах, что потом сам будешь чувствовать себя, как богатырь, командующий целой машиной...

– Чтобы генералом стать – академия нужна! – рассуждал нехотя Архип Николаевич. – А у него только средняя школа да курсы прапорщика.

– Разве при желании трудно её закончить? – удивилась Антонина. – Хотя бы вы его поучили, просто он лентяй большой да живот только наращивает...

– Довольно! Командирша нашлась! – вспыхнул Николай, он окончательно понял, что жена помешалась на своей идее фикс.

Со временем его отчаянное сопротивление полностью охладило её сердце, после работы он уже значительно чаще выпивал и по выходным уезжал с Михаилом на рыбалку, а ей, как позже это выяснилось, того было и надо...

В своих отношениях с Антониной Николай не любил копаться...

Глава одиннадцатая

Антонина, как истая проходимка, быстро разменяла двухкомнатную квартиру. И в суд на заключительное заседание не явилась, с разводом тянула преднамеренно, хотя себе всё объясняла довольно просто: если бы она точно знала, что полковник бросит свою постаревшую супругу, она бы незамедлительно дала мужу развод. И когда всё же их развели, она полгода устраивала свою жизнь, но без участия полковника Журыкина, поскольку Вадим Константинович хорошо понимал, что было бы намного лучше, если бы Антонина жила от него подальше, поскольку так недолго прослыть безнравственным и морально неустойчивым. К тому же у него была уже взрослая дочь-студентка, от которой уже ничего не ускользало, поскольку она как-то подозрительно присматривалась к нему, и ему становилось неловко. Он, конечно, не хотел общественной огласки, что Антонина от него родила сына, и настоятельно просил её до поры до времени скрывать их связь. Но всё равно каким-то образом до его жены слух дошёл. И ему пришлось объясняться, что, дескать, это злопыхательский навет недругов, что полоумная баба с их помощью хотела его просто-напросто оклеветать, поскольку кто-то метил на его место командира корпуса (она и своего мужа уличала во всех смертных грехах)...

Однако Антонина всё испортила, когда поехала в военный округ и там рассказала, что полковника Журыкина она любит и поэтому имеет полное право родить ребёнка от любимого человека, что его часть самая лучшая и пора бы ему быть генералом... И, конечно, зная, что так не должна была поступать, она всё равно пошла на это, так как заподозрила, что Вадим Константинович пытался от неё легко отделаться, и тогда решила самолично, не признавая субординации, повлиять на ход событий: а вдруг ей повезёт произвести его в генералы правдами и неправдами...

Если бы Антонина знала, что армия не смотрит на красивые глаза женщины и всё, что бы она ни говорила об отличиях офицера, существуют непреложные правила, по которым устанавливается: быть полковнику генералом или высокий карьерный потолок для него уже пройден, а после него уходят в отставку. Но ему этого уже не видать из-за подпорченной репутации морально неустойчивого, во-первых, дурно повлиял на свою дочь Наташу, во-вторых, оскорбил блудодейством свою почтенную супругу, которая работала директором военторговского магазина.

Все эти стороны личной жизни Вадима Тоню (для неё он стал Вадимом) совершенно не волновали, так как она была занята устройством личной жизни. Причём настолько, что однажды, в нарушение всяких правил о субординации, ещё раз съездила к командующему округа. Как ни трудно было ей это сделать, добилась его аудиенции и как-то витиевато пыталась дать понять генерал-полковнику Свечкину, что она просит повышения в звании полковника Журыкина вовсе не без корыстно и за это была готова отблагодарить командующего...

Свечкин, конечно, выслушал молодую, чрезвычайно энергичную, не теряющую своего шанса женщину, прошёлся как-то озадаченно вокруг Тони и, глядя на её модную кофточку, новые джинсы из вельвета, несколько свысока проговорил:

– Как бы он ни был хорош, твой полковник, но когда его танковая дивизия стоит, причём должен повторить, стоит без действия, никакого движения вверх по службе не может состояться. Вот как только выполнит свой воинский интернациональный долг, как командир, тогда и получит большую звезду! Любезная, чудненькая дамочка, а вилить, извините, передо мной своими бёдрами не нужно, – и внимательно осмотрел её ещё раз и про себя усмехнулся, давая понять, что больше её не задерживает...

И она ни с чем уехала из Ростова со злейшим чувством на непробиваемое солдафонство генерала. Правда, она совершенно не понимала, что солдафонство ту было совсем ни при чём. Выходя от генерал-полковника Свечкина, Тоня лишь зло подумала: «И правильно, что многие

жёны офицеров от них гуляют. С такими твердолобыми дубинами разве чего-то добьёшься!» Она понимала, что из-за переполнявшей её злобы она всё преувеличивала: не такие уж жёны все гулёны, лучше бы по себе не мерила всех. Но сейчас ей очень хотелось, чтобы она ненадолго ошиблась относительно неверности офицерских жён, то есть она не единственная жена военного, которая нарушала супружескую верность.

Вадим Константинович попросил Антонину уволиться из парикмахерской воинской части, так как подумывал совсем с ней расстаться. Но ребёнок был так похож на него, что он не находил в себе сил это сделать. К тому же Антонина влекла его к себе как женщина, тогда как к жене чувства давно охладели.

Полковник Журыкин на свадьбе Николая Боблакова, как известно, не был. Хотя старший прапорщик Боблаков, как это ни удивительно, приглашал его – правда, исключительно из этических соображений. Но и Вадим Константинович, чувствовавший свою частичную вину в распаде семьи своего подчинённого, не пришёл на вечер в ресторан не из демонстрации вежливости: просто он не мог сделать выбор между женой Алевтиной Георгиевной и любовницей Антониной. Конечно, с последней он уж никак не мог прийти и решил там вообще не быть, попросив одного офицера поздравить Боблакова и его молодую жену от его имени...

Когда до него дошёл слух, что у старшего прапорщика жена-красавица во много раз превосходит его прежнюю жену, Журыкин немало удивился. Хотя и нельзя было в это не поверить, ведь иные девушки норовили выходить замуж за военных не столько по любви, сколько по расчёту: хорошая зарплата, квартира. Тоня была как раз такой, но Боблаков её разочаровал. Потом полковник дотошно расспросил офицеров: как прошла свадьба старшего прапорщика? Когда услышал подробности, он пожалел, что не пошёл. Если бы тогда подумал, что его дочь туда-сюда выйдет замуж и он останется со стареющей женой, он бы, наверное, скорее решился на развод. С Антониной Вадим Константинович ощущал себя молодым, что весьма тешило его самолюбие. К тому же у них с Антониной был сын Петя, названный в угоду ему в честь его деда. Но что от этого, коли ребёнок был записан на Николая и бедолага платил алименты на двоих детей. Несправедливо как-то получалось, при всём том об алиментах Антонина рассказала любовнику как-то легко, хотя отлично знала, что бессовестно обманывала бывшего супруга, а всё потому, что он велел так сделать, поскольку пока не решался порвать брак с женой. Да и сама Антонина, как известно, тянула с разводом – опять-таки из-за нерешительности любовника боялась оказаться у разбитого корыта. Правда, почему-то в суде Боблаков даже не пытался доказывать, что ребёнок не его. Значит, признал своим, в корпусе так все и сочли...

Тем не менее и после развода Антонины Журыкин не спешил узаконивать с ней отношения, так как боялся из-за огласки начинать судебную процедуру, что могло повлиять на прозондированную любовницей ситуацию возможного повышения в чине. Однако этот аргумент ту несколько не убеждал, и она согласилась ещё какое-то время потерпеть своё неопределённое положение. Вадим Константинович по привычке продолжал вести двойную жизнь и дальше, о чём уже догадывалась его жена Алевтина Георгиевна. Но она, в свой черёд, почему-то решила: пока не нужно раздувать семейный пожар. Хотя прекратившееся с его стороны выполнение супружеских обязанностей её невольно настораживало. Правда, первое время охлаждение мужа она относила на его усталость, а потом думала, что с возрастом, наверное, мужчины теряют прежний интерес к жёнам. И постепенно привыкала к новому повороту в их многолетней совместной жизни. Однако рано или поздно любая женщина начинает понимать, что в их с мужем отношениях замешана посторонняя женщина. И этот слух о внебрачном ребёнке, и продолжающиеся отношения с любовницей, предстали в другом качестве.

Однажды на носовом платке мужа Алевтина Георгиевна заметила пятна помады, и вдобавок от Вадима исходил определённый запах женских духов. Их аромат, который всё ещё не выветривался, говорил о высоком честолюбии её соперницы и подтверждал, кстати, слух о стремлении заполнить генеральские погоны.

Казалось, после неопровержимой улики должен был последовать её вопрос к мужу, найдёт ли он объяснение своему странному поведению, но всё равно она почему-то упорно молчала. И только когда дочь Наташа заметила, что от отца пахнет не по-мужски, Алевтина Георгиевна гордо вскинула голову:

– А чего ты к нему принохиваешься? – бросила она почти язвительно.

– Я? – удивилась Наташа. – С чего ты это взяла? Да на его мундир словно флакон вылили.

– Может, это я нечаянно разлила?

– Тебе так хочется, чтобы на нём были твои духи, ароматы которых я хорошо различаю. Меня хоть сейчас посылай на фабрику «Московская заря», и я буду успешно отгадывать духи по запаху.

– Тебе больше нечего обсуждать, как только духи! – вспылила мать.

Наташа ушла, и на эту тему между ними больше разговора не возникало. Алевтина Георгиевна по-прежнему поразительно ровно вела себя с мужем. Вадима Константиновича, похоже, это вполне устраивало, и он высоко оценил дипломатию жены, которая позволяла ему порой приходить домой далеко за полночь, причём слегка подшофе. Но жена притворялась глубоко спящей, а он только прислонял голову к подушке – так сразу и засыпал...

На следующий день она не добивалась от него отчёта о позднем вчерашнем приходе домой, и он оставался ей премного благодарен и устаивал её лёгкого дежурного поцелуя в щёку, но реже в шею, так как ему было неловко смотреть на увядающую кожу жены, и он быстро удалялся прочь...

Антонина всякий раз после его ухода чувствовала себя какой-то ущербной: «Когда же это кончится? – думала она грустно. – Почему я должна терпеть такое невыносимое положение? Родила ему сына, а он всё медлит и медлит! Или его смущает, что Петенька записан на Николая? Но мне недолго перерегистрировать его, если бы он безоговорочно согласился усыновить сына...».

Антонина вспомнила, как Вадим походя бросил:

– А у Николая, говорят, жена настоящая красавица!

– Что ты этим хочешь сказать, дескать, овчинка тоже стоит выделки? – огрызнулась она. – Может, ты, Вадимушка родной, стал ему завидовать? Неужели он мог найти лучше меня? Наверное, кому-то хочется причинить мне ужасную боль, чтобы я страшно страдала. Может, это он сам тебе ляпнул?

– Нет, мои подчиненные доложили...

И вот сейчас Антонина загорелась желанием увидеть Николая. Почему-то ему упорно не хочется взглянуть на своих детей. Она всегда ему твердила, что Петюня его кровинка, а то, что не похож, так он пошёл в неё, пусть не полностью, но её значительная частичка в нём присутствует...

* * *

Юлия только что покормила детей и отправила их спать. Николай пришёл на кухню и сел ужинать. Вошла жена и спросила:

– Почему ты молчишь?

– Просто вот сейчас сядем с тобой и поговорим, если ты так хочешь! Но, правда, о чём: о жене Михаила или о твоей подруге Женьке? – сказал он как-то нелюбезно и для неё достаточно оскорбительно.

Николай достал из холодильника бутылку коньяка. Он любил перед сном выпить рюмочку, чтобы как можно быстрее заснуть.

– Ах, тебя не отпускает Евгения? – с ехидством бросила Юлия. – Если Мишина Алка к нам не придёт, я к ней сама, конечно, не пойду. Ты этим доволен, Коля?

– Я хотел бы, чтобы ты с Женей не якшалась, эта подруга быстро собьёт с пути истинного, запомни! – нажал он на последнеё слово.

– Ах, вот ты чего боишься! Напрасно так думаешь. Я вполне самостоятельная, чтобы кому-то подражать. Если бы ты мне ни капли не нравился, я бы за тебя не вышла замуж. И не думай, что с двумя детьми позарилась на твою квартиру. Мне было очень хорошо и у Никитичны. Я до сих пор скучаю по ней.

– Хорошо, я рад за тебя! Выпьешь со мной? – предложил он.

– Нет, конечно, и тебе бы не советовала, ты так привыкнешь...

– Я бы так не сказал, просто для хорошего тонуса перед сном.

В это время в дверь позвонили.

– Не твоя ли подруга? – спросил Николай. – Пойди открой.

Юлия взглянула в глазок. За дверью стояла женщина с детьми. Она, не раздумывая, открыла.

– Здравствуйте! – бойко сказала женщина в дорогом пальто с песцовым воротником и такой же шапке-боярке. Юля даже не успела разглядеть детей.

– Здравствуйте, вам кого? – спросила хозяйка.

– Кто там? – раздался из кухни мужской голос.

– Я не ошиблась, Боблаков крикнул! – усмехалась женщина, придирчиво рассматривая молодую хозяйку.

– Мама, ну вот чего тебе от него надо? Живёт? Пусть живёт! – нервно отозвалась девушка. Юлия увидела у неё большой прямой нос, большие глаза, большие губы.

– Да, вам он нужен? Проходите, – вежливо пригласила Юлия, слегка отступая назад и освобождая проход.

– Если ты его жена, то я его первая – Тоня, Антонина! – высокомерно, недружелюбно произнесла та, переступая порог. Николая она не видела с самого дня развода. Впрочем, в эту квартиру ещё не ступала её нога. Антонина тотчас оценила красоту новой жены бывшего мужа и прониклась к ней глубокой неприязнью и завистью.

Николай не успел выйти, он держал в руке рюмку, озадаченный весьма знакомым женским голосом, и его лицо почему-то покраснело. Впрочем, он почувствовал сильное возмущение, что Антонина нарушила его покой. Она стояла в прихожей, держа на руках ребёнка – девушку, ещё подросток, почему-то пряталась за неё.

– Хо, нарисовалась! Заходи, коли пригласила моя жена.

Юлия не знала, что теперь ей делать, она растерянно смотрела на Антонину, которая решительно пошла к своему бывшему мужу. Девушка стояла в прихожей в тёплой куртке с капюшоном. Она как бы говорила: «Ну я не виновата, что мать припёрлась, я же не хотела, отговаривала».

– Здравствуй, Коля, вот решила в гости к тебе зайти. Были на дне рождения у моей подруги, которую ты без меня как-то обнимал. Помнишь её? – она перевела значительный взгляд на Юлю: дескать, впитывай полезную информацию. – Катя, иди сюда, – позвала она дочь. – Ты не забыл своих детей?

– Что ты хочешь ещё? – сурово спросил Николай и быстро выпил коньяк, опять с внутренним возмущением воззрившись на бывшую жену.

– Ничего, просто узнала, что ты женился. Кате на сапоги нужны деньги, дашь?..

– Я плачу ей, и вот на него, хотя ты отлично знаешь – не должен!

– Как зовут твою красотку? Она такая неприветливая, даже не представилась мне. Невежливо поступила...

– Я бы послал тебя к такой-то матери, но при детях не сделаю этого! Слушай, Тоня, не дави мозоль. Вали-ка! Да, прямым ходом, знаешь куда? Вот и ступай к нему, он поможет, а я куплю сапоги, если на то пошло...

– Вот ты какой хороший отец! Только обещаниями кормишь! Ох, не завидую я твоей жене, ох, не завидую! А животик, похоже, у неё растёт, – оглядев Юлию, закончила она.

– Это не твоего ума дело! Катя, иди сюда! – резко позвал он дочь.

– Не хочу... – буркнула тихо девочка.

Николай молча встал, пошагал в прихожую. Антонина шла за ним следом.

– Ты скучаешь по мне? – спросил он.

– Нет! – почти выкрикнула дочь. Для своего тринадцатилетнего возраста она выглядела довольно рослой.

– Вот и хорошо, уже выросла, правильно, зачем скучать! Тебе деньги нужны? Он посмотрел на её вполне ещё приличные сапоги, хорошо сидевшие на полных ножках.

– Я у тебя ничего не прошу! – внятно отрезала девчужка, не глядя на него. Катя, держа прямо голову, пошла к входной двери. Николай не стал её задерживать.

– Вот таким он был у нас папой! – язвительно протянула Антонина, адресуя эти слова Юлии.

– Это ты была гулящей стервой! – крикнул резко Николай. – Не постеснялась прийти с нагулянным, прости Господи! Уходи прочь, не то вылетишь...

– Уйду-уйду, не пегушись, забавляйся со своей красоткой! – через губу сказала она. – Осторожней, ребёнка разбудишь...

Антонина ушла посрамлённая. Николай со звоном захлопнул входную дверь и быстро, решительно, не глядя на жену, промаршировал, махая руками, на кухню. Он достал из холодильника початую бутылку коньяка, налил рюмку, выпил; ещё одну налил, выпил, поставил рюмку на стол и закурил сигарету. Николай не заметил, как вошла Юлия и молча присела на табуретку и сложила как-то обречённо руки на коленях.

– Только ничего мне не говори ни о ней, ни о дочери! – предупредил он резким тоном, не терпящим возражений, и продолжал: – Вот убедилась, какая она сволочная баба? Узнала, что женился, и примчалась! Журыкин прокатил её по всей программе, а теперь мне хочет испортить жизнь с тобой. Она, говорят, ездила в округ и пыталась повлиять на командование. Но об этом не буду распространяться...

– Коля, это простое женское любопытство. Правда, я бы никогда так не сделала, – заметила Юлия.

– Это ты, а это она – ещё та стерва!

– А детей тебе не жалко? – через минуту спросила жена.

– Но что теперь нам делать? Жизнь идёт своим чередом. Не разорваться же мне на части? Журыкин знает, что сын его, а я должен ей платить? Я тебе об этом не хотел говорить. Сына записала на меня...

– А что же ты так... Или не знал ещё?

– Да вот по-глупому вышло, сначала не придавал этому значения. Мы же спали... Не сразу узнал о её романе с командиром, а когда всё всплыло наружу, она ловко обтяпала дело и меня как лопуха обвела вокруг пальца, – он схватился руками за голову, поставил на стол локти. – Какая же несусветная дура, на генерала замахнулась. Проходимка!

Глава двенадцатая

И потекли обычные, полные забот семейные будни. Юлия отводила детей в детсад. Ноябрь проскочил довольно быстро. Снег довольно плотно улежался, стояла морозная погода. Однажды в кафе к Юле пришла Валентина.

– Привет, сестра! Чего не заходишь?

– Привет, Валя. Видишь, стою одна на раздаче. Женька заболела... я в две смены пашу.

– Я к тебе вот с чем... Славка приезжал, спрашивал твой адрес...

– Ну вот, ещё не легче! – упавшим голосом сказала Юля. – Что он хочет от меня? – с горечью и досадой спросила она.

– Я ему не сказала, так к Никитичне побежал, я – за ним. Старушка, слава Богу, ничего не знает... Что же вы так и не пришли к нам, я закуски наготовила.

– Коля сильно занят. Приходит злой. Ночью почти вся часть уходила за город, учения проводили. Как я боюсь, чтобы не послали его в Афганистан.

– А ты не бойся, и не пошлют!

– Ну, у меня будут спрашивать, сейчас же, разогнались! Уже пора идти в консультацию, а я не иду, – без перехода прибавила она.

– Ой, с этим не тяни. Смотри ты кастрюли тяжёлые не таскай. Светка была беременна, с Игорем поругалась опять. Он избил её. Семён ходил поговорить с зятем. Игорь убежал, а Светка назло ему сделала аборт...

– Вот так не драчун! А говорила, что он будет ходить перед ней на цыпочках!

– Мало ли что можно говорить. Он очень ревнивый. А у самого на работе пассия завелась. Мастер у штукатуров после института. Светка ходила к ней выяснять отношения.

– Ну и дура! Я бы ни за что не пошла. Цены себе не знает. А ко мне тоже приходила бывшая Колина жена, – Юля засмеялась, полная тщеславия.

– Зачем?

– Поругался он с ней. Она деньги требовала дочери на сапоги, а дочь отца ненавидит. Пришла с нагулянным сыном, которого держала на руках. Дочь Катя ждала, что отец отстегнёт денег. А поскольку этого не сделал, она хлопнула дверью. Ведь алименты платит немалые. Причём на чужого ребёнка.

– Вот как бабы умеют хомутать мужиков! – воскликнула Валентина. – Ну придёте вы к нам?

– Не знаю... если бы Семёна не было...

– Ты как в детстве: если бы не было Семёна, – добродушно передразнила сестра. – Да забудь ты про старое, он уже притих, понимает, в какое время живёт... Заработками левыми занят, маслом сливочным торгует блоками. Он там не один такой... Всё сейчас так живут. Я думаю, ты уже по-другому смотришь на жизнь?

– Надоело всё, зарплата маленькая, а запросы большие... Да, Славка изменился сильно? – спросила она.

– Говорил, что уже давно не пьёт, посвежел, правда...

– Значит, стал бы уговаривать опять, но что касалось этого, я уже действительно переменялась. Ты же ему объяснила, что я замужем и жду ребёнка?

– Всё именно так и сказала. Он заплакал, детей хочет увидеть...

– Ах, какой подлец! Раньше не мог жить, как все нормальные люди. Вот, наверное, от тебя с горя пошёл и напился, – Юлия засмеялась.

– Ну, ты так не шути!

– А что, разве он ни с кем не живёт?

– Вот этого я не узнавала!

Юлия обещала, что сможет Светке достать джинсы и всё, что та захочет. Она нарочно прихвастнула, пусть Семён знает, что живёт она по-современному, то есть имеет большие деловые связи. Валентина ушла от неё сразу на работу.

Юлия действительно улавливала биение пульса современной жизни, но некоторые явления её коробили. В их доме один молодой мужчина, у которого в биографии была отсидка за кражу, развёлся с женой. Собирал в своей квартире падших мужчин и женщин. Словом, из некогда нормального жилья устроил настоящий притон. Туда ходил и тот парень, который однажды вероломно напал на неё. И у себя тоже устраивал сборища. Но о том случае она так и не рассказала мужу, побоялась; она также не поведала ему, как к ней на работу приходил Михаил. Собственно, ему была нужна Евгения, но та работала в дообеденную смену и давно сменилась. Он взял в буфете пива и сидел за столиком целый час и почти всё время смотрел на неё. Юлия не могла ему не улыбаться просто из вежливости, из-за того, что было хорошее настроение.

Михаил напоследок подошёл к ней.

– Я бы хотел поговорить об одном деле, ты не против, Юля?

– Сейчас? Я занята.

– Когда, в какое время будешь свободна?

– Часов в шесть мне надо пойти в детсад за детьми, по дороге и поговорим.

Михаил ушёл, помахав рукой; что-то было в нём крепкое, основательное. Юлия ловила себя на мысли, что он ей нравится даже больше, чем Николай. Она незаметно для себя вздохнула, продолжая отпускать блюда бесконечной веренице клиентов. Лицо покраснелось, на лбу выступил горячий пот; она почувствовала, как в животе шевельнулся ребёнок, словно выражал своё недовольство её тайными помыслами. И от одной этой догадки Юле сделалось как-то не по себе, отчего даже хотелось заплакать. И всё равно она ловила себя на мысли, что уже не может замыкаться только на одном муже, ей нужны друзья исключительно для общения, она была в этом непоколебимо уверена.

Михаил ждал её в шесть часов у входа в кафе. Юлия вышла в демисезонном пальто, на улице было морозно, под светом фонарей ртутно мерцал белый снег. Шли торопливо прохожие, ехали автомобили. Детсад находился в полуквартале от кафе, на боковой улице от Московского проспекта. Михаил без её разрешения взял Юлю под руку.

– У меня к тебе такое предложение, о котором ты не говори Николаю. Есть хорошие импортные шмотки, не могла бы ты в кафе предложить своим сотрудницам?

– Конечно, я с радостью тебе помогу! Моя племянница хочет джинсы американской фирмы «Вранглер» или «Монтана», батник фиолетовый, какое-нибудь нижнее бельё!

– Завтра я завезу, от продажи всякой вещи плачу пять процентов. Идёт? Если дело пойдёт успешно, накину ещё несколько процентов...

– Ой, Миша, я бы и за так готова продавать, – воскликнула простодушно Юля.

– На халяву – я не допускаю себе наживаться, такой закон нашего бизнеса. Ты считаешь, что пять много, давай за три, если на то пошло. Но я верен своему первоначальному слову.

Юлия на это только засмеялась, блеснув на него белками прелестных глаз, в которых он не увидел укора – одна невинная чистота. Не дойдя до детсада, Михаил прощальным жестом слегка коснулся её плеча, сбавил шаг, остановился; Юля, не оборачиваясь, с наклонённой головой оттого, что он так скоро оставил её, пошла дальше. Если бы Михаил посмотрел в её сторону, он бы тотчас понял, что она жалеет о его быстром уходе. Наверное, если бы не была занята работой, тогда бы ни за что не ушёл. В следующую секунду она осудила себя за вольный образ мыслей, ведь она замужем и ещё мечтает о ком-то. Нет, это совсем не так, думала Юлия, входя во двор детсада.

До конца смены дети обычно два часа находились в кафешной подсобке и что-нибудь рисовали, терпеливо ожидая, когда мать закончит работу.

Домой она ехала на автобусе, в квартире мужа уже чувствовала себя как полная хозяйка, переодевала детей и отпускала их на улицу. Николай в это время был ещё на службе, а жена какое-то время отдыхала перед телевизором, потом стирала, готовила ужин к приходу мужа. Вспоминала Михаила, в сегодняшней встрече она находила нечто романтическое, чего ей так не хватало в повседневных заботах о семье, чтобы не так было скучно жить. Михаил был в дорогой светло-коричневой дублёнке, в ондатровой шапке и джинсах. И впрямь как супермен, модник. А вот Николай старомоден. Она видит мужа чаще всего в военной форме, которая подчёркивает его нестройную, несколько грузную фигуру. В гражданском костюме Николай выглядел даже элегантно. А когда надевал джинсы, то над поясом уже нависал складками живот. Несмотря на эти недостатки, он весьма сильный мужчина, брал её на руки, как пушинку.

Юлия сама почти никогда не расспрашивала мужа о его делах, потому что подробности офицерского сообщества её почти не интересовали. Николай будто был доволен этим и старался не касаться службы. Правда, её интересовали исключительно жёны офицеров. Почти все они были медсестрами, врачами, учителями, продавцами, служащими каких-то военных и гражданских контор. Однажды она спросила, не чувствует ли он себя неловко оттого, что первая его жена была парикмахершей, а нынешняя – поварихой? Но Николай уклонился от ответа, видно, эта тема его несколько не волновала...

Когда пришёл муж, Юлия предумышленно умолчала о посещении кафе Михаилом. Разумеется, о его предложении заняться фарцовкой, то есть продажей шмоток, Юля также не обмолвилась, опасаясь с его стороны немотивированной ревности, ведь он сам запретил Михаилу втягивать жену в свои торгашеские дела. Только сейчас Юля подумала, почему Михаил обошёл Евгению, не предложил ей продавать вещи? «А почему ты думаешь, что она уже не продаёт?» – услышала она свой внутренний голос. Но об этом она не собиралась спрашивать у подруги, и будет хорошо, если держать деловую связь с Михаилом в секрете...

Глава четырнадцатая

Через два дня Николай уехал в командировку с двумя сержантами-срочниками. Юлия хотела проводить мужа на поезд, но он почему-то отказался от её предложения.

– Если было бы можно, я бы поехала с тобой, – сказала она вполне искренне, отправляя его на работу, приготовив ему на дорогу провиант.

Николай молча поцеловал её, пожал руку Жене, подержал на руках Варю. Дети всё ещё стеснялись его. Но Юлия была довольна, что муж так тепло попрощался с ними, будто уезжал на год.

В кафе у Юлии повара спрашивали, нельзя ли достать импортные вещи. Она, конечно, не могла им твёрдо обещать, потому что это зависело не от неё. И только отвечала, что надо спросить, тогда будет ясно, можно ли надеяться. Но Михаил пока не объявлялся, Евгения была весьма сумрачна, поскольку до неё основательно дошло, что Юлия продавала вещи, и от этого её мучила жгучая ревность. Почему Миша так поступил, почему не предложил ей это дело навсегда, а только временно? Ведь между ними установились настоящие любовные отношения. Правда, неделю она проболела ангиной, и всё это время Миша ей не звонил, она полагала, что он уехал. И теперь, когда стало определённо ясно, что он «подцепил» Юльку, Евгению обуяла злость. Она впервые возненавидела подругу и отныне не хотела видеть её: «Вот какая праведница, вот какая тихоня, – про себя возмущалась та, – никогда бы не подумала, что она способна у подруги отбить любовника. Я ей этого не прошу! Вот почему она отговаривала меня от него, мужа моего пожалела, а своему рога наставила. Ах, какая сволочь, а сама изменила Николаю. Вот я ему всё скажу, что у него за жена! А может, не стоит связываться, ведь, чего доброго, всё расскажет моему боцману?»

Евгения действительно растерялась, но бездействовать уже не могла. Она позвонила Михаилу. Но на работе в обед его не оказалось, то есть утром он был, но уехал в командировку – так ответила диспетчер, а приедет только через день.

Юлия, разумеется, заметила охлаждение к ней подруги и понимала хорошо, с чем оно было связано. Она как-то не подумала, что только из-за Михаила у них портятся отношения. А ведь должна была предвидеть, хотя этому почему-то не придавала большого значения. Впрочем, она думала, что её интересовал не сам Михаил, а исключительно то дело, каким он занимался весьма успешно и надёжно. Разве в магазинах достанешь хорошие импортные вещи? Причём она считала, что Михаил подключил к продаже и Евгению. Быть может, так оно и было, но та делала вид, что от этого весьма далека.

– Ты почему со мной не разговариваешь? – как-то озабоченно спросила Юлия.

– Это моё личное дело! Настроения нет... – уклончиво буркнула Евгения, недовольно нахмутив брови. Она хотела, чтобы Юлия призналась в своём проступке, но та даже не собиралась этого делать, не испытывая перед ней вины. Просто она считала, что Михаил вовсе не её муж, поэтому на него у неё нет никакого морального права, чтобы превращать его в своего безраздельного любовника...

Евгения знала, в какой школе работала жена Михаила. Как и всякая женщина, почувствовав вкус к чужому мужчине, распознав, с кем её связала судьба, она хотела знать о его жене всё и воспринимала ту как потенциальную соперницу, которой всерьёз заинтересовалась...

После своей смены она поехала в школу, в которой работала учительницей начальных классов жена Михаила Алла. В это время, когда Евгения шла по вестибюлю школы, находившейся в новом микрорайоне, та вела урок на втором этаже. Евгения вошла в учительскую и спросила, где найти Аллу Владимировну. Ей подсказали кабинет, но предупредили, что с учителем во время урока нельзя разговаривать и отрывать его от учебного процесса. Но для Евгении это не имело ровно никакого значения. «Для кого нельзя, а для меня можно всё!», –

подумала она, решительно шагая по длинному коридору. Однако номер кабинета почему-то у неё вылетел из памяти. Если бы волновалась, то это ещё куда ни шло, но Евгения была донельзя озлоблена, точнее сказать, она испытывала вот уже который день непреодолимое желание отомстить Юлии. Поэтому из-за неё, пребывая в нервном напряжении, забыла номер этого проклятого кабинета. Она уже несколько не сомневалась в справедливости того, что задумала сделать. И долго не отдавала себе отчёта в том, что ею двигала совершить подлость против подруги непреоборимая ревность и к ней, и к жене Михаила. И только сейчас она подумала, что ревнивым чувствам поддаются только слабые, безвольные люди, тогда как себя она считала вполне сильной женщиной? Но как можно было заглушить в себе ревность, если, опять-таки под её действием, ей самой давно хотелось посмотреть на жену Михаила. А вдобавок, если бы она знала, что это желание испытывала и Юлия, она бы полностью уверилась в своем справедливом решении как следует проучить подругу...

Глава пятнадцатая

Алла Данилкина со своим будущим мужем Михаилом познакомилась в ресторане, когда она с группой студенток отмечала окончание института после учёбы на заочном факультете. В своё время она окончила педагогическое училище, работала учителем начальных классов и заочно училась в пединституте; с того времени у неё был парень, который учился на биологическом факультете. Они собирались пожениться. Он отличался начитанностью, собирался в аспирантуру и мечтал о научной карьере. И вот в её судьбе неожиданно произошёл крутой поворот, когда познакомилась с Михаилом, который по образованности не годился в подмётки её жениху, но зато превосходил его мужскими достоинствами, чем, собственно, и покорила Аллу. Перед Михаилом она почувствовала тотчас своё превосходство в том, что была, воспитана, интеллигентна, неплохо разбиралась в стилях одежды, гордилась своими учёными интересами, тогда как перед женихом, его широкой эрудицией, она заметно проигрывала. Ведь он пробовал писать научные статьи ещё в десятом классе, вёл какую-то переписку с научными журналами, ей казалось, она его беззаветно любила и уже точно знала, что будет с ним всегда, несмотря на то что сама никаких статей не писала, но любила рассуждать о педагогике и мечтала учить и воспитывать детей в школе.

И вот знакомство с Михаилом поломало все её прежние планы. В то время он работал таксистом, вступил в партию ради будущей карьеры. Алле казалось, что муж хотел пойти по партийной линии. Но об этом никаких разговоров не вёл, свои планы держал при себе. К концу того памятного ресторанного вечера Алле серьёзно показалось, что она уже влюблена в Михаила...

Через год они поженились, за это время муж сменил такси на «дальнобойную» фуру. Ещё через год Алла родила сына Витальку и, чтобы не терять стаж, отдала ребёнка на руки своей матери. Но между свекровью и невесткой возникло недоразумение из-за того, что свекровь хотела взять внука к себе на воспитание, но та не уступила и предпочла ей свою мать.

Личные отношения Аллы и Михаила складывались достаточно ровно. Она не возражала против его частых командировок, хотя с первого дня после свадьбы острого недостатка в деньгах она не испытывала, поскольку левые заработки мужа дополняли семейный бюджет. Вскоре Алла забыла про своего прежнего жениха-биолога Марика Удашева, полагая, что ошибки не сделала, избрав в мужья таксиста. Правда, её мать, всю жизнь проработала секретарём у начальника стройтреста и сама вырастила дочь.

Алла недолго сожалела о потере перспективного человека, который со временем мог бы вполне стать большим учёным. Но когда она об этом поразмыслила, то больше не жалела, что не связала с ним свою судьбу, так как от его учёности надо было ждать и ждать отдачи. И кто знает, как бы всё сложилось на самом деле, если бы на её решение не повлияло и то, что семья Марика исповедовала совсем другую религию. Хотя тогда, во время атеистического засилья, к какой бы конфессии его вера ни принадлежала, она не имела того влияния на общество, какое приобрела с разрушением тоталитарно-партийной системы. И всё равно даже в то свободное от религиозного влияния время в какой-то мере вера его народа как раз её настораживала, а то и национальные традиции семьи Марика...

Так что с Михаилом Алла была пока вполне счастлива. С тех пор прошло восемь лет их совместной жизни. За это время, состоя в строительном кооперативе, Михаил получил двухкомнатную квартиру. И продолжал работать на междугородних перевозках грузов, чего было уже недостаточно для расширения бизнеса. Последние три года в тяжёлой борьбе с конкурентами добился права совершать рейсы за границу в некоторые страны Восточной Европы, а спустя время переоснастил машину на европейский лад и дальше по транзиту...

Его работой Алла не пыталась интересоваться, хотя её практический интерес вызывался лишь тем, как живут люди за границей.

– Что же ты думаешь, я должен тебя заразить безмерной завистью? – отшучивался Михаил. – Это не входит в наши с тобой отношения. Люди везде живут со своими проблемами и сами их решают, а у нас ждут, пока их разрешат чужие дяди. Социальное иждивенчество, так что ничего конкретно сказать не могу, изнутри я не знаю их жизни...

– Да всё превосходно знают, что культура там значительно выше, а тебе почему-то захотелось из этого сделать тайну? – жена усмехнулась с таким видом, что в этом вопросе она, несомненно, разбирается лучше, чем он.

– Что ты городишь? У них своя, европейская, сложившаяся за столетия, а у нас, если какая и была, то и ту в своё время разрушили...

– И вещи делают качественные, разве и нам так нельзя, кто мешает?

– Это же импорт, кстати, наш экспорт ты там не видела? Мы туда тоже гоним неплохие вещи, умеем же делать, только такие предприятия работают на внешний рынок... Вот взять вьетнамцев, они увозят на свою родину весь наш ширпотреб, всю посуду, на которую наши женщины почти не смотрят, им подавай саксонский фарфор и т. д. Заграничное тряпье обладает какой-то магией. Вьетнамцы из нашей страны вывозят утюги, электрочайники, соковыжималки и всю прочую посуду, а у себя перепродают, как корабейники и купцы.

С самого начала совместной жизни Алла считала Михаила надёжным мужем, любившим сына. Когда приезжал из рейсов, уходил с ним гулять по несколько часов; учил его своим играм, смысл которых сводился к тому, чтобы вырастить из сына настоящего мужчину, умеющего постоять и за себя, и за тех, кто будет с ним рядом. Он учил его любить мать, чему Алла удивлялась, ведь Михаил не прочитал по воспитанию ни одной умной книги, даже ни одной учёной статьи. Но в его действиях было всё правильно, значит, у мужа с детства заложено к высокой нравственности чутьё, привитое ему родителями. Хотя по своему социальному происхождению они обычные простые люди. Мать Зинаида Петровна работала на заводе заведующей складом, но сейчас была уже на пенсии и занималась дачей. Отец Виталий Николаевич и сейчас всё ещё работал в таксопарке слесарем.

У них были сын и дочь моложе Михаила, но уже тоже жившие своими семьями, правда в отличие от старшего брата, они окончили институты и в семье считались учёными людьми. После распределения и сын и дочь жили в разных городах, навещали родных каждое лето во время отпусков...

Однако Алла не очень любила бывать у родителей мужа, несмотря на то что они считались неплохими людьми. Обычно это происходило, когда приезжали со своими семьями брат и сестра. Алла, несмотря на свою образованность, была несколько застенчива, но она охотнее шла на общение с любым коллегой, чем со свекровью или деверем и золовкой, которые производили хорошее впечатление, а разговор всегда вращался вокруг проблемы воспитания детей. Может, просто хотели знать её мнение как профессионального педагога или эта тема волновала всех порядочных родителей, которые желали воспитывать детей по какой-нибудь новомодной системе, наподобие доктора Спока, вокруг которой всегда велись почему-то горячие споры. Алла считала, что нравоучения вредны, они отчуждают детей и родителей, так как всему умному нельзя научить только дидактическим способом. От такого подхода дети быстро теряют интерес; воспитание нужно строить по принципу какой-нибудь игры, чтобы дети при этом чувствовали себя непринуждённо и вели себя активно, то есть моделировали какие-либо жизненные ситуации. Словом, своими рассуждениями она понравилась всей родне мужа...

В дни свиданий с Михаилом она почему-то стала терять зрение, врач-окулист прописал ей постоянное ношение очков. Для девушки с хорошей интеллигентной внешностью это было таким ударом, что тогда казалось – для неё всё безвозвратно потеряно и отношения с Михаилом могут оборваться. Так неожиданно проявившаяся близорукость и открывшаяся перспек-

тива постоянного ношения очков поставили её почти на грань нервного срыва, ведь жизнь потеряла всякую привлекательность и смысл.

Со временем, имея первоначальные знания по психологии, она, конечно, успешно справилась с депрессией, а Михаил как будто никаких перемен у неё не замечал. Алла пока не хотела ему признаваться в том, что так безмерно её огорчало – ведь между ними всё шло замечательно. Это нравственно её поддерживало, и она была ему очень благодарна, что он вёл себя с ней по-джентльменски. А врачи между тем ей рекомендовали носить очки постоянно, чтобы зрение восстановилось хотя бы частично, но если этого не делать, оно может ухудшаться и дальше. Алла пренебрегла этим правилом, так как встречалась с Михаилом, который, конечно, догадался, что у неё не всё благополучно со зрением. Но он сумел подойти к девушке так деликатно, что она перестала стесняться своей близорукости, надела очки, которые изменили её облик, хотя на первых порах этот шаг давался ей отнюдь не легко...

Алла Михаилу понравилась с первого дня знакомства, в ней он увидел надёжность, духовную чистоту и душевное спокойствие, чем они обменялись как бы обоюдно, не сговариваясь. Ему была нужна женщина порядочная, интеллигентная, не просто баба, судачащая на каждом углу, а умеющая беречь домашний очаг и способная прощать мужу невольные увлечения, если они дойдут до неё.

Надо сказать, с самого начала он не собирался изменять жене, просто житейская практика подсказывала, что иногда у мужчины могут появляться посторонние женщины вовсе не ради удовольствия, а исключительно ради укрепления его бизнеса. Но беда жены была в том, что Михаил проявлял к женщинам и чисто донжуанский интерес. Хотя при сближении с ними он всякий раз прикидывал: можно ли их использовать в своих деловых сферах? Евгения оказалась той самой женщиной, которая помогала ему сбывать вещи. Но находясь с ней, он думал о Юлии, которая покорила его своей неповторимой красотой; и он постепенно охладел к Евгении, как в своё время и к Лере, которая при своём музыкальном образовании выказывала вульгарные манеры, чем неотвратимо отталкивала от себя. Конечно, она хорошо помогала ему в сбывании вещей в детско-юношеской музыкальной школе среди преподавателей и их знакомых...

Впрочем, Михаил не забывал Леру. У неё были отличные вокальные данные, она по-своему была чудесно красивая, грациозная. Развелась с мужем-художником, работавшим на заводе, увлекавшимся музыкой, мнившим себя непризнанным гением как в живописи, так и в музыке, что со временем привело к мании величия. Лера воспитала дочь Вику с помощью своих родителей, а когда развелась с мужем Виктором, свекровь Татьяна Александровна просила привозить внучку к ней всегда на выходные. И Лера стала охотно угождать бывшей свекрови, с которой, однако, поддерживала хорошие отношения.

Михаил у Леры был не единственный мужчина, с которым она сначала поддерживала интимные отношения, а когда поняла, что с ней он никогда не свяжет совместную жизнь, она как-то в шутку обронила, дескать, верности от неё он не дожждётся. Конечно, Михаил деликатно промолчал, она была ему нужна для расширения своего влияния на чёрный рынок. Со временем, разумеется, он узнал о её связях с одним училищным преподавателем, и этого было вполне достаточно, чтобы с ней мягко разорвать любовные отношения, объясняя это большой занятостью. Но он по-прежнему к ней навевался, передоверял продажу вещей, за что она охотно бралась, никогда не отказывалась от побочного приработка. И не пеняла никогда, что ему некогда побыть с ней наедине, считая его в любом случае своим лучшим другом.

То же самое произошло и с Евгенией, которая отличалась от Леры тем, что чаще, чем она, меняла любовников. А ещё Лера обладала большей внутренней культурой и разборчивей смотрела на мужчин. Обе в разной мере поразительно женственные, обе наглые, правда, Евгения была менее образованна. Михаил давно заметил, что все женщины, подходящие под определение гулящих, почти в равной степени в постели интереснее его жены. Собственно, Алла

и через восемь лет брака не утратила душевное целомудрие, а от этого казалась немного скучноватой и пресной. Но зато была достаточно надёжной женой, в которой он был полностью уверен. С самого начала ему этого было и надо, у Михаила за всю его водительскую карьеру (особенно когда работал таксистом) перебыло много холостых и замужних женщин. И ни одна так не покорила его, как Юлия. Но теперь она была женой его друга Николая. Ему казалось, он мог бы у него вполне отбить её, но дело в том, что никогда бы на ней не женился. Она могла бы стать его любовницей, так как даже ради неё он бы ни за что не рискнул бросить жену, несмотря на то что в постели она была не так хороша, как другие его женщины. Правда, у него не было гарантии, что Юлия могла бы во всех отношениях тоже превосходить Аллу. Хотя иногда он находил между ними какое-то трудноуловимое сходство. Но единственное преимущество жены состояло в том, что она была его женой – даже со всеми своими недостатками и добродетелями. Впрочем, Михаил уже точно знал, что совершенных женщин нет. Он отдавал полное предпочтение своей жене только потому, что нравственными качествами она превосходила пока тех женщин, которых хорошо знал.

Алла далеко не полностью знала о всех деловых сторонах жизни мужа, но с какого-то времени ей стало казаться, что он с кем-то тесно связан, и это её настораживало. Хотя за восемь лет брака она не переменяла о нём своего мнения. Её мать всегда говорила, что почти все нормальные мужчины гуляют от своих жён. Первые годы Алла спорила с ней, считая своего мужа не таким. Но бывая с ним на свадьбах своих подруг-одноклассниц, она убедилась, что Михаил нравится многим женщинам. Он и сам танцевал с ними, потому что Алла была не очень склонна к танцам. Она обладала длинными светло-русыми волосами, высокой грудью; если бы некрупный прямой нос, она бы считалась красавицей. Причём после рождения ребёнка она заметно пополнела и уже походила не на девушку, а на зрелую женщину. Очки делали её ещё старше и строже, создавали образ редко улыбающейся дамы. Алла любила носить деловые костюмы, которые придавали ей интеллигентность, которая дисциплинировала мужчин, склонных к домогательствам. Правда, все её знакомства с мужчинами ограничивалось лишь коллегами и родителями своих учеников. Последние испытывали перед ней свою мужскую несостоятельность, хотя Аллу они воспринимали исключительно как учительницу своих детей; в школе она была заметным молодым педагогом, с которым считались и коллеги и родители. Казалось, кроме учащихся, для неё больше ничто не существовало (что, собственно, соответствовало действительности). Она уже сделала два выпуска детей с начальным образованием. Их родители искренне сожалели, что в средних классах у детей не будет Аллы Владимировны, которая знает детей лучше, чем они, родители. Они дарили ей подарки, некоторые хотели, чтобы их второго ребёнка учила только Алла Владимировна, о чём говорили ей в глаза, на что она лишь застенчиво улыбалась, хотя в глазах светилась затаённая радость...

Глава шестнадцатая

Если женщина решилась на недостойный поступок, то на время она приобретает разнузданное поведение. Но когда она ведёт себя свободно, то есть изменяет мужу, её поведение уже не становится естественным. При своём супруге, однако, она ведёт себя в тех рамках, которые ей были свойственны в дни знакомства с ним. Когда Евгения вышла замуж за боцмана, то есть за Кузьму Дубакина, она была весьма стеснительной девушкой, хотя отчасти не лишённой совсем весёлости. Кузьма в то время ей казался серьёзным, целеустремлённым парнем, мечтавшим о морских путешествиях (чего, в конце концов, он добился). Поэтому Евгения, уловив особенности его характера, вскоре смекнула, что при нём лучше быть смиреннькой девушкой, и умело прикидывалась застенчивой, какой была в старших классах, а с годами это черта приобрела даже оттенок добропорядочности. Кузьме казалось, что такой жена была от самого рождения. Но он не знал, как некоторые девицы способны перевоплощаться в разбитных, порой лишённых всякой скромности.

Впрочем, об этом он даже не догадывался подумать, так как Евгения покоряла его и своим романтическим именем. Она ему казалась вовсе не манерной, а достаточно воспитанной, хотя её мать работала в торговле, а в его понимании все торгаши страдали недостатком вежливости и деликатности. Евгения же умела быть доброй, мягкой, терпеливой, а значит, будет всегда верно ждать его на семейном берегу. И сначала она оправдывала его надежды, как и всякая талантливая актриса, умела ловко играть. Когда Евгения была беременна, Кузьма получил разрешение на рыболовецкий траулер от ростовского порта пяти морей. Тогда она наивно радовалась, что Кузьма, может, и её возьмёт с собой. Но об этом нечего было и думать, так как девушек на судна дальнего плавания не брали, и ей пришлось после свадьбы ждать мужа несколько месяцев, которые для неё превратились в сущий ад. Последние три месяца беременности Евгения доживала без Кузьмы, в роддом её отвозила мать. Родив дочь, она просидела с крошкой год. Евгения отдала её в ясли и вышла на работу. Такой был тогда порядок – после рождения ребёнка женщина больше года не могла воспитывать детей, которых передавали на руки своим родителям или оформляли в ясли, да и то, если была такая возможность. Ведь детских дошкольных учреждений и в те годы почему-то не хватало...

Вот и жила Евгения без мужа нередко по три-четыре месяца; она тогда сидела на кассе, принимая от клиентов кафе деньги, а им пробивала чеки за блюда. За длительную разлуку с Кузьмой она испытывала страшное одиночество и своей матери часто жаловалась, что живёт как безмужняя женщина. И вот сидя на кассе, она стала ловить мужские взгляды и думала, что их жёны счастливые, они всегда при них, а ей приходится ждать мужа бесконечно. Кузьма бывал дома чуть больше месяца, а потом опять надолго уходил в плавание. Евгения уже привыкла к такому порядку и сначала достойно выдерживала свою незавидную долю. И как всегда бывает: если ищешь что-то в глазах мужчин, то всегда находишь искомое понимание. Первым её любовником оказался холостой мужчина, хотя по возрасту тому пора было быть давно женатым. Но он терялся перед женщинами, так как не мог найти такую, которая бы его полностью устраивала. Он был по натуре педантично чистоплотным и мечтал встретить похожую на него девушку. Однако это оказалось непростым делом, поскольку далеко не все женщины отвечали его житейским запросам. У всех женщин, с которыми его связывала судьба, его патологическая чистоплотность со временем вызывала раздражение, а у кого-то и смех. С ним никто более трёх месяцев не мог находиться рядом. Это вскоре поняла и Евгения – именно столько она терпела, как он тщательно причёсывался, укладывая волосок к волоску, как подолгу мыл руки, а потом тщательно усаживался, разглаживая брюки, и, наконец, приступал к еде, а перед тем как лечь к ней в постель, принимал душ и требовал это же от неё. С последним она справлялась без его напоминаний, но всё остальное выводило из себя. Через три месяца, почти перед

самым приездом из заморского плавания мужа, она благополучно рассталась с этим любовником и больше не хотела его видеть. Евгения часами была готова слушать, как Кузьма три месяца ловил креветок и крабов у берегов Новой Зеландии...

Потом Евгения сама встречалась с мужчинами не более недели, не давая себе возможности привыкнуть к ним. По своему социальному положению это были служащие, рабочие, инженеры, в некоторых она влюблялась, но ни с одним не спала, если они сами не проявляли должной активности. Чем чаще она меняла мужчин, тем потребность в них возрастала, так как в постели они вели себя почти одинаково. Ей казалось, что должна встретить такого, кто бы затмил всех тех, кто прошёл через её спальню. С самыми умелыми угодниками она позволяла себе встречаться на тайной квартире дольше, чем с их предшественниками. Но и они после возвращения Кузьмы уступали ему по своему темпераменту и продолжительности слиянием тел в одно тело...

И вот встреча с Михаилом в ресторане на свадьбе Юльки была той отправной точкой, когда Евгения поняла, что искать больше некого, почти всё мужчины одинаковые. Но исключением оказался Михаил, после которого на время для неё перестал существовать и Кузьма. Впрочем, не настолько, чтобы навсегда расторгнуть с ним брак. Во-первых, Михаил не собирался ради неё разводиться с женой, о чём он ей сказал прямо, когда услышал от неё, что теперь не может без него спокойно жить. Это было через месяц после их знакомства. Во-вторых, она и сама не хотела бросать мужа, так как дочь любила отца, несмотря на то что видела его весьма редко и всегда грезилась им, воображая, что он ей привезёт...

Евгения страдала повышенным честолюбием. Когда она узнала, что Михаил привязчиво любил свою жену и при этом легко ей изменял, она возмечтала с ней познакомиться для удовлетворения своего женского любопытства. Но это казалось нереальным, так как пока не находился серьёзный повод. А когда Евгения узнала о тайных отношениях Михаила с Юлией, это вывело её из себя, ведь она меньше ревновала его к жене, чем к ней. В её понимании это означало то, что Михаил крепко запал на Юлию, из-за которой может легко, без сожаления порвать с ней, Евгенией. Его работа забугорным дальнобойщиком и проявления черт настоящего мужчины вызывали у неё истинное ощущение счастья, отчего она даже подумывала втайне, как бы разбить Михаила с женой, хотя себя считала неспособной на такой подлый поступок. Просто у неё на это не хватало духу, но Юлия вывела её из себя. И вот Евгения пришла в школу...

Она остановилась перед дверью кабинета, в коридоре никого не было. Решительно, почти с отчаянием потянула дверь на себя и увидела любопытные доверчивые глаза детей, но их учительницы Евгения почему-то сразу не заметила. И вдруг перед собой она увидела молодую женщину в светло-сером костюме и больших очках – та появилась, словно невидимка. Её лицо было таким симпатичным, спокойным, хранившим весь её духовный мир, далёким ото всех мирских забот, что у Евгении пропала охота рассказать ей, что муж Михаил грязный бабник.

– Что вы хотите? – спросила спокойно, но с удивлением на лице Алла Владимировна.

– Я? Мне надо поговорить с вами...

– Но я веду урок, не могли бы вы подождать, – она взглянула на свои ручные часы, – пятнадцать минут?

– У меня нет больше времени, я спешу на работу... – отрезала Евгения.

– Вы кто? Я не помню, чтобы вы были мамой... моего ученика или ученицы...

– Ну, конечно, моя дочь в школу не ходит. Но скоро пойдёт...

Алла Владимировна подумала, что этой женщине кто-то рассказал о ней как о хорошем педагоге, и вот она тоже хочет, чтобы дочку взяла в свой класс.

– Хорошо, я вас поняла. Приходите после окончания учебного года. А сейчас, извините, мне очень некогда...

– Ну, вот вечная занятость портит всем нам жизнь. Кто-то так мужей теряет, а кто-то и жён, – резко рубанула Евгения, задетая педантизмом хорошенькой учительницы, её аккуратностью и непорочностью.

– Вы странно и не по делу изъясняетесь. Я вижу по вашим глазам, что у вас ко мне совсем другой интерес, – пронизательно заметила Алла Владимировна.

– О, вы почти угадали, Алла Владимировна, – язвительно усмехнулась Евгения, слегка от ненависти раздувая ноздри.

Она что-то сказала своим ученикам и быстро вышла из класса, прикрыв за собой дверь.

– Ну, я вас слушаю, вы добились моего немедленного внимания!

– Я вижу, вы характерная женщина, можно представить, за что вас любит муж, – лицо Евгении порозовело, и от нахлынувшего волнения её чистый лоб покрылся испариной.

– А вот это ни к чему, давайте ближе к сути. Вы знаете моего мужа?

– Вы у него сами спросите, каких женщин он знает, может, услышите и моё имя и другие имена. Если только он захочет признаться, нравлюсь ли я ему. Но есть красивая особа, к которой он питает, наверное, те же чувства, что и к вам. А там кто его знает, может, она станет его?

– Похоже, вы интриганка, и к тому же не в своём уме. Чего вы добиваетесь, зачем пришли? Если не хотите говорить, кто вы, тогда прощайте. Но знайте, я не горю особым желанием услышать ваше имя ни от вас, ни от него! А теперь я спешу...

– Кто спешит, тот людей смешит... – усмехнулась та, донельзя задетая неуважительным к себе отношением.

– Хорошо выучили в школе поговорку, и то хорошо. Говорите, что вам нужно от меня? – повысила тон учительница. – Итак, вы его любовница и хотите нас разбить?

– Я? Ну что вы! Разве я могу равняться с вами? Нет, есть женщины красивее нас с вами. К примеру... Впрочем, вы всё равно её не знаете. Хотя... Скажите, почему вы не были на свадьбе друга вашей семьи?

– Это моё дело. Так вы знаете эту женщину? – усмехнулась высокомерно Алла Владимировна.

– Ещё бы... я была у неё подневестницей. А вы удивительный человек, неужели вам безразлично, где и с кем бывает ваш муж? Но больше этого я ничего не скажу, сами разгадайте этот ребус. Рада, что увидела вас... – Евгения саркастически усмехнулась и чинно пошла по коридору, нарочно бойко виляя бёдрами, с тайной радостью, что отомстила Юле. Но она совсем не подумала о Михаиле, который легко вычислит приходившую к Алле Владимировне женщину.

Глава семнадцатая

За восемь лет Алла ни разу не видела своего бывшего ухажёра биолога Марика Удашева, с которым она рассталась совершенно безболезненно и о котором потом больше никогда не сожалела в отличие от её матери Надежды Ивановны, считавшей, что зря Алла променяла образованного парня на таксиста.

Марик действительно окончил институт с отличием, поступил в аспирантуру при Московском госуниверситете, где параллельно увлёкся химией и защитил кандидатский минимум. В Москве он успел даже жениться на дочери одного преподавателя. Однако их брак просуществовал меньше года, так как у жены произошёл выкидыш на шестом месяце беременности. Но расстались они не из-за этого, просто Марик увлёкся одной юной хорошенькой лаборанткой. И Марику пришлось уехать из Москвы ни с чем. Его научные разработки по биологии не вызвали широкого отклика в учёной среде. Синтез белка химико-биологическим способом не делал никакой революции в науке. Он нашёл тот результат, к которому до него уже не раз приходили другие. Создать искусственный белок – не новое в науке направление. Но Марик хотел вырастить белок своим способом – на основе синтеза растительного и химического белка. Он не выходил из лаборатории днями. И наконец вместо нового открытия нащупал рецепт создания наркотического вещества для медицинских нужд...

Когда какие-то люди заинтересовались его опытами и пытались перетянуть к себе, Марик испугался и уехал из столицы домой. В Новостроевке он устроился в химико-технологический техникум преподавателем. Через год его пригласили начальником отдела завода синтетических продуктов. Но преподавательскую деятельность не прекратил, читал лекции студентам-заочникам. Он вскоре женился на молодой преподавательнице словесности этого же техникума. Год назад она окончила педагогический институт и ещё не успела наработать практику. Марик хотел ребёнка, но Анжела не видела пока в этом острой необходимости. Марик был выше среднего роста, стройный, как тополь, с чёрными курчавыми волосами. Со школьной скамьи он носил очки, а позже пользовался ими только во время работы, но когда пережил нервное потрясение, то носил уже постоянно. Сначала его родители занимались коммерцией. Анжела с ними не ужилась на почве разных обычаев, традиций, бытового и культурного уклада и просила мужа снять квартиру. Марик на её же примере не видел в этом необходимости, и тогда жена пригрозила уйти к своим родителям, жившим в коммунальной квартире, униженным бытом на многосемейной кухне.

Анжела была счастлива, что воздержалась от рождения ребёнка. Собственно, она до конца так и не разобралась в своих чувствах к Марику. Муж хорошо получал, работая в двух местах; она выходила за него как за человека, крепко стоящего на ногах, и потому делал вид, что ему не требовалась от родителей всемерная поддержка. И был он как не от мира сего, без тех национально-религиозных пережитков, от которых, однако, были несвободны его родители. В субботу он часто уезжал на завод, где пропадал весь день, и домой приезжал поздно вечером. Анжела была не дурна и не хороша собой. Правда, и Марик не отличался красотой: нос с горбинкой и слегка искривлён, круглые шустрые глаза. Под очками они почему-то застывали, будто в одной точке. Анжеле не нравилось, что муж был неискренний, никогда не говорил о работе. Вынашивал какие-то сомнительные проекты, любил читать научные книги, без конца листал научные словари и справочники. Правда, он любил и художественную литературу, но только иностранных авторов. Отечественную классику называл коровьей жвачкой, о Достоевском и слышать не хотел, считая его сумасшедшим. Анжела же страстно им увлекалась и могла говорить о нём и его произведениях часами, всерьёз полагая, что Марик оскорбил вместе с Достоевским и её. И вместе с тем обожал булгаковского «Мастера и Маргариту», не гоголевских «Мёртвых душ», а Михаила Афанасьевича...

Марик тогда с рук купил «Жигули» жёлтого цвета, принципиально не прося у отца Аршака Удашева ни рубля, так как в своё время между ними вспыхнула ссора из-за того, что Марик не избрал коммерцию, отдав предпочтение науке. Удашев-старший тогда сказал сыну, что придёт день, и он сильно пожалеет, что не послушал его. И, в сущности, оказался прав, так как большого учёного из него не получилось и он не вписался в научный мир, очутившись на его обочине.

Тем не менее Марик решил доказать обратное, упорно занимаясь разработками по своей методике...

За всё эти годы трудно представить, чтобы он хотя бы раз подумал о своей бывшей невесте Алле. Для него она больше не существовала с того дня, как они рассталась по её инициативе. Вскоре он уехал в Москву, и жизнь его так закрутила, что эта женщина, казалось, улетела из его памяти навсегда, будто её никогда и не было. В нём говорила особая национальная гордость, не прощающая измены. Конечно, от прежних друзей Марик слышал, что Алла вышла замуж за таксиста, чем убила в нём раз и навсегда всякое к себе уважение. И он мгновенно её отсек, как обрубил...

Когда Анжела от него ушла, Марик не пытался вернуть её. Теперь у него был автомобиль последней модели, хорошая работа, он легко мог найти женщину на одну ночь. Он разрабатывал стиральные порошки и синтетические корма для домашней птицы и животных.

Аллу Данилкину он увидел совершенно случайно, когда проезжал мимо райисполкома, где размещалось и роно. Алла была в очках, на ней превосходно сидело модное зимнее пальто, скрывавшее её полноту. Когда-то у неё была изящная фигура, но тогда, кажется, очки она не носила или лишь надевала во время занятий или чтения учебников, чего он не мог тотчас же вспомнить. Сейчас бывшая невеста с проезжей части выходила на аллею. Марик, остановив машину напротив неё, решительно посигналил.

– Не замечаешь? – бросил он, высунувшись в окно.

– Ох, Марик! Я тебя не узнала, богатый стал, профессор небось? – возбуждённо проговорила она, её лицо покраснело и от холода, и от смущения.

– Садись, подвезу! – предложил он, открыв дверцу. – Куда так торопишься?

– Спасибо... – Алла приняла его добрый жест, хотя увидела, как в его взгляде что-то мелькнуло недоброе.

– Ну и как живёшь? – спросил он, когда она уселась рядом с ним.

– Спасибо, ничего...

– Аля, ничего – пустое место.

Марик поехал нарочно не спеша, чтобы расспросить её о жизни, да и дорога была весьма скользкая. Алла после его слов почему-то ещё больше покраснела.

– А ты как?

– Хорошо, как видишь! – он крепче вцепился в руль, показывая этим самым свою жизненную устойчивость.

– Ну и я хорошо. Сын Виталька в школу ходит. Муж работает... бывает в длительных командировках. А что нам, женщинам, ещё надо?

– На такси раскатывается? Хотя в командировки на такси не поедешь, неужели начальником стал?

– Нет, значит, ты что-то слышал обо мне?

– Да, друзья говорили...

– Он на... ой, марку машины забыла, – рассмеялась Алла. – Большая такая, длинная...

– Автопоезд, фура!

– Да-да!

– Хорошо с тобой когда-то мы гуляли, ты не забыла? – напомнил он, сдержанно улыбаясь и не сводя с неё пристального холодного взгляда.

Алла опять покраснела, Марик тогда пригласил студентов к себе на день рождения. Родители привезли шампанского. И молодёжь почти всю ночь танцевала. Марик до крика тогда спорил со своими однокурсниками об искусственном человеческом интеллекте. Он увлекался кибернетикой, и всё друзья ожидали, что тот пойдёт по этой части, но Марик избрал биологию окончательно...

Когда всё разошлись, они остались одни; горели свечи, пили шампанское, и Алла не помнила, как получилось, что отдалась ему, знала только твёрдо, что тогда могла не залететь. Ночь была летняя, восхитительная, в комнату светила луна. Марик после отвёз Аллу на такси домой, он умел ухаживать, чем всегда её покорял. Она пошла через месяц в ресторан с подругами и встретила Михаила. И у неё началась жизнь без Марика.

– Ну что, Аля, неприятно вспоминать? – переспросил он.

– Я не живу воспоминаниями, – ответила она сдержанно, понимая, что он хочет теперь узнать, почему она предпочла его другому.

– Признаться, я тоже. Но сама судьба нас опять свела... Сколько лет не виделись?

– Прошу тебя, не надо, куда ты едешь?

– А ты где живёшь, туда и отвезу.

– В Новых Черёмушках.

– А ко мне по старой дружбе не хочешь, посидим, вспомним молодость?

– Разве ты не женат?

– Женат, но наследника нет. После тебя у меня всё идёт кувырком. Одна в столице выкинула, вторая как пуганая ворона, боится рожать. Её старшая сестра в родах умерла...

– Ничего, покажи её психологу...

– Я сам психолог! Но, видно, без толку... Ушла она, с моими стариками не ладила. Как и ты, учительница, но только техникума.

Марик подвёз Аллу домой и сказал, что хочет посидеть с ней в ресторане, а то с детьми она сама станет дитём. Марику казалось, что она буквально светила детской ангельской чистотой. Хотя ту, которую любил, он тогда же и потерял, а теперь перед ним совсем другая женщина, но не менее желанная, чем та, которую похоронил в своей памяти...

– Я подумаю...

– Телефон мой... – он быстро набросал на листочке и подал ей. Алла смущённо улыбнулась, как ей показалось, вежливо. Он смотрел на неё, прикрыл глаза в знак одобрения этой счастливой встречи. Значит, когда-то он заронил ей в душу что-то хорошее, что она и через много лет не оттолкнула его, а может, поняла, что обманулась в ожиданиях, муж оказался совсем не тем, каким ей тогда представлялся.

Глава восемнадцатая

После того разговора с Евгенией Алла, естественно, уже не могла проводить урок в душевном спокойствии. Но всё равно что-то рассказывала детям. Тот урок был последний. Она положила в учительской класный журнал, взяла тетради учеников, чтобы проверять дома. Михаил наутро собирался в рейс, она как никогда была не в духе. Сын Виталька сидел рядом и делал уроки. Алла всегда верила мужу, а теперь сомнения сизыми крыльями кружили в сознании и словно хлопали её по лицу: она краснела и слегка вздрагивала оттого, что информация могла подтвердиться. Эту женщину в дублёнке с привлекательной внешностью, с похотливыми пухлыми губами, несколько приплюснутым тонким носом и большими голубыми глазами, наверное, Миша знает. Он снабжает многих знакомых модными тряпками. Вот только жаль, что она не знает её имени. Но если обрисует словами внешность этой женщины, он тотчас поймёт, какая стерва к ней приходила. Алла понимала, что муж нравится бабам и они готовы отбить его любой ценой. Если женщина заговорила о другой женщине, с которой Миша спутался, значит, она перешла той дорожку и с помощью неё хочет отбить у Аллы мужа.

Она решила поговорить с Михаилом после ужина, а сейчас приказала себе закончить проверку тетрадей. Но только приступила к работе, как снова посторонняя мысль отвлекла, она задумалась, приложив ручку к губам: «А что это тебе даст? – спросила она у себя. – Он, конечно, придумает, что ответить, а я в его глазах буду выглядеть ревнивой душой. Эта женщина, наверное, хочет, чтобы мы поругались, чтобы я безумно ревновала. Но этого она от меня не дожждётся, нет, ни за что не дожждётся! Неужели Миша способен мне изменить? А почему бы и нет? – слышала она в себе посторонний, спорящий с ней голос. – Но тогда эта должна быть женщина выше меня по интеллекту и чище душой. Правда, таких, как я, не очень много. Та женщина низкая, падшая, если посмела затеять интригу и запутать меня в ревности. Наверное, всё-таки нужно спросить у него, что это за женщина. Но сразу видно, что у неё грязные намерения». Алла стала продолжать проверку ученических тетрадей, отключившись от посторонних мыслей. Ведь к этому она приучила себя ещё со студенческой поры, что у неё прочно вошло в привычку.

Закончив проверку тетрадей, она вышла в большую комнату, где Михаил всё в той же позе лежал на диване и читал еженедельник «За рубежом», а рядом лежал журнал «За рулём». Это было обычное для мужа чтение периодики. Он любил также с сыном сыграть партию в шахматы, чему научил его, и Виталька часто просил отца поиграть с ним. Михаил всегда играл честно, без поддавок, приучая сына к самостоятельному мышлению: чтобы мысленно продумывал многоходовые комбинации, выбирал наиболее рациональный план и подготавливал почву для последующих ходов...

Алле часто было жалко сына. И она иногда в шутку говорила:

– Ну хотя бы раз дал ему выиграть, разве ж можно так жестоко обыгрывать сына?

– Шахматы, ты знаешь, логическая игра, надо постоянно шевелить мозгами, – парировал Михаил, – а иначе он никогда не научится интересно играть. Имей в виду, в деловой жизни нужно уметь думать, иначе ничего не добьёшься, и тогда тебя легко обойдут конкуренты...

– Ну тогда показывай, как нужно выигрывать. Какой же прок всё время проигрывать, у него просто пропадёт интерес.

– Ничего не пропадёт! Наоборот, проснётся небывалый азарт, и обретёт уверенность победителя. Между прочим, Виталик уже может разыгрывать несложные комбинации.

– Да-да, я вижу, как он всякий раз плачет, когда ты ставишь ему мат.

Виталька сейчас ещё не решил задачу по математике. Причём в школе он учился хорошо, но учила сына другая учительница. Алла так сама захотела, из-за чего в своё время она поругалась с мужем, который настаивал на том, чтобы жена сама учила сына; она же считала, если бы

он был в её классе, тогда бы другие учащиеся думали, что к сыну она относится не столь требовательно, как к ним, то есть попросту они бы его ревновали.

– Ну что, Миша, ужинать будем? Я думала, что ты уже приготовил, – подошла она к супругу и рукой провела по его светло-русый волосам.

– Ой, извини, зачитался, – он взял её руку, преподнёс к губам несколько наигранно.

Алла снисходительно улыбнулась и позвала мужа на кухню.

– Как твои дела?

– Спасибо, пока всё превосходно. Завтра еду в Польшу, а потом и во Францию, останюсь там на сутки. Возьмём груз и махнём напрямиком в Ниццу.

– А у меня для тебя есть неприятная новость, – она внимательно посмотрела на мужа, который положил на грудь журнал и приготовился слушать.

– Любопытно, я весь во внимании...

– Сегодня ко мне приходила какая-то странная женщина, правда, не назвалась, но вела она очень развязно. И о тебе отзывалась как-то очень неуважительно. Ты, может, знаешь, кто она такая?

– Не имею представления, о ком ты говоришь? – искренне изумился муж. – А при чём тут я и какая-то сумасшедшая? И что же она говорила? – спросил он лишь для того, чтобы что-то сказать, и опять взял в руки журнал, демонстрируя равнодушие.

– Про какую-то ещё женщину, но я не стала выслушивать её бред. Я правильно поступила? – она выразительно посмотрела: «Ну, как ты будешь выкручиваться»? – кажется, говорил её взгляд.

– Ты сомневаешься? Почему ты думаешь, что она обо мне говорила неуважительно, что ты под этим подразумеваешь? – после длительной паузы переспросил муж.

– А ты сам подумай! – лукаво улыбнулась Алла. В её взгляде Михаил улавливал какую-то скрытую пронизательность. Он, конечно, про себя оценил мудрость жены, которая не хотела пока называть всё своими именами. Сейчас Михаил мысленно перебрал в сознании своих бывших и настоящих любовниц и не мог понять, о какой же особе шла речь. Юлию он сразу исключил, она не могла прийти ни под каким предлогом, да к этому просто не нашлось бы серьёзного повода. Лера? Эта слишком прямая, она бы не стала скрывать своё имя и не пошла бы кляузничать жене. Ей не нужен скандал. А вот Евгения донельзя ревнивая и к тому же мелочная, поэтому от неё можно всего ожидать. С её слов, своего мужа-боцмана она любила. Но ему казалось, что Евгения просто хотела прикрыть мнимой любовью к мужу свою страсть к мужчинам. И он был не уверен, что являлся у неё единственным любовником. Впрочем, она как-то сама признавалась, что кто-то был у неё. Но Михаил этим типом не интересовался.

– Знаешь, мне не о чем думать. Я об этом не имею никакого представления. И вообще, ты хоть опиши её внешность, чтобы я хотя бы приблизительно имел о ней представление.

– Неужели у тебя их столько много, что ты не знаешь, о какой именно дамочке идёт речь? – саркастически спросила Алла.

– А что ж ты думаешь, у меня мало знакомых, просто знакомых женщин, и среди них наверняка найдётся хотя бы одна, которая завидует тебе и мне, что живём мы на редкость дружно. Скажем, твои и мои одноклассницы или с кем работал в таксопарке и тому подобное.

– Как умеешь ты ловко выкручиваться! Но разве для этого не нужен повод?

– Господи, да что ты заладила? – повысил тон Михаил. – Представь себе, я не знаю какой. Как ты выразилась, дамочке стукнула моча в голову. Ну вот поверь, не знаю! – развёл он руки в стороны, вытаращив на жену глаза.

– Хорошо, Миша, хорошо, два штриха: она была в дублёнке, с белым воротником, какие ты привозил из Польши, а ещё у неё такой остренький любознательный носик, как бы книзу пригнут, на кончике слегка, и глаза такие большие, зелёные, как у лягушки, – засмеялась Алла лёгким истерическим смехом. Но за ним Михаил уловил хорошо запрятанную ревность жены,

и она больно кольнула его взглядом. Он впервые почувствовал свою неисправимую вину перед ней. «Она же не заслуживает моих безобразных измен», – подумал он, наклонив голову вперёд. По точно названным признакам Михаил понял, что речь шла о Евгении, да, он привозил ей дублёрку. Но у неё муж ходил в загранку на судне и мог вполне привезти.

– Я вижу, ты догадался, кто эта женщина, но ничего мне о ней не говори, Миша. Завтра тебе отправляться в дорогу, и потому я не собираюсь портить мужу настроение. Я думаю, это недоразумение само рассосётся, как беспричинный нарыв. Хотя в медицине таких нет, это и дураку понятно, то есть всякий нарыв вызван какой-то инфекцией. А теперь давай поужинаем. Где там наш сын?

Но когда Алла вела Витальку в кухню, она подумала о Марике, который подвёз её сегодня к дому. Она не собиралась о нём рассказывать мужу, чтобы не закралось тому о ней дурное подозрение, будто бы она всё ещё равнодушно относится к своему бывшему жениху. Хотя не помешало бы Мише и отомстить. Ведь отныне она уже знала точно, что у мужа была женщина, и это с насадной болью отозвалось в её душе, чего она не показала Михаилу.

Семья Данилкиных наконец села ужинать в смутном настроении неуверенности, что мир и покой отныне покинул их квартиру, во что не хотелось верить...

Глава девятнадцатая

Во второй половине декабря Семён, как делал это и раньше, частями принёс домой целый блок сливочного масла, какого в магазинах в те времена почти не было в свободной продаже. Валентина помогала мужу сбывать соседям и у себя на работе. Когда Семён узнал, что жена продавала соседям масло, он накричал на неё, полагая, что та в два счёта может погубить его, так как ушлые женщины из их двора знали всё наверняка, что он работал на молокозаводе, откуда тащил это проклятое масло.

– Вот что, Валька, ты меня под монастырь не подводи своими дурацкими выкидонами, – заговорил грубо Семён. – Эти бабы завистливые, любая из них капнет в милицию на меня и не поморщится, такой вы паскудный народ, бабы! – отчаянно, злостно проговорил он.

– Ох, да нужен ты им больно! Они сами побольше тебя несут: одна из магазина, другая на складе работает, что же, они не воруют? – возразила Валентина. – И куда, по-твоему, я должна носить продавать, на рынок? А там вот скорее заинтересуются, где я беру масло. Там переодетые в гражданку обэхээсники шныряют по торговым рядам. Мои бывшие с кондитерки всё знают, вот уж кто наживается...

– Вот что я предлагаю: подключи к делу Юльку. Она, как я вижу, поумнела уже, разобралась в жизни, вот этой стрункой она мне уже нравится, а то честной собралась прожить, дураки одни и живут! Власти сами приучают тащить, надо платить хорошо, чувство хозяина воспитывать, а то развели принудительный коллективизм...

– Да, да у неё Коля из части что хочешь приносит – полный холодильник говяжьей тушёнки и сливочного масла тоже завались...

– И что, она уже подторговывает этим добром? – не без зависти поинтересовался Семён и при этом его серые глаза живо блеснули, но он притупил взгляд.

– Я не спрашивала, Сёма. Да какая тебе разница! Нет, я думаю, ей некогда, она и не баракхольщица и не торговка. Это её кто-то попросил...

– Ну и ты попроси. Пусть втягивается как надо в работу, привыкнет, привьётся живчик наживы, и тогда сама не бросит.

– Ой, а в кафе, думаешь, своего масла нет?

– Пускай тогда в своём околотке предлагает и своё и наше, – настаивал Семён.

– Ты боишься, что я тебя подведу под монастырь, а ты не боишься, что Юлю подведёшь? – уставилась проясненно жена.

– Чего ты заладила? Может, она что-нибудь умнее тебя придумает...

– Ох, Сёма, не нравится мне ни её затея, ни твоя...

– Это не моя выдумка, так сама жизнь подсказывает. Тебе нечего это объяснять. Зайди к сестрице, пригласи, дескать, работа есть. Я сам с ней поговорю, да, пусть придёт...

Валентину не нужно было толкать в спину, она в тот же день исполнила просьбу мужа и объяснила Юле суть дела.

– И он мне доверит? – спросила она, не веря, что Семён сам хочет попросить её поучаствовать в спекуляции сливочным маслом.

– Конечно, он не предлагал пока, пристал ко мне: зайди да зайди! А ты тушёнку продаёшь? Не дашь ли мне и Светке хотя бы по паре банок?

– Приди, так и дам! Мне не жалко. Коле, я может, поостерегусь сказать до тех пор, пока он сам не спросит.

– Нет, дорогуша, объясни ему всё, как есть! Что же ты, мужу не доверяешь? – хихикнула Валентина подбострастно.

– Он не говорил мне, что надо загнать военный паёк.

– А ты бы сама догадалась, может, он от тебя ждёт, когда ты сама проявишь деловую смекалку?

В следующий раз Юля съездила к Валентине, и она заполнила сливочным маслом большую сумку под завязку.

– Слушай, а пусть Семён Иванович приносит ко мне домой. Такие тяжести в положении таскать на себе я не собираюсь. Сколько денег я должна отстегивать в свой кошелек? – смело спросила она.

– Вот ты как заговорила!? Это Коля на тебя так подействовал?

– Ну ты как скажешь, – засмеялась младшая сестра. – А то я сама не вижу, что кругом происходит...

– Ты только будь предельно осторожна, – с этими словами она пошла проводить сестру на автобус, неся тяжеленную сумку.

– А Коля приехал из Пензы?

– Давно уже!

* * *

...Юлия столкнулась с неожиданной трудностью: как продавать людям масло? Ведь самой набиваться им, оказывается, непросто! В воскресенье она работала в кафе, у неё был скользкий график. В этот день должен был заехать с вещами Михаил, для чего она запаслась объёмной сумкой. «Если бы бросить работу и только заниматься коробейничеством», – подумала она.

В кафе она предложила сливочное масло своим коллегам. Хотя те и получали его со склада, но брать свободно не могли, потому что со склада его отпускали по разрядке, и лишних сто граммов никто не брал. И потому предложение Юле всем понравилось. Единственно она боялась заведующую кафе, так как та особо не баловала никого продуктами. Причём с самого начала и на раздаче повелось накладывать блюда клиентам строго по норме. Недаром кафе считалось одним из лучших по культуре обслуживания.

Михаил приехал к ней как раз в обед. В это время в кафе было не очень много посетителей, не так, как в будни. Она вышла к Михаилу в белом высоком поварском накрахмаленном колпаке.

– Привет, Миша, как я рада тебя видеть! – воскликнула, улыбаясь, Юля.

– Здравствуй, Юля, как Николай служит? Его в Афган не посылают?

– Ой, что ты, сплюнь, я так боюсь этого Афгана...

– А, понятно, скоро у вас прибавление, – сказал Михаил, глядя на её полнеющий живот, и глаза его почему-то залучились, словно это был его ребёнок.

– Да, Миша! – застенчиво улыбнулась она.

– Пойдём посидим в машине, обсудим наши дела.

Машина «Жигули» стояла у обочины дороги. Юля опустила глаза и молча пошла рядом с приятным, обаятельным мужчиной, от которого веяло на неё каким-то благородством и душевностью. Он открыл ей дверцу, Юля села на переднее сиденье. Ах, как ей охота с ним прямо сейчас куда-нибудь умчаться и чтобы никто их не нашёл. Но этого она никогда не делает, и вовсе не потому, что Миша был друг Коли, просто у неё есть муж и больше ей никто не нужен. Между её сокровенным желанием и этим умозаключением, однако, улавливалось явное противоречие, но Юлия этого не замечала, так как с Мишей ей было исключительно хорошо, как с другом Николая. Но если бы она вот так же сказала кому-нибудь, её, конечно, никто бы не понял или посчитал бы лукавой женщиной, скрывающей даже от себя правду. На самом деле Юля ничего не скрывала, не утаивала и не афишировала свою деловую связь, хотя уже некоторые догадывались об их необычных отношениях.

– Евгения когда работает? – спросил он.

– Она вчера была, а я весь день сегодня. Завтра опять буду я, она – во второй смене. Кстати, приехал её Кузьма, теперь вам лучше не встречаться. Правда, она почему-то очень злится на меня. Я боюсь, как бы до моего мужа не дошло, что мы с тобой поддерживаем деловые отношения.

– Ничего, я с ней поговорю. Не думал, что она станет претендовать на что-то большее...

– Что-то случилось?

– Она ходила к моей жене в школу, но я ей покажу... выдумала же?... Больше я ей ни одной шмотки не принесу.

– Тогда она совсем с ума сойдёт.

– Ничего. Боцман дома – не разгонится, я врежу ей промеж глаз, так сразу станет шёлковой.

– Ты как блатной, аж мне стало страшно!

– Ладно, к делу. Как сумку вынести из багажника? Слишком заметно.

– Давай ко мне домой. Или нельзя? Коля... ой, а что, если к сестре Вале? С ходу и отве-
зём?

Юлия быстро скинула поварской колпак, развязала белоснежный передник и положила на заднее сиденье.

– А тебя в кафе не хватятся?

– Я попрошу мою напарницу... присмотрит за раздачей и прикроет, если возникнет необходимость отпустить клиентов.

Они быстро поехали, правда, к Туземцевым ехать было недалеко. Он свернул в первую же улицу и, больше никуда не сворачивая, ехал прямо.

– Ты что-то недоговорила? Ты сказала: «Коля», а дальше что?

– По правде говоря, ничего особенного. Я бы не хотела, чтобы муж знал что-либо о наших отношениях.

– Ведь мы же с тобой не любовники? Я ему хотел это объяснить в тот раз, когда он приходил ко мне домой, но он меня даже не выслушал...

– Он говорит, что сам себе не доверяет, а другу – подавно, что ты запрещаешь ему общаться с Аллой, поэтому хочет, чтобы и мы с тобой не поддерживали деловых отношений. Я слышала, что твоя жена педагог?

– Да... но это он так зря обо мне плохо думает. Я поговорю с ним. Пусть не задуривает мозги своими пустыми бреднями.

Когда они приехали, Валентина была дома, а Семён с утра подался на подледную ловлю рыбы. Поэтому Валентина без особых препятствий впустила Юлию с Михаилом.

– Это мой лучший друг! – смеясь, представила его сестре.

Михаил поставил полную вещей сумку, поздоровался с круглолицей, светловолосой и полноватой хозяйкой в простом домашнем платье.

– Очень хорошо! – воскликнула Валентина, одаряя улыбкой импозантного мужчину. — Только чтобы муж про друга не узнал, – она весело засмеялась, хватаясь рукой за рот, понимая, что сболтнула лишнее.

– Миша и Коля друзья, так что придержи свою нездоровую фантазию, – недовольным тоном проговорила Юлия.

– Тем более хорошо! Я же пошутила...

– Ну ладно, вечером обязательно заскочу, без меня вещи не смотри. Мне пора сейчас быть в кафе, а я здесь торчу...

– Какая ты счастливая! Каких мужчин имеешь! – опять не сдержалась Валентина, заинтересованно глядя на Михаила, который молча улыбался...

Потом он привёз Юлию в кафе, она подхватила свой поварской атрибут и резво убежала в кафе с румянцем на круглых щеках, при этом почти не ощущая своей беременности.

Михаил постоял, закурил неторопливо, в приоткрытое окно выпустил струю дыма и уехал восвояси. «Пока я встречаюсь с Евгенией, Юля будет это вполне нормально или хотя бы терпимо воспринимать, – думал он, – наверное, я ей нравлюсь, но она этого не показывает. Хорошая баба, какая бы ещё женщина предупредила насчёт боцмана. Но я скоро завяжу с этой дурой, хватит. Значит, она отключила телефон, потому что приехал муж».

Михаил поехал на улицу Октябрьскую, где жила Евгения в трёхэтажном доме. Она должна была увидеть машину, про себя решил он, остановившись напротив. Михаил посигналил, чтобы та выглянула в окно, он уже так делал не раз, правда, тогда не было мужа, но она всё равно не впускала его. Какая разница, ведь люди могли увидеть, как Евгения садилась в машину и они уезжали подальше за город. Салон автомобиля служил им спальней.

Фигура Евгении мелькнула в окне и пропала. Через пять минут она торопливо вышла и подошла к нему.

– Ну ты сообразил подъехать! – сердито сказала она.

– А что, боцман дома или сосед зашел? – весело бросил он.

– Не остри, просто муж пошёл в магазин, а потом поедет на рыбалку...

– Мало ему морской рыбки?

– Ему милей река, соскучился...

– А по тебе разве нет?

– Миша, не остри, а чего ты сейчас приехал? Я бы тебе позвонила, а сейчас поехать никак не могу.

– Вот и хорошо! Замнём, однако, ты хорошая пройдоха, не думал, что придёшь к жене.

Садись в машину! – крикнул он.

– О чём ты говоришь, Мишенька? Это тебе Юлька набрехала?

– Причём тут Юлька? Если сама перед каждым ноги раздвигаешь, думаешь, что и она такая?

Евгения покраснела, ей всё стало понятно, выходит, жена проговорилась?

– Разве твоя жена знает меня? Я уверена – не знает, может, это была другая женщина? Ведь у тебя я не одна?

– Но у тебя одной такой нос, так что хватит! И больше ничего не будет от меня; о тебе я думал лучше, а ты стервозная, подлая бабёнка.

– Да, я так и знала, как только Юльку подключил к продаже шмоток, так я тебе сразу надоела?

– Это не твоё дело, советую не высовываться. У меня к тебе всё! А надо бы печать под глаза поставить. Без этого ты не можешь...

– Ну и пошёл, катись, нужен ты мне, сам кобель! – она резко повернулась и ушла, гордо неся голову.

Михаил посмотрел на окна дома, где, как ему показалось, никого не было. А ведь у него было намерение под благовидным предлогом познакомиться с Кузьмой Дубакиным для расширения своих деловых связей. Но теперь этот вариант сотрудничества, похоже, отпадал, но в то же время от которого он пока не отказывался. Михаил поехал к музыкальной школе на Атамановскую. Нет, он уже никак не мог обходиться без посторонних связей с приличными женщинами. Вот и Лера была по-своему хороша, к тому же с мужем давно разбежались. С ней легко общаться, хотя иной раз она вела себя внешне с показной холодностью, будто была равнодушна к сексу, и вместе с тем отдавалась с азартом, что, казалось, ей было совершенно несвойственно. И в то же время Михаила к ней тянуло не только то, что можно было переспать (по её словам, без этого она и сама могла обойтись), просто Лера хороший и надёжный товарищ и подходила для поддержания его дела, ради которого и постарался забыть её недавнее увлечение. Сейчас как раз она вела урок.

Михаил поехал в бар, где у него также были налажены связи с барменами и официантками. Он завёз им пакет импортных шмоток, получил деньги за предыдущую партию. Покурил, выпил поднесённый безалкогольный коктейль и поехал опять к музыкальной школе. Лера и какой-то мужчина стояли у входа и увлечённо разговаривали... Михаил не вышел из машины и продолжал сидеть. «Кто бы это мог быть? – подумал он. – Может, мент или тот самый её тайный обожатель? Или её коллега?» Но на музыканта он был не похож. Слишком лицо грубоватое, неинтеллигентное. И чтобы тут зря не светиться, Михаил уехал. На ходу он посмотрел в смотровое зеркальце.

Лера всё так же что-то втолковывала мужчине, и он решил, что так разговаривают только учителя с родителями. Он видел, как Алла беседовала с ними, и создавалось впечатление, словно за что-то она их отчитывала.

Глава двадцатая

Вечером надо было заехать в детсад за детьми. Но Юлия позвонила туда, сказав, что задержится на час. А сама пошла к Валентине посмотреть вещи Михаила, он сказал, что всё это добро тянет на пять с половиной тысяч, а там – как удастся ей продать, он разрешает по своему усмотрению накинуть десятку-другую сверхустановленной им таксы, но не больше.

Семён, наверное, был давно дома. И она не ошиблась: он сидел на кухне в задумчиво-сосредоточенной позе и дымил папирсой. Юлия отдала ему деньги за проданное масло. Но это были пока не всё. Дома в холодильнике ещё оставалось масло, которое собиралась продать в своём подъезде. Семён со ста семидесяти пяти рублей должен был дать ей двадцать пять рублей. Но Юля не взяла ни рубля, сказав, что возьмёт, когда продаст всё масло.

Она пересмотрела все вещи: в сумке лежало десять джинс «Монтана», которые брали за штуку по триста рублей, затем десять японских зонтиков и джинсовые юбки, платья сафари и батники. Она не взяла домой ни одной вещи исключительно из опасения, чтобы не увидел муж и что у неё от него появилась тайна, Юлию это немало тревожило, так как омерзительно жить как бы с оглядкой, но обстоятельства были сильнее её.

– Ну и что ты будешь с ними делать? – спросила Валентина не без некоторой зависти.

– Как что, продам! Сейчас вынесу сумку на улицу – все сбегутся, – весело, с озорным блеском в глазах ответила Юлия.

– Ну да, и тут же схватит милиция, у нас завистливых людей полно, – засмеялась сестра, словно намекая и на себя.

– Ничего, за это не посадят...

– Ты серьёзно так думаешь? – удивилась она. Неужели перед ней та самая Юлия, которая в своё время, работая в санаторной столовой, конфликтовала с завстоловой?

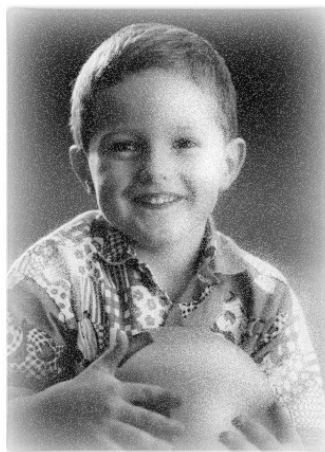
– А что же, я должна сидеть сложа руки или париться в кафе за сто двадцать рублей? Я зайду к Светке, может, она найдёт покупателей?

– Ну да, она найдёт, а ты себе денежки положишь в карман? – засмеялась сестра, и за её смехом скрывалась завуалированная укоризна.

– Ты думаешь, мне много выгорает на этом бизнесе? Значит, позавидовала, я это вижу, некрасиво, некрасиво завидовать сироте, – и осудительно покачала слегка головой, не скрывая презрительной усмешки.

– Не знаю, без выгоды для себя не продавала бы. Я уж пошутила, какая же ты сирота, вон дети при тебе и я рядом, – пожурела она. – Смотри, про шмотки узнает Коля – пропала! А этот мужик хитрый, какой пижон, машину имеет за ворованные деньги. Грязные дела он творит. Попадётся и тебя за собой потянет. Вот будет слава!

– Что ты меня пугаешь? Почему не помочь хорошему человеку? Не буду тебя просить...



– Домой шмотки понесёшь? Лучше всё не тащи, возьми часть, а если муж спросит, скажи, что на работе дали примерить.

– Я заеду к знакомым, а домой не повезу. А то Коля с ходу поймёт, что к чему.

Юлия поехала всё-таки к Светке, которая была дома, а Игорь тем временем спал пьяный. Племянница пригласила соседку, которая примерила платье сафари и тут же взяла его. Потом она позвала своих подруг. И почти вся площадка семейного общежития расхватала шмотки: кто джинсы, кто платье, кто юбки, кто зонтики и батники. Юлия осталась весьма довольна итогом продажи. Наконец она вспомнила о своих детях и поехала за ними, детский сад находился в старой части города, в самом центре, так что ей пришлось из Черемушек ехать назад...

Когда она с Женей и Варей приехала домой, было десять часов вечера. Николай ужинал сам, а потом смотрел телевизор, шёл какой-то детектив по Артуру Конан Дойлю.

– Ты что, вторую смену отпахала? – спросил муж, не глядя на жену, которая раздела детей и велела им помыть руки.

– Нет, дорогой, я заезжала к племяннице по просьбе сестры... – соврала она так легко и естественно, что даже сама удивилась этой открывшейся способности.

– Долго заезжала! – лениво проговорил муж.

– А что? Пока поговорили... Светкин Игорь пьяный, она жаловалась, что вконец распустился. Ну не уйду же от неё сразу...

– Где ты взяла столько масла? Весь холодильник им забила, тушёнку некуда девать.

– Семён Иванович попросил продать, я тушёнку Вале дала. Ты ругаться не будешь?

– Я думал, что на масло выменяла. Где же ты его будешь загонять?

– Может, предложу соседкам. В другом подъезде.

– Вот что, у нас в части намечается вечер под Новый год. Журыкин пригласил всех жён офицеров. И тебя пригласил.

– Разве он меня уже знает? – неподдельно удивилась она.

– Конечно нет. Наверное, хочет увидеть: по части слух пустили, что ты моё сокровище...

– Кто же так постарался? Не твоя ли бывшая напела ему после того раза, когда к нам приходила с детьми?

– Ну, если он придёт с Алевтиной Георгиевной, то Тоньке не увидать тебя ещё разок...

– Хватит и одного раза. У вас всегда такие вечера проходили?

– Бывали, бывали...

Николай решительно встал, пошёл на кухню покурить у форточки. Юлия разогрела гречневую кашу с тушёнкой, посадила детей ужинать.

– Что у тебя нового в части? – поинтересовалась она, что делала весьма редко.

– Пока ничего. Вечер будет, чего тебе ещё надо? Ты, я вижу, рада пойти? – Николай глубоко затянулся сигаретой и выпустил в сторону форточки дым.

- А я хочу на танке прокатиться! – бодро сказал Женя.
- Детям нельзя на броне, – ответил отчим, не глядя на пасынка.

После ужина Юлия пошла с маслом по квартирам, ловя себя на мысли, что о детях думает мало.

– Ты как цыганка, – сказал ей вдогонку Николай, она деликатно промолчала, понимая своё гадкое положение, к тому же тон мужа как бы подчёркивал это, отчего она чувствовала себя не лучшим образом – словно воровка, которая проникла в чужую квартиру. Юлия сейчас в отчаянии подумала, что Николай не отдавал ей деньги – ни аванса, ни получки, будто она недостойна того, чтобы ей доверять семейный бюджет. Он, наверное, считал, что достаточно одного продуктового пайка, а деньгами поважать её необязательно. Наверное, он просто её не уважал и последние дни вёл себя как-то необычайно отчужденно. А может, он уже догадывается о её деловых отношениях с Михаилом и в этом скрывалась вся разгадка его такого странного поведения? Неужели с двумя детьми она не заслуживает счастливой доли? Разве она виновата, что так нескладно у неё сложилась жизнь: первый муж погиб, а второй оказался пьяницей и дебоширом. И Бог, если и есть, почему-то даже и не подумал за неё, сироту, заступиться. Юлия так глубоко прониклась этими чувствами, что от жалости к себе у неё на глазах выступили слезы.

В этот момент она нажала кнопку двери, послышался за дверью дребезжащий звонок. Дверь открыла пожилая женщина с любопытными глазами. Она, когда было ещё тепло на улице, сидела перед подъездом на лавочке с другими женщинами и всегда смотрела на Юлию, чем немало смущала её. И вот сейчас она увидела молодую женщину со слезами на глазах и подумала, что сейчас молодуха станет просить у неё денег.

– Извините, я хочу предложить вам сливочное масло, свежее, – начала Юля. – Я продам, если вам надо, дешевле, чем стоит в магазине, но его сейчас, вы знаете, так трудно достать.

– Что же ты, из Москвы привезла масло? – спросила соседка, подозрительно косясь на Юлю, чем заронила ей чувство неловкости.

– Нет, с нашего молокозавода, просто меня попросили продать. Но я, извините, этого не должна вам говорить, – простодушно ответила торговка.

– А ну, покажи маслице, свежее, правда?

Юлия достала кусок, завернутый в белую хрустящую бумагу, и подала женщине.

– Здесь два килограмма по пять рублей за один килограмм. Масло, поверьте, очень свежее, я сама пробовала.

– Значит, краденое? – женщина, однако, взяла, развернула полупрозрачную бумагу, понюхала. – Ну да, вроде ничем не пахнет. Вижу, хорошее масло, говоришь сколько, десятка? Пожалуй, возьму, а то всегда вечером стоишь, стоишь за колбасой. А утром ранехонько очередь займёшь... – она унесла в квартиру два куска масла и через три минуты вернулась к Юле.

– Вот бери! На заводе работаешь?

– Нет, в кафе... – она взяла две синие пятерки.

– Значит, из кафе взяла масло? Ну, ладно, ладно, не отвечай, понимаю... – она как-то загадочно помолчала. – Может, колбасы принести палку?

– Спасибо, мне не надо... Извините, мне некогда...

– Ты в эту квартиру, шестнадцатую, не звони, там наркоманы собираются, дурака валяют. А к соседям можно?..

– А вам зонтик японский нужен?

– Зачем он мне? Если дочь захочет...

– Я могу принести и некоторые импортные вещи...

– Ладно, ладно... – и она странно посмотрела на неё и почему-то не спешила уходить..

Юлия подошла к другой двери, ей было неудобно, что женщина смотрела на неё, в её присутствии она стеснялась звонить. Наконец она соблаговолила уйти, и тогда нажала кнопку в углу двери, обитой черным дерматином.

Вышел молодой мужчина, Юлия покраснела и несколько замешкалась. Она предложила масло, но мужчина отказался. В следующей квартире взяла немолодая женщина, оказывается, только они и любили масло, тогда как мужчины думали только лишь о выпивке.

Словом, Юля за два часа распродала всё. В холодильнике оставалось ещё немного, и она решила продать его завтра, а теперь уже довольно поздно. Николай уже спал, похрапывая; оказывается, он уложил детей, чем приятно удивил, и Юлия укорила себя, что позволила мужу сделать это, в чём, однако, не находила ничего такого, чтобы ей можно было им восторгаться. Ведь они живут вместе, и если он любит её, значит, должен заботиться и о её детях.

Юлия ополоснулась под душем, смыла дневные грехи; и тотчас стало легко, словно душа помолодела. Она постояла возле зеркала, протёрла лицо огуречным лосьоном, смазала вечерним кремом и легла спать с думами о полковом вечере: нужно ли ей туда идти, если Николай примет такое решение в угоду своему командиру. Если разобраться, она считала, что Николай втайне думает об Антонине, а её, Юлию, воспринимает как женщину по несчастью, оставшуюся с тремя детьми. Неужели он не понимает, что она носит его ребёнка, или полагает, что она просто шутит? С этими мыслями Юля заснула...

Глава двадцать первая

Всякий раз, отправляясь в рейс, Михаил обыкновенно интересовался у жены тем, что привезти ей из вещей. Впрочем, он и сам об этом имел своё представление, так как хотел, чтобы любимая женщина одевалась красиво, чтобы все вещи на ней сидели не просто превосходно, а были выбраны со вкусом, с тщательным подбором каждой детали туалета для тех случаев, когда им предстояло куда-нибудь выйти: то ли к кому-либо на день рождения, то ли просто погулять вечером по городу. Правда, в театр они ходили крайне редко, потому что местный был, на его взгляд, не всегда интересный; совсем другое дело, когда гастролировал какой-нибудь заезжий, причём всё равно какой, так как игра своих актёров была известна наизусть и они казались менее даровитыми, чем приезжие...

Зато на любой новый фильм он отправлялся без разговора. Приглашение жене всегда исходило от него. Хождение по концертам иногда тоже составляло часть культурной программы, хотя заядлыми меломанами Михаил и Алла себя не считали. Они ездили в областной центр на концерты больших знаменитостей, посещение которых считалось как бы хорошим тоном, потому что послушать и посмотреть вживую эстрадных звёзд стремилось всё образованное и культурное общество, увлекавшееся содержательным и разнообразным досугом. Но настоящие меломаны выезжали на такие концерты раз в месяц, а некоторые так даже и чаще.

Увлечение литературой, театром, эстрадой для Михаила уже не считалось той духовной потребностью, без которой нельзя было жить. Он был уже в том возрасте, когда на искусство смотрят избирательней, чем в молодости. Алла на это смотрела целеустремленнее, сознательнее мужа, так как человек должен неустанно повышать культуру, приобщаться к ней не потому, что это становилось модным, а чтобы неустанно духовно развиваться. И всё равно они уже не столь часто ездили на концерты, которые в Ростове-на-Дону проходили во Дворце спорта. Редко ходили в театр, иногда посещали художественные выставки, ходили на вечеринки к знакомым или родным, даже просто гулять вместе им приходилось не всегда, а в последнее время об этом уже не могло идти речи.

Почему так происходило, они толком и сами не могли объяснить. Впрочем, помимо основной работы в последнее время у Михаила появились такие дела, которые постоянно отвлекали его от семьи. Да и у Алла уроки в школе поглощали всё основное время, а потом домашние заботы, занятия с сыном и порой она ложилась спать, когда мужа ещё не было дома. Два года подряд летние отпуска они проводили на побережье Чёрного моря и объездили почти все его известные места. А часть отпуска Алла тратила на заготовку к зиме овощей, фруктов. Родители к молодым Данилкиным приезжали по мере необходимости или из простого желания посмотреть, как живут их ненаглядные дети: может, им надо было чем-нибудь помочь, хотя понимали, что они почти ни в чём не нуждались. И родители были горды тем, что сын обеспечивал семью всем необходимым, а невестку считали очень порядочной, заботливой женой Михаила, с которым живёт она как у Христа за пазухой. И в этом их суждении не усматривалось несколько корысти или зависти. Но и они своим знакомым не без гордости говорили о невестке самые лестные слова (впрочем, справедливые), что Алла действительно первоклассный педагог. Вот только станет ли она когда-нибудь, к примеру, директором школы? Но и то хорошо, что она беззаветно любит своё дело и ставит его превыше всего, бывало, говорила свекровь Зинаида Петровна, а свёкор Виталий Николаевич был премного доволен и тем, что внука назвали в его честь и вообще невестка превосходная мать. Вот только он никак не мог понять: зачем Алла отдала сына в руки другой учительнице? И как невестка ни объясняла, что этим самым она избежала в свой адрес хулы со стороны всего класса, Виталий Николаевич, однако, её не понял, но об этом ни разу не обмолвился Михаилу. Словом, складывалось идеальное представление о невестке и в целом о семье сына, которому повезло встретить замеча-

тельную женщину. И со стороны молодая семья Данилкиных производила именно самое положительное впечатление.

Однако совсем противоположного мнения о их сыне была мать Аллы Надежда Ивановна, полагавшая, что зять совсем не тот человек, который был бы достоин дочери. Конечно, Михаил ей отчасти нравился, но Алле нужен образованный муж. В своё время Надежда Ивановна мечтала выйти замуж за военного, даже одно время работала в воинской части телеграфисткой. Но, насмотревшись, как живут с жёнами офицеры, она окончательно потеряла к ним интерес и стала встречаться с гражданским инженером, за которого вскоре и вышла замуж. Родила дочь, пожила с мужем в ладу три года, а потом он зарядил по делам службы ездить в командировки, и там у него появилась женщина, ради которой бросил семью, а когда тот захотел вернуться, Надежда Ивановна не простила ему измены и развелась с ним. Поэтому к мужчинам, которые не сидят дома, она испытывала глубокую антипатию, не исключением являлся и зять. Михаила она даже безотчетно побаивалась, и вовсе не потому, что тот казался на вид жестким, просто он был каким-то необщительным, каким-то таинственным и, быть может, даже в чём-то непредсказуемым. Впрочем, и Алла тоже особо не отличалась простодушной открытостью, умела держать внутри себя мысли и чувства. Таким, собственно, был её отец, имени которого при дочери после разрыва с ним она старалась не упоминать. Она только всего раз на её вопрос: «Где отец? – сказала ей, что тот живет с другой теткой. И почему-то от дочери больше не последовало уточнений, словно Алла уже в шестилетнем возрасте понимала, что те её слова для неё не означали ничего непонятного. Впрочем, Алла росла достаточно смысленной и сообразительной девочкой...

И Надежда Ивановна больше не выходила замуж, хотя мужчины у неё были, – впрочем, об этом дочь не должна была не только знать, но и видеть их – это было первейшим условием во что бы то ни стало сохранить себя в сознании Аллы совершенно порядочной женщиной, отдающей всё свободное время исключительно её воспитанию... И мать, тщательно следившая за своей внешностью, выглядела молодожаво, и сделала для дочери всё, чтобы она была ничем не хуже других.

Алла была, конечно, весьма благодарна матери, поэтому своего сына поручала ей, а не свекрови, к которой испытывала глубокое уважение. И когда от мужа она узнала, что Зинаида Петровна обиделась из-за того, что ей не доверили внука, Алла сочла нужным извиниться перед свекровью по телефону, так как не нужно было ей смотреть в глаза. И однажды, как бы в искупление своей вины, попросила Михаила отвезти Витальку к своей матери. Да и то это происходило обыкновенно в выходные дни, когда они могли куда-то пойти вдвоём.

Вольный образ жизни мужа Алла даже старалась не замечать. Отношения, построенные с ним исключительно на доверии, её вполне устраивали. Но после странного посещения женщины она задумалась: так ли верен ей муж, как она ему? Хотя она никогда не пыталась интересоваться его, так сказать, неурочными делами. Ей всегда казалось, что их семья стоит на прочном нравственном фундаменте. Она бы никогда не позволила себе кем-нибудь увлечься. И после разговора с мужем о визите женщины она больше не заговаривала, так как её вторжение в их святая святых не пошатнуло равновесия их отношений. Фундамент их семьи несколько не нарушился. Правда, в её душе всё ясней происходили какие-то изменения, Алла ощущала немалую досаду. И как бы она ни скрывала этого, какое-то неприятное чувство исподволь вызревало в душе и всё чаще донимало её. Когда Михаил в тот раз приехал из десятидневной командировки во Францию, она отчётливо поняла, что источник её досады – он. И тогда она заметила, как к нему появлялись у неё вопросы...

Обыкновенно раньше он сам делился впечатлениями от поездки, правда не настолько подробно, как ей того хотелось бы, но она была рада и этому, совсем малому его откровению. Она не любила задавать наводящие на что-то посторонние вопросы и считала неприличным спрашивать: «А сколько женщин у тебя было в пути по делу командировки? Ты считаешь

улыбку женщины поводом к знакомству, что она этим самым тебя желает?» Нет, такие вопросы были не в её характере. Зачем показывать, что ты относишься пристрастно к его жизни вне дома и вашим отношениям...

Алла весьма хорошо усвоила незыблемое правило – не давать повода мужу поставить себя ниже его. Ведь духовно женщина должна быть выше мужчины. Когда ревнуешь, ты унижаешь вовсе не его, а в первую очередь себя. Это первое условие, чтобы не дать ему усомниться в твоей значительности и не скатиться до пошлых подозрений, что муж, как бы ты ни обожествляла ваши отношения, тебе, увы, неверен. Хотя ты по-прежнему считаешь, что это не так, чем себя неотвратимо обманываешь. Но чем же ты заслужила его неверность? Алла при всём желании не находила ответа. Хотя о себе она была такого высокого мнения, что в природе нет лучше женщин, чем она. Правда, долгое время она так и считала. А потом с годами супружества стала понимать, что в постели ведет себя, как аскетка. Впрочем, она это поняла, когда нашла у мужа цветной порнографический журнал, который ей открыл глаза на то, чем втайне он интересовался, но своей жене не объяснял. Алла пришла к мысли, что у Михаила от неё имеются серьёзные интимные секреты, тогда как она знала – между супругами их быть не должно. Если они у него есть, то почему их не должно быть у неё? Она понимала, что такие рассуждения могли увести её далеко. Хотя она уже знала, что между мужем и женой трудно достигнуть единого духовного притяжения, а может его и нет вовсе, чаще всего из-за несоответствия взглядов, воззрений, их разделяет пропасть, которая не соединяет их внутренние миры, а разъединяет...

Алла к тому же открыла, что всё время себя обманывала, полагая, что они живут душа в душу. Наоборот, их отношения были построены только на глубоком понимании того, что во всех отношениях он сильный мужчина, способный содержать семью в приемлемом достатке. Семейный ковчег муж построил сам, и она чувствовала себя в нём всегда надёжно. Но было неожиданно странно обнаружить, что этот их мир довольно хрупок, а потому не может быть надёжен. Значит, в этом отношении Михаил вовсе не такой уж надёжный, если к ней приходила какая-то сомнительная фривольная женщина. А что тогда ждать от него в дальнейшем?

Эти открытия так сильно взволновали Аллу, что она впервые испытала душевную муку и почувствовала себя глубоко несчастной. «Какая же я дура, возомнившая, что для мужа не могут существовать другие женщины, кроме меня, – думала она. – Почему я полагала, что он не может нравиться женщинам только потому, что женат, что потому он никому не нужен?»

Но поговорить с ним она почему-то не осмеливалась. А журнал давал лишний повод думать, что муж с помощью него интересуется, как это происходит у других. Значит ли это, что он не довольствуется одной ею и потому у него на стороне могла вполне быть женщина? Правда, Алла была вовсе не тот человек, который гадает на кофейной гуще. Надо думать, что завистников, которых она не знает, много, поэтому нечего терзать себя нелепыми подозрениями, что Миша ей неверен. Больше она об этом и не подумает... Эта мысль привела её в хорошее настроение, хотя неприятный осадок в душе сохранялся. Когда Алла перебирала на столе учебники, под одним она увидела листок с номером телефона Марика, который приглашал её в ресторан. Сейчас она подумала, что он это сделал так нагло, будто она была не замужем, что его совершенно не волновал её муж. И она вспомнила, как тогда ему вежливо улыбнулась, а он помахал рукой так, будто их прежние отношения сохранились. Она повертела листок, смяла его, но задумалась, зажав в кулаке – словно всю свою прошлую жизнь. Но потом Алла разжала пальцы, разгладила листок, пробежала глазами по цифрам и всё-таки решила позвонить бывшему кавалеру. Как раз Михаил утром уехал в рейс, а ей можно узнать у Марика о том, чего хотят или ждут мужчины от женщины в постели.

– Марик, привет! Как дела? – спросила она, когда услышала его манерный тон.

– О, как я ждал, как я ждал этого мгновения! Ну что, мы с тобой отметим новое знакомство?

– Я должна сына отвезти к матери, а потом жди меня возле гостиницы «Южной».

Через час с бывшим женихом она сидела в том самом ресторане за столиком в уголке, в котором Юлия и Николай праздновали своё бракосочетание. Марик был в костюме, при галстук, да и она, как всегда, выглядела весьма элегантно, от неё было трудно оторвать глаз.

– Ты чертовски пикантна! – воскликнул Марик. В отличие от неё он уже действительно никогда не снимал очки, которые придавали его лицу расчётливое и хитрое выражение; без очков же он казался простоватым и почти беспомощным, блеск в глазах мгновенно потухал и он не видел ничего дальше своего носа.

Марик доверил ей выбрать на свой вкус блюда, любой крепкий или слабый спиртной напиток. Алла ничего крепче шампанского и в свои лучшие годы не пила. Но в тот вечер от нескольких бокалов она окосела и полностью оказалась в его власти. Похоже, сейчас он хотел того же самого, что и тогда, много лет назад. Но естественно, вовсе не в ресторане — после Марик собирался отвезти её домой, несмотря на присутствие своих родителей. Впрочем, за ним оставалась комната в коммунальной квартире, куда в своё время не захотела пойти жена Анжела, с которой по-прежнему жили врозь. Хотя в техникуме иногда виделись, но он к ней проявлял поразительную холодность, и она отвечала ему ледяным выражением на лице. Но Марик нарочно не замечал в её глазах непреодолимую злость, которая превращала жену в чопорную равнодушную особу. И потому для него она не существовала, впрочем, он готов забыть её навсегда, если с Аллой завяжутся нужные ему любовные отношения. На заводе после Нового года ему обещали дать квартиру. Официантка принесла заказ, расставила на столике молча, пожелала им приятного вечера и чинно ушла восвояси.

Марик с мягким хлопком открыл задымившееся шампанское и налил Алле и себе по полному бокалу.

– Ну, за тебя, восхитительная! – поднял он несколько важно бокал и чокнулся с её бокалом – раздался долгий колеблющийся звон хрусталя, отдававшийся в душе каким-то томительно-смутным волнением. И для начала они выпили понемногу, приступив к блюдам, обильно украшенным петрушкой, свежими помидорами по поджаристому золотистому картофелю и бефстроганову. В зале было нёмного посетителей, и потому преобладали пустые столики, покрытые накрахмаленными белоснежными скатертями.

– Скажи, как хорошо, что мы здесь в такой день почти одни! – приподнято сказала Алла. На ней восхитительно сидело голубое платье из дорогой импортной ткани, светло-русые волосы были превосходно уложены в волнообразную причёску, на груди поблескивал кулон с голубоватым камнем в тон платью. В ушах сияли золотые сережки с бирюзовыми камешками.

– Превосходно! Значит, у тебя всё хорошо дома? – лукаво спросил он.

– Думаешь, если я тебе позвонила, то я решилась на это от отчаяния? – улыбнулась она, аккуратно пережевывая хорошо приготовленную пищу. На её слова Марик только пожал плечами, а глаза за стеклами очков настороженно блеснули.

– Тогда ты не особо боролся за своё счастье, – продолжала она. – Я подумала, что между нами были только платонические отношения, перешедшие одни раз по моей глупости в интимные. Мы быстро привыкли друг к другу.

– Ты хотела, чтобы я вызвал на дуэль того, кто быстро вскружил тебе голову? Я тогда решил довольно просто: женщине надо обещать сразу золотые горы, чтобы она безоглядно в тебя поверила. Я этого не сделал, а он, похоже, в этом преуспел.

– Ничего такого, что ты сказал, не было, никаких золотых гор! Это твоё мнение, просто я влюбилась, тогда как ты мне – да, делал предложение. Если бы ты повторил, настоял, я бы заколебалась и, может, выбрала бы тебя, хотя в тебе я сомневалась. Ты при положении, а я...

– Давай выпьем! – предложил он, не дав ей договорить.

Алла выпила, как и он, всё вино.

– Ты мне нравишься своей решительностью, но почему твоя решительность, – заговорил он, – была похожа на отчаяние, неужели ты променяла любовь на преходящую влюблённость?

– Не знаю; впрочем, я с тобой чувствовала себя не так уверенно, как с ним. Ты слишком был занят наукой, своими статьями. Ты науку ставил выше меня, а женщины этого не прощают...

– А сейчас простила?

– Дело не в этом. Мужа я люблю. Больше этого объяснять наши отношения не буду...

– А что тогда, кроме моего приглашения, тебя ко мне привело?

– Ты такой же самонадеянный хвастун, – грустно сказала Алла. – Давай ещё выпьем, я должна с твоей помощью разобраться в отношениях мужчины и женщины. Ты как научный деятель знаешь, чего хочет мужчина от женщины?

– Конечно, знаю, а для начала научного диспута выпьем, – он быстро налил ей полбокала и себе столько же. Когда опорожнили бокалы, Марик уставился на Аллу почти в упор, точно гипнотизировал.

– Я слушаю тебя.

– Зачем преуспевающему, опытному мужчине порнографический журнал? Остальное я спрашивала раньше...

Марик улыбнулся несколько удивлённо, его глаза приняли сумрачный оттенок, он опустил голову, точно соображал, и почти тут же поднял с каким-то загадочным выражением лица.

– Право, этого я не знаю. Может, это обычное любопытство к чужой жизни, хотя ты должна понимать, на что направлены такие журналы. У нас, безусловно, его не издают. Значит, в нашей стране внутренние враги с помощью западных подрывают нравственность. Как мы любим говорить, проводят идеологическую диверсию.

– Вот это правильно! Но журналы всё равно попадают. Появляется желание разврата? Или мечта о несбыточном?

– Но, наверное, это одно и то же. Ты хотя бы раз видел цветной журнал «Плейбой»?

– О да, много-много раз! Ты Фрейда читала?

– Нет, слышала. Да где его возьмешь, когда в библиотеке ни за что не достать. Нужно особое разрешение. Я психологией не занимаюсь.

– Смотри, мы уже выглушили почти всё шампанское! Ещё закажу, будешь? Может, у меня продолжим, и там отвечу на твои детские вопросы, – он озорно засмеялся.

– А что ты смеёшься? Так с ходу и поехали, а что я тогда матери объясню? Потанцевали хотя бы для приличия...

Алла опьянела, у неё появилась какая-то бесшабашная смелость. Марика она почему-то не считала чужим, но ей было всё-таки страшно, что она с ним может разрушить созданный с мужем семейный союз. И всё потому, что для неё открылся его неизвестный мир, который возбуждал своей таинственностью, и она хотела понять интимные желания Михаила, которые он носил в себе и пытался удовлетворять на стороне.

Глава двадцать вторая

Ссора с Николаем для Юлии произошла совершенно неожиданно; она боялась, что деловые отношения с Михаилом как раз и могли взбесить его, привести в исступление. Ведь она знала вовсе не на словах, что такое мужская ревность: ещё были живы в памяти сцены, которые устраивал по пьяному делу её второй муж Вячеслав. Но Славик Николаю в подмётки не годился, этот намного выдержанней и разумней того. Хотя и Николай был очень характерным и по каждому поводу не ревновал её, держа свои чувства при себе. Может, только поэтому Юлия считала: если муж и узнает о её отношениях с Михаилом, то поймёт, почему она стала подпольщицей, почему её так неудержимо влечёт тайный бизнес – просто ей нужны хорошие вещи и побочный заработок. К тому же, если надо, она объяснит ему, что он, Николай, не отдаёт ей деньги на содержание семьи. В глубине души как раз это могло оскорбить любую женщину, но Юля, испытывая унижение, терпела...

И вот за десять дней до Нового года Николай решил свозить Юлю к своим родственникам, хотя собирался это сделать гораздо раньше, а точнее – ещё осенью. Но тогда совершить поездку реально не позволяла служба. А потом перенёс её на после новогодние торжества. Юлия тогда вздохнула: мол, слава Богу, он избавил её от новых испытаний. И полагала, что за своими служебными делами Николай откажется от своей затеи. В пятницу он пришёл со службы в хорошем настроении и сказал, чтобы завтра она готовилась к поездке в станицу Багаевскую.

– Зачем? – спросила она, позабыв даже, что его родители жили именно там, вблизи самого батюшки Дона.

– Как зачем? К моим старикам! – раздражённо бросил он.

– Ты же собирался это сделать позже.

– После Нового года наш корпус отправят на тактические учения, конечно, это только предполагается. Говорят, командующий округа прислал секретную депешу, содержание которой не разглашается.

– Коля, а может, ты сам съездишь? Ну подумай, мои дети чужие тебе. А что подумают о тебе родители? Скажут, своих детей променял на чужих.

– Ох ты какая умница! Я уже сказал отцу, да, он всё знает, второго ребёнка та, бывшая, нагуляла. А с дочерью, ты сама видела, у нас раздраз. К твоим чадушкам я уже привык, как к своим детям, хорошие ребята. Но они же не виноваты, что так получилось у тебя с бывшим мужем, их отцом?

– Да, верно, – она вздохнула. Юлия сейчас даже не знала, как объяснить Николаю, что уже один раз в жизни испытала нравственную муку, когда первый муж возил её к своим родителям. И теперь, похоже, повторяется та же история, только в новых условиях. Юлия опустила голову, качнула неопределённо, поднесла к губам руку, стала кусать свои ногти. Её глаза вдруг наполнились слезами, и она украдкой другой рукой вытерла мокрые глаза. Потом достала платочек из кармана домашнего платья. Юлия не позволяла себе ходить в халате при муже, что она усвоила ещё от первой свекрови Зои Сергеевны, которая никогда дома не надевала халат, и потом она тоже стала так делать. А Славик, видя её в платье или юбке и кофточке, почему-то думал, будто она куда-то метила втайне пойти.

– Зачем я тебе сказал – едем! Пойми, надо так надо, моя радость!

– Коля, я люблю тебя за твоё доброе отношение к детям, но поехать, извини, не могу никак! – она это проговорила, не поворачиваясь к нему.

– Это что за ответ я слышу? Ты меня обижаешь, они давно меня ждут. А ты ведёшь себя, как скрывающаяся от правосудия преступница. Посмотри на себя, разве могу я скрывать от них такую красавицу?

– Тебя одолело тщеславие, а ты не думал, что у меня не такое происхождение, как у тебя?
И причём здесь преступница?

– Выходит, я должен ехать сам или вообще не ехать, а может, пригласить Антонину? – закричал неистово Николай, и Юлия испугалась.

– Приглашай кого хочешь, – упавшим голосом сказала она, по-прежнему не глядя на мужа.

– Вот как? Очень хорошо, так и сделаю: сейчас выйду на улицу, остановлю красивую девушку и попрошу сыграть роль моей жены за деньги! Как тебе это понравится?

– А что ты кричишь, какая дурочка на это согласится? Видишь, дети спят... – шептала она испуганно.

– Я уверен – согласится, когда дам пару сотен.

– Ах вот на что ты приберегаешь деньги! – повернулась к нему она, полная внутреннего отчаяния.

– На что я собираю – я знаю! Ты меня заводишь своим диким, тупым упрямством! Всё, я сказал – едем! – с этими словами Николай пошёл курить на кухню.

Юлия села на диван, уткнулась в свои ладони лицом; она не заметила, как с раскладушки поднялась Варенька и подошла к ней, став рукой гладить по её гладко зачесанным черным волосам, в которых были видны первые сединки. И Юлия всё собиралась перекрасить волосы, но без разрешения мужа, наученная горьким опытом, пока не решалась это сделать.

– Мама, а я дядю Колю не боюсь, он хороший, – заговорила тихим голосом дочь, наклоняясь к лицу дочери.

– А чего ты не спишь? Он разбудил? Я знаю, что он хороший, – прошептала Юлия. – А ты можешь меня выручить, Варюша: завтра утром притворись больной, ну что животик болит. Я не могу ехать с ним в станицу, ты меня только пойми правильно...

Юлия понимала, что она с детства приучает дочь ко лжи, и смирилась с тем, что её просьба кощунственна, противоречит здравому смыслу. Но она была вынуждена идти на это сознательно, так как не видела для себя выхода из непростой ситуации.

– Хорошо, мамочка, а мне только жалко дядю Колю и тебя жалко, я тоже хочу побыть дома, а то так надоело ходить в садик...

Юлия знала, как Варенька иногда пыталась притвориться больной, только чтобы не идти рано утром в детсад, где она от одного мальчика узнала, как надо притворяться хворым. Она тогда рассказала о дочкином притворстве Валентине, и та объяснила, что маленькие дети намного лучше взрослых могут быть артистами. Юлия знала, как дочь, бывало, настороженно взирала на отчима, а ей вот вдруг призналась, что его не боится – видимо, ради того, чтобы она, мать, была спокойна и никогда бы не выговаривала мужу на тот счёт, что он не очень любил уделять детям внимание. Хотя бывало довольно редко, когда Николай действительно по своей воле играл с ними, но было заметно, что он это делал не от всей души.

Варя легла спать, а Юлия, поцеловав дочку, пошла в ванную. Проходя мимо кухни, она увидела Николая, сидевшего лицом к окну, а на подоконнике стояла початая бутылка коньяка. Сколько за всё время он выпил бутылок этого напитка – она, конечно, у него никогда не спросит. Но его такая всеядная привычка не могла её не тревожить...

Утром Варя не встала из своей постели. Николай пошёл умываться. Юлия убирала постель сына, так как он проснулся раньше всех и рассматривал книжку сказок с цветными картинками.

Отчим вошёл в комнату, увидел, что Варя продолжает лежать в постели, состроив на хорошеньком личике кислую гримасу.

– Мама, у меня болит животик, – почти плаксиво проговорила она нарочно при отчине.

– Вот ещё час от часу не легче, где у тебя болит? – она подошла к дочери тоже с досадой на лице, присела на корточки.

– Вот здесь и вот здесь, – показала девочка на живот и выше. – И тошнит.

Юлия стала гладить рукой живот ребёнка, изображая на лице крайнюю досаду.

– Правда болит? – спросил Николай, наклоняясь к падчерице. Девочка закивала головой, смело глядя на него в каком-то настороженном ожидании, скривив ротик от боли, которой у неё не было, но ей очень хотелось угодить матери. – Что же нам с тобой делать? В больницу сейчас отвезем! – нарочито грубо проговорил отчим, хотя ему вовсе было не до шуток.

– Не хочу в больницу. Хочу быть дома и болеть! – проговорила капризным тоном девочка, сощуривая глаза.

– Ух ты коза какая, дома будешь болеть, у нас на глазах? А если умрешь, что тогда делать?

– Коля, Коля, дорогой мой, ну зачем ты такое ей говоришь, это же ребёнок? Она и вчера что-то жаловалась, когда шли из садика, – соврала Юлия, не глядя на мужа. Ей казалось, что у неё пылали уши от стыда.

– Я не умру, я просто поболею... ой, ой, колит сюда! – показала она пальчиком на свой пупок. Варя действительно почувствовала ноющую боль и правдоподобно скривилась.

– Просто не болеют! – отрезал Николай, не зная, что теперь делать.

– Ладно, поболей, но только через час чтобы встала, за сорок пять секунд оделась и умылась, – сказал отчим вовсе не шутя.

– Она же тебе не солдат! – легко укорила жена, поглядев на мужа, и перевела взгляд на Женю, который сейчас закрыл книжку и подходил к ним, тоже встревоженный жалобами сестры.

– Чего ты правда заболела? – спросил брат.

Варя молча закивала, держась ручкой за животик.

– Ладно, черт с вами, болейте, я поеду один! – решительно сказал Николай и быстро пошел на кухню. В кладовке он взял объемистый портфель, из холодильника достал несколько банок тушенки и несколько банок сгущенного молока...

Юлия поцеловала дочь, сохраняя полную, неподражаемую серьёзность, вздохнула.

– Варюха, ты чего, а я так хотел посмотреть большую реку.

– Сынок, река всё равно подо льдом сейчас. Зима нынче крепкая, – сказала благодушно мать, вздохнула и задумалась.

Николай собрался, Юлия провожала его возле двери. Муж ушёл, даже не поцеловал её. Но она несколько не обиделась, так как испытывала перед ним чувство вины оттого, что отнимала у него счастье и втайне думала почему-то о другом, тогда как была беременна от мужа. Она до сих пор не знала, любила ли его хотя бы немного или это только ей так казалось, что любила, в чём ему вчера призналась как-то уж импульсивно и о чем ему никогда не говорила, считая, что любовью не шутят. Но она произнесла те слова в знак благодарности за его доброе отношение к ней и детям. Сейчас она вспомнила, что тогда эти слова её немало удивили тем, что так легко у неё вырвались. Ведь она их говорила искренне только покойному мужу. И, возможно, вполне могла сказать тому, с кем теперь участвовала в деле; и она с сожалением подумала, что вполне способна притворяться. Но всё равно она не виновата перед мужем, что так устроено её сердце, просто ей удалось избежать мучительного волнения, какое она бы испытывала, когда ехала бы с Николаем в автобусе и тряслась от догадок: как встретят её родители мужа?

– Сейчас позавтракаем, и вы пойдёте гулять. Пойдёте? – спросила она.

– А у меня правда животик болит, – проговорила жалобно Варя.

– Может, тебе так кажется?

– Когда кажется, надо креститься! – ответил Женя. – Притвора самая настоящая, из-за тебя не поехали в станицу...

– Нет, я совсем не притвора, правда болит! – повысила жалобно тон.

– Пора покушать, золотце моё, и тогда всё пройдёт... Ну, встанешь?

– Да, я уже залежалась, – не поднимая глаз, как старушка Никитична, ответила дочь, и Юлия ласково ей улыбнулась.

– Вот и хорошо... Я пошла накрывать стол.

Находясь на кухне, Юлия увидела, как к окну подлетела синица и села на карниз с уличной стороны. Она подошла ближе, но птичка всё равно не улетела. В этом знаке ей виделось что-то доброе, и у неё радостно стало на сердце. На улице крупными хлопьями валил снег, плавно опускаясь на землю. Он был такой густой, будто лилось с неба мороженое. В этом сильном снегопаде что-то было торжественное, символическое, поднимавшее настроение – как после хороших вестей. Эти крупные пушистые, мохнатые снежинки казались счастливым предзнаменованием и несли в себе бодрый заряд зимней энергии. Юлия подумала, что если родится дочь, она непременно назовет её Снежаной в честь этого головокружительного снегопада. И в голове, как снежинки, кружились слова песни о зиме, исполнявшейся каким-то певцом. В той песне было столько романтики, отчего невольно подумала о Михаиле. Но тут же вспомнила, что у неё остались непроданными одни джинсы и несколько зонтиков, но ещё было несколько самодельных брикетов сливочного масла.

– Смотрите, дети, какой идёт снег! – воскликнула она. – Вот матушка-зима нас радует. Когда будете гулять, далеко не уходите. Всё поняли? – наставительно прибавила мать.

– Да, я это знаю, а вот Варька хочет всегда убежать в чужой двор.

– Там девочки хорошие, а в нашем дворе гадкие, они играть не дают.

Юлия покорила детей, одела их и проводила на лестничную площадку. Когда они спустились вниз, она позвонила к соседям, открыл тот самый, поступивший с ней дерзко, высокий парень, стоявший в одних трусах.

– Извините, молодой человек, наверно, я ошиблась дверью, – растерянно произнесла она, при всём том вспомнив, что эта та самая квартира, о которой её предупреждала пожилая женщина из соседней квартиры, что там собираются одни пьяницы и наркоманы. Как же она об этом забыла, но деваться было некуда, и она спросила:

– Извините, молодой человек, вам случайно джинсы не нужны?

– Какие джинсы?

– Американские, монтановские. Я принесу сейчас, вы постойте, – ей казалось, что её не туда несло.

Парень стоял, не понимая, чего, собственно, от него хотела молодая женщина, которую он уже где-то видел. Юлия вскоре вернулась с пакетом, в котором лежали джинсы.

– Пошли – примерю! – грубо бросил тот, пропуская её в квартиру.

– Ты один живешь? – Юлия не заметила, как перешла с ним на «ты».

Квартира была двухкомнатная и давно не прибиралась, так как везде было грязно: мебель стояла новая, голая, без ковра стена, оклеённая обоями, на полу во всю длину и почти во всю ширину комнаты лежал зеленоватый войлочный затоптанный палас. Телефон стоял на столике в передней.

– Ну, где твои штаны?

Юлия, вынув из пакета, подала. Её вовсе не смущало то, что он был в одних трусах и майке, она смотрела на парня как на клиента. Руки у него были в наколках, что тотчас её поставило в неловкое положение: она знала, что те, кто отбывал срок в тюрьме, имели татуировки. У Семёна вся грудь синяя от татуировок, а на плече выколот большой крест, под которым была надпись: «Несу всю жизнь».

Парень небрежно выхватил джинсы и с ними пошел в другую комнату, там у него была спальня, стоял магнитофон «Весна», кассеты которого разбросаны где попало по столу и на подоконнике. Под столом выстроились пустые бутылки из-под вина.

Он вышел в джинсах, они были по его размеру, но только сильно обтягивали его стройный худощавый стан.

– Брючата, я должен признать, классные! И сколько заламываешь?

– Три сотенки, так мне сказали!

Парень удивлённо присвистнул.

– Давай сбавляй, а то у меня в кармане не шиша, надо рвать когти к матери. Видала, как живу, точно медведь в берлоге. Ты, значит, живёшь тут с прапором?

– Это не столь важно. Ну, так берёшь за триста?

– Ты что, офанарела, откуда у бича такие бабки?

– Ну, тогда бы сразу сказал, а я сбивать таксу не могу. Прейскурант не мной установлен.

Меня попросили продать.

– Слушай, как тебя зовут, я тебя уже раз видел здесь...

– Я тоже тебя видела пьяного, ну так и что? Мне некогда, думай скорей.

– Сбрось полтинник, и бегу к матери, – сказал парень.

– Не надо торговаться со мной, я сама цену не устанавливаю. Снимай, и я пошла.

Парень прямо при ней стащил джинсы и вернул молодой женщине, понимая, что она с кем-то связана тесными деловыми отношениями, и отступился от неё.

– А что же ты не убираешь квартиру? – поинтересовалась она, уходя от него. Парень провожал к двери.

– Ничего, подруга придёт – заставлю.

– А сам не можешь?

– Ладно, чего пристала. Прапору своему говори, чего он может, а чего нет, а если надо...

Юлия ушла, не дослушав парня, словом, она обошла несколько квартир, и наконец покупатель нашёлся. Потом она продала масло. И если считать деньги, кажется, всё сходилось. В субботу она ни разу Михаилу не звонила. Он назначал, в какое время звонить наиболее удобно, чтобы не нарваться на жену. Но он не знал, что ей хотелось бы подружиться с ней...

Глава двадцать третья

Михаила снегопад застал в пути, он как раз подъезжал к Новостроевску. На дальнобойных фурах полагалось ездить двум водителям. Однако в заграничные поездки это почему-то не предусматривалось. И Михаил всегда, то есть вот уже пятый год, ездил сам. Сначала по своей стране, а потом и за границу.

Не всякий раз ему удавалось провезти приобретённый за свои деньги товар, который запрещалось провозить в большом количестве. Но он выходил из безнадёжного положения за определённую сумму – на базе перекупочной фирмы товар включали сверх того, который надлежало провезти по заказу торгпредства. А потом выкупал его уже дома, поэтому на черном рынке цена на джинсы и всякий другой ходовой импортный товар была высокой и держалась довольно твёрдо и весьма устойчиво.

За годы работы на внешних линиях Михаил сошёлся ближе со своими коллегами. Это были достаточно дисциплинированные и по-своему порядочные люди, знавшие цену всякому произносимому слову. Наличие партбилетов у забугорных дальнобойщиков значило для них очень много. Это были проверенные во всех отношениях люди – и госбезопасностью, и своим непосредственным начальством. Они имели личные автомобили, хорошо знали друг друга, и казалось, им всюду открыты двери.

Иногда вечером они съезжались к вечернему бару, заказывали отдельный зал, куда вход посторонним посетителям строго воспрещался. За закрытыми дверьми они потягивали коктейли при свечах. Специально подобранная спокойная музыка сопровождала их корпоративные беседы, в которые вставлялись иносказательные фразы на тот случай, если бы зал прослушивался.

В кругу этих людей сложились свои философские понятия, далекие от окружавшей их действительности со своими незыблемыми, казалось бы, устоями. У этого общества, собиравшегося в баре, устанавливались свои законы, по которым строились их взаимоотношения. Всё они занимались одним делом – обогащением. У них существовал свой корпоративный банк, куда каждый ежемесячно вносил взносы под небольшие проценты. Этим банком управляли исключительно свои, испытанные в деле, люди. Деньги расходовались строго лишь на то, чтобы их коммерции ничто и никто не препятствовал. В своем городе рядом с законной властью они создали свою власть – многочисленные запутанные связи двух властей тесно переплетались и взаимопроникали, то есть люди в своем кругу, называвшие себя членами «Союза свободных граждан», имели своей целью пускать щупальца во все органы власти, где работали их люди, входившие в эту тайную организацию...

О её существовании Михаил сначала не знал. Если бы в то время ему сказали, что она существует и он непременно в неё вступит, он бы решил, что над ним просто шутят. Какая может быть организация в тоталитарном обществе? Когда бывший таксист стал заниматься коммерцией, он уже хорошо знал, что перекупщики, спекулянты как бы их ни поносили, были и будут в любом обществе. В её основе лежала выгода, как ключ, открывающий двери во все стороны жизни.

И вот когда он занялся фарцой, ему и было предложено вступить в «Союз свободных граждан», целью которого было создание общества предельно, но не абсолютно свободного. Как после стало известно, он существовал не только в их городе: это была довольно разветвленная, хорошо законспирированная организация. Причем из рядовых членов доподлинно ни один не знал, кто же ею руководил. Но и пытаться выяснить Михаил не собирался, потому что такое любопытство при тесном сближении с членами союза было небезопасным...

На одной вечеринке Михаилу предложили золотую печатку с оттиском какого-то непонятного магического знака. Он купил перстень, увидев, что и у других есть такие же, правда,

знаки чем-то отличались. Но потом Михаил заказал новую печатку со своим знаком зодиака Стрелец и носил две, но снимал при поездках за границу. Алла считала, что такие печатки носят только представители уголовного мира. И она всегда испытывала неловкость, когда с мужем ходила в общественные места. Но ему об этом никогда не говорила (и, конечно, своей матери).

Ещё в первую встречу с Мариком, когда он случайно увидел её и подвёз домой, она увидела на его руке такую же массивную печатку с изображением почти такого же символа, какой она видела на перстне мужа...

Из ресторана Марик привёз её в свою снимаемую коммунальную квартиру, одна половина которой была отгорожена от потолка до пола плотной портьерой, а вторая представляла собой уютную спальню. Она знала, что Марик умел создавать нужный ему интерьер. И здесь всё было обустроено мужскими руками весьма надёжно.

Он проворно помог ей раздеться, словно боялся, что сейчас она одумается и уйдёт прочь. Алла была в шубке из натурального меха. Когда она осталась в платье, он провел её в спальню, где стоял столик и два кресла, а сам побежал за перегородку, откуда появился с двумя бокалами и бутылкой шампанского.

– А есть будем что-нибудь? – спросил он.

– У тебя большой запас пищи? Ты часто здесь бываешь?

– Много вопросов. Нет, ты не думай, что это гнёздышко соорудил для привода женщин. Я здесь иногда работаю. Там мой маленький кабинет, поэтому и глазеть не на что. Итак, яблоки, апельсины, шоколад, бутерброды с икоркой, можно и коньячок?

– Хватит пока и шампанского, ну шоколад, пожалуй. Но учти, спать я с тобой не буду... – улыбнулась она, лукаво глядя на бывшего жениха дольше обычного (что он про себя отметил).

– Да какой базар! Но как же ты узнаешь, чего хотят мужчины?

– А для этого я не думаю, что нужно обязательно переспать.

– Конечно, сейчас увидишь, – Марик быстро включил телевизор, стоявший почему-то на окне, вставил в видеомэгнитофон кассету и включил. Потом открыл шампанское, пока она с интересом смотрела на экран, где мелькали девушки и мужчины. Но только они были одеты, а женщины почти голые, чего в своей жизни ей не приходилось видеть с такой откровенностью, так как все считают постыдным выставляться на всеобщее обозрение. А тут всё на виду, и у Аллы захватывало дух, тем не менее у неё не хватило духа запретить себе смотреть на срам, но всё же любопытство перебороло стыд.

Марик налил между тем бокал и подал Алле, она машинально приняла и стала неторопливо отпивать, продолжая неотрывно наблюдать за экраном. Она почувствовала, как у неё непривычно сильно бьётся сердце, а щеки пылали огнем, но, наверное, не от одного шампанского. Когда на экране стали раздеваться и мужчины, она осторожно посмотрела на Марика.

– Ты давно стал этим заниматься? Разве ученому человеку такое пошлое увлечение свойственно? Я думала – нет!

– Чем? Просмотром картинок или сексом? В первый раз было с тобой, неужели забыла? И, по-моему, неплохо у нас получалось, можем повторить и сейчас...

– Я замужем... нет, и не думай даже мечтать. Но как-то всё это ужасно! Разве у них любовь, они спариваются, как животные, – она говорила как-то необычайно взволнованно, не понимая, что с ней происходило. На неё шёл с экрана голый мужчина, и она видела его напряжённое естество, и дрожь пробегала по всему её телу. Алла, к своему удивлению, допила бокал, гася в душе огонь страсти, она видела, как его взял Марик. Но откуда взялся ещё мужчина? Причём не один. Стали раздевать её. Она, вместо того чтобы встать, откинулась на постель и очутилась в объятии мужчины или сразу двоих. Алла хотела оттолкнуть его прочь, но руки не повиновались ей. А где же Марик, почему он допускает это, где же её бывший

жених, почему он так легко отдает им, зачем впустил их? И с того момента она больше ничего не помнила...

Алла очнулась, как ей показалось, через целую вечность. Она не понимала, где она находится, и даже не помнила, что с ней произошло. Она была накрыта легким одеялом, и на ней не было одежды. Ощувив прилив головной боли, Алла быстро встала, в глазах сильно рябило, всё сливалось, она почти ничего не видела. На стене горел тусклый светильник, но его свет расплывался, как несвежий яичный желток. Во рту всё пересохло, хотелось до отчаяния воды. Она взглянула на свои часы на руке – было только около одиннадцати вечера, тогда как ей показалось, что уже стоит глубокая ночь неизвестно каких суток. И тут она вспомнила ресторан, Марика, каких-то мужчин. Но теперь никого рядом нет. Её охватил ужас...

Марик вышел из-за портьеры одетый, при виде его ей стало страшно, точно увидела самого дьявола.

– Ну как, выпалась? Я тебя раздел, ты перепила...

– А ты трезвый? У тебя вода есть? Что ты со мной сделал, разве я тебя о чем-то просила?

Марик принес ей бутылку боржоми и сухой чистый бокал. Она сама налила и жадно выпила.

– Давно мы здесь находимся?

– Три часа...

– Отвези меня домой, ну и скотина же ты, чем напоил меня?

– Шампанским... вместе пили.

Алла молча одевалась. Его взгляд излучал какое-то тайное удовольствие, про себя думал, что и ей тоже хорошо, просто хочет повозмущаться для приличия.

В машине она спросила:

– Кто ещё был у тебя? Я видела двух или даже трех мужчин...

– Тебе это просто приснилось, никого не было. Я был один... видик смотрели, а потом ты отключилась, перепила – в ресторане, у меня две бутылки осушили...

...Возле своего дома Алла выходила из машины с полным равнодушием, не сказав Марику ни слова, он обещал ей позвонить.

– Не смей! – и пошла к подъезду по тёмной аллеё, на которой слабо мерцал голубоватый снег.

При развороте Марик осветил её, словно обсыпал жёлтым песком, и быстро уехал, будто с какой-то дерзкой обидой. Ещё бы: когда-то в ресторане он не раз видел её мужа, кто-то из бывших одноклассников ему услужливо показал бывшего таксиста, ставшего видным дальнобойщиком. Прошли годы. Марика приняли в «Союз свободных граждан», и он однажды за общим столом даже выпивал с Михаилом. Хотя разговор у них не клеился, так как тот был в общении с малознакомыми людьми исключительно сдержан и потому на Марика смотрел безразлично, он в то время не знал, что это и есть бывший ухажер Аллы. Поразительно было то, что у жены он даже не интересовался о своем предшественнике. Марик же даже при расставании после сегодняшнего свидания не признался Алле, что был знаком с её мужем, который всегда вызывал у него недоброе чувство. И потому не стремился узнать поближе Михаила, чтобы хотя бы немного понять, чем именно ей приглянулся таксист. Правда, и раньше на расстоянии было заметно, что в обаянии и мужественности тому не откажешь. Только и всего. Положения в обществе у него тогда не было: таксисты всё барышники и бабники. Но совсем другое дело нынешний Михаил, объединявший в городе почти всех теневиков...

Алла, убедившись, что попала в неприятную историю по своей же глупости, не стала терзаться своим дурным поступком, она отправилась к матери за сыном. Но он уже спал.

– А говорила – придешь в десять часов, – упрекнула Надежда Ивановна, приглядываясь внимательно к дочери и улавливая запах вина.

– Извини, мама, задержалась в гостях, больше не повторится. Может, у тебя останусь, Миша приедет только завтра вечером, а дома нам с сыном скучно... И что ты так странно на меня смотришь?

– Ничего, конечно, Виталика будить я тебе всё равно не позволю. Спи, а утром поедете. Да что дома делать, завтра воскресенье. Отвлекись от своих школьных дел. Ох, боже мой, а что это у тебя? – всплеснула мать руками.

– Где? – Алла с испугом на лице быстро подошла к зеркалу и увидела на плече большой лиловый синяк. Но она понимала, что это вовсе не синяк, а засос. Значит, ничего ей не приснилось, выходит, Марик чем-то напоил и переспал. – Мама, да это синяк, я уронила заколку, а когда поднимала, зацепилась плечом за шифоньерную дверцу... и забыла...

– Ну ладно, ладно, не выдумывай, с мужем же, а не с кем-нибудь, – сказала Надежда Ивановна, пытаясь, однако, по глазам дочери понять, с кем она была. Но с кем бы ни была, теперь это произошло, в чем увидела недобрый знак. Ведь дочь так любила мужа...

– Ой, мама, ну что я тебе буду всё объяснять? С Мишей мы хорошо ладим, зачем бы я ему изменяла?

– Вот и я так же думаю...

Наутро Алла не спешила вставать, она поняла, что в её жизни произошло самое ужасное. Марик взял её обманом. И не мог не взять, ведь она за этим и поехала к нему. Хотя спать с ним она действительно, как сейчас уверяла себя, вовсе не собиралась. И вообще, если бы не тот порнографический журнал, если бы не таинственная от неё жизнь мужа, разве бы она теперь ходила с этим «синяком». Но как его скрыть от мужа? Вчера не удалось его вывести ни монетой, ни льдом из морозилки холодильника. Но если бы она испытала мстительное наслаждение от измены, а то ничего не помнит, точно ничего с ней и не произошло. «Какой, однако, коварный, подлый этот Марик! А что же ты ждала от него? Подарка? – говорил ей внутренний голос. – Но я же не этого хотела. Он мне так и не сказал, что хотят от женщины мужчины? Да то, дура, что с тобой произошло, того и желают». Эта мысль пронеслась в сознании, как бич, хлестнувший её по лицу. Неужели Михаил тоже такой? Она теперь сомневалась в его порядочности ещё больше прежнего. Да, несомненно, он такой же, как всё, мечтающие о постельном разнообразии, тогда как этого между ними быть не могло в силу их разных представлений о любви...

...Михаил старался не ставить свою фуру под окнами дома. Но в исключительных случаях иногда это делал. Вот как сейчас, когда начался сильный снегопад, он решил не ехать пока на автобазу, а заехать домой, отдохнуть часок, а потом отгонит машину в бокс на профилактику. К тому же должна была позвонить Юлия. Дней пять назад он заскакивал к ней в кафе, и она сказала, что порученное ей дело будет готово к воскресенью. В этот день он должен был вернуться из Польши, если его только ничто не задержит в пути.

Когда он въезжал в город, снегопад стал стихать, но снег ещё продолжал валить, дворники без конца сметали его с лобового стекла. Домой Михаил приехал в одиннадцать часов. В квартире не было ни сына, ни жены. Он заглянул во все углы, поставил свою объёмную дорожную сумку, позвонил на базу, что через час-полтора подъедет выгружаться...

Глава двадцать четвёртая

Когда подошло время звонить Михаилу, Юлия вспомнила, что у соседского парня видела телефон. Их аппарат неожиданно вышел из строя, а муж почему-то не спешил вызывать телефонного мастера. Впрочем, когда она ему напоминала, что нужно починить средство связи с внешним миром, Николай всегда отшучивался, дескать, со службы не будут звонить, а если надо – пошлют за ним дневального или дежурного с КПП. А Юлии казалось, что муж просто не хотел, чтобы она пользовалась телефоном, за что на него затаила обиду...

И вот чтобы не идти к гастроному, откуда она в последнее время звонила из автомата, Юлия пошла к соседу. За то время, когда она была в его квартире, там собралась молодёжь. Были и девушки, Юля слышала доносившийся гомон, но всё равно позвонила в дверь, удивляясь своей бесшабашной смелости.

– С твоего телефона позвонить можно? – спросила она, увидев в приотворённую дверь соседа.

– Давай! – протянул он и жестом руки разрешил войти.

Юлия переступила порог. Её встретил гром музыки, доносившийся из глубины квартиры, где было густо накурено; она подошла к тумбочке, на которой стоял телефонный аппарат зелёного цвета, стала набирать номер Михаила (только бы он сейчас был дома, так как до наступления вечера хотела отдать ему выручку за вещи и заодно отвезти Семену деньги, вырученные за сливочное масло).

К счастью, Михаил оказался дома, ей почему-то показалось, будто он пьяный, так как говорил не очень внятно. Он назвал улицу, номер дома. Значит, будет ждать её на улице.

– Ой, Миша, это так далеко, я же к тебе с детьми не потащусь. Может, ты сам приедешь, Коля уехал в Багаевку к своим родным, а я кукую тут одна.

– А понятно, а у меня жена у своей мамы, я тоже сижу один как перст, что делать?

– Ты не смейся, с тобой никого, а я детей одних не оставлю без присмотра...

– Мне надо в гараж, а потом к тебе, на фуре не покачу ведь?

Юлия поблагодарила соседа и пошла домой с таким впечатлением, будто Михаил был не заинтересован в своих же деньгах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.